

16+

ПАВЕЛ САФОНОВ

*Приключения
северянина*

рассказы

Павел Сафонов

**Приключения северянина.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сафонов П. А.

Приключения северянина. Сборник рассказов / П. А. Сафонов —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-5321-1508-8

Автор «Записок северянина» считает себя человеком вполне ординарным. Хотя жизненную школу прошел неплохую. Три года службы в Забайкальском военном округе, учеба в Иркутском сельхозинституте на факультете охотоведения, практика на Байкале, год поработал охотником на Енисее в Туруханском районе. И вот волею судьбы оказался в национальном поселке Ачайваям, там он пришел к выводу, что в СССР самая выгодная должность — рабочий. Устроившись слесарем в оленесовхоз, стал жить по принципу «как надо», но не «как все». Что из этого получилось, узнаете из его рассказов.

ISBN 978-5-5321-1508-8

© Сафонов П. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Охота	5
Белый медведь	13
Летовка	14
Сенокос	31
Щит	35
Заколдованная культбаза	36
Семнадцатый километр	45
Млётываям	47
Совхозный забой	49
Гвоздикин	53
Первое профсоюзное	54
Первый рабочком	57
Алина	59
Елизово	65
Хабаровск	67
Ижевск	72
Институт	76
Ольга	77
Ижевский мехзавод	78
Оля	80
Москва	85
Ижевск	89
Разговор с отцом	90
Институт	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Павел Сафонов

Приключения северянина

Сборник рассказов

Охота

Конец апреля. В устье Майнваяма тепло чувствуется только в середине дня. Солнце начинает греть, и свет его настолько ослепителен, что без темных очков можно потерять зрение. Снег не осел, нет ни проталин, ни темных пятнышек даже на южных склонах. Яркий свет и первые лебеди – пока единственные признаки весны.

Лебеди кричат совсем близко, прямо под обрывом. Метрах в тридцати внизу на незамерзающей глади куюла шесть птиц выглядят большими серыми кучами перьев. Над краем обрыва малахай выделился пятнышком в несколько сантиметров, но и этого для них больше чем достаточно. Резкий клич, отличный от переговорного, в секунду поднял всю стаю. Отлетев от опасного места с километр, они сели на открытую ветру излучину Ачайваяма, прямо на лед.

По ряду холмов набили тропу росомахи. Волк проложил свою цепочку вольным зигзагом. Неплотно сжатый кулак свободно умещается в отпечатке лапы.

Куропачи разделились на пары и уже поделили участки. Самцы с красными роскошными бровями на чем свет костерят человека за непрошеное вторжение в свои владения. Самки ведут себя скромнее: сидят неподвижно, затаившись и издавая короткие и тревожные «ко-ко-ко» только перед взлетом, если слишком к ним приблизишься.

В марте была корализация – разделение табуна на плодовую часть – рэквиит (самцов, яловых маток) и молодняк – пэчвак. Пэчвак в нескольких километрах. Пастухи определяют расстояние с исключительной точностью двумя словами – «близко» и «далеко». В любом случае можно пилить на вездеходе час-два, а можно и полдня, а то и целый день.

Бригада рэквиита живет в тонкой брезентовой палатке – весна пришла, нечего нежиться и таскать с собой тяжелую меховую, ей место на складе.

Около палатки на ветках ольхача, разложенных на снегу, краснеет оленьё мясо. На тонких гибких палочках, воткнутых в снег, сохнут пыжики. Отел в самом разгаре. Пастухи весь световой день в табуне, и все равно отходов не избежать. То табун чего-то испугается, бросится бежать и обязательно задавит нескольких новорожденных. То мать отказывается от малыша; то просто слабый родился, не может сам о себе позаботиться, лежит, смерти ждет. Слабым в тундре места нет. И лисичка не прочь полакомиться свежатинкой. И ворон тут как тут. Поди узнай, он мертвого стал долбить или еще живого. Оленеводы приносят телят и оставляют у палатки, дальше ими занимается Люся, жена бригадира Алексея Опылло, чумработница. Она же готовит, сушит шкурки, разделявает туши, следит за одеждой, топит печку, ходит за водой. Встает раньше всех, ложится позже всех. Ей лет тридцать, а выглядит на сорок. Женского в ней – только пол.

Дальше пыжики идут по усмотрению бригадира. Львиная доля – в совхоз на склад, по одному-два – пастухам. От пастухов небольшая часть – на одежду, а остальное – мельгитанам за водку. Такса: бутылка – пыжик.

К вечеру вездеход обслужен. Относительно. На нем всегда работы невпроворот. Завтра выедем и доедем. Опять же, если ничего непредвиденного не случится. Кто его знает, что у него на уме.

Собрались уже все. Вельгоша – главный зоотехник, Ольга – оленетехник, Алексей – бригадир, Паша – учетчик и два молодых пастуха. Люся сидит на корточках у печки, колдуя с дро-

вами и кастрюлями. Вовремя ставит полные миски и забирает порожние, постоянно наполняет кружки чаем. Чай наливает чаще всего она, изредка мужчины, но только сами себе. Посередине палатки стоит столик на коротких, сантиметров десять-пятнадцать, ножках, небольшой, покрытый фанерой. Вокруг него все расположились: кто – поджав ноги под себя, а кто – лежа. Пастухи едят варево из крови – коричневую густую массу, пахнущую довольно вкусно. Мельгитане есть ее не могут. Для них бульон с ребрышками и кусочками грудинки. Изредка перепдают языки как дань уважения гостям. После варева по мискам раскладывается вареное мясо. Ни одна кость не выбрасывается, все складывается обратно в миски. Люся потом все куда-то убирает, но нигде не валяется ни одной косточки. Культ оленя почитается всеми. Как она моет посуду, лучше не смотреть. Миски ставятся на стол чистыми, ну и слава богу. Посуда алюминиевая, только чайники и кружки эмалированные. Все общее. Индивидуальные только кружки и ложки мельгитан, привезенные с собой.

Когда приходят вездеходы, на столе хлеб. В остальное время мясо и супы, опять же мясные.

После ужина Ольга с молодыми режутся в карты. Паша читает газету.

– Паша, почему я тебя раньше не видел?

Паша немного косит, когда с кем-нибудь разговаривает, улыбается притягательной улыбкой.

– Я со Средних, недавно.

– Это Павел Рультытегин! – Вельгоша говорит не торопясь, не поворачивая к нам головы.

Знает, что его слышат.

– Я Тергувье, а не Рультытегин!

Почему-то его слова Пашу задели.

– Читал «Слепой поводырь» Пескова? Перед тобой его сын!

– Кто ж не читал «Слепого поводыря»!

– Что кончал, Паша, десятилетку?

– В Петропавловске учился в педагогическом, потом ушел, старикам помогать надо было.

– С какого курса?

– С четвертого.

– Что ж не дотянешь?

– Некогда!

Илье Ивановичу вдруг вспомнилась гонка на оленях, в которой участвовал Иван Пинович.

– Олени вышли на круг, а с круга выйти не могут. Гонки давно закончились, а его все нет. Пошли искать, а его нарту олени вокруг сопки по кругу носят.

На лице главного зоотехника ироническая полуулыбка, то ли осуждающая слепого старика, что взялся не за свое дело, то ли желающая сказать: вот ведь как бывает!

Паша держит в руках газету, но мысли его ушли в детство.

– Однажды отец меня, маленького еще, до школы, повез за кедрачом. Посадил на нарту, привез на сопку и сказал: «Далеко не отходи, будь здесь». Сам залез повыше, стал собирать горелый кедрач и кидать вниз, в кучу, чтобы потом все сложить на нарту. А я же не послушался, стал лазить между палками, и одна кедрачина прилетела мне прямо по голове – бам! – Его рука описывает дугу и опускается на затылок. – И я, раз, и лежу.

Руки совершают опрокидывающий жест. Он дарит слушателям обаятельную улыбку и проводит тыльной стороной ладони под носом.

– Отец кидал, кидал, потом крикнул меня, потом стал бегать искать. Бегаёт, кричит, ищет.

Это надо себе представить. Лежащий ничком в снегу мальчик и мечущийся по склону слепой отец. Чувствуя беду, он проваливается в снежном месиве, спотыкается о кедрачины, вскакивает и бежит, не зная куда, гонимый одной мыслью: где сын?

– Потом наткнулся на меня. – Голос Паши звучит повествовательно. – Схватил, плачет, зовет, целует, а я молчу. – Он раскидывает руки. – Лежу.

Вельгоша продолжает иронически улыбаться. Каждый занимается своим делом. Паша посчитал, что история закончена, и углубился в газету.

Пора спать, завтра в дорогу. Хорошо бы заглянуть на мамычку Чельгата.

ГАЗ-47 – последний из могижан. Скрипит, кряхтит, но ползет и будет еще ползать, пока не развалится пополам. Илья Иванович ведет уверенно, хотя к технике имеет отношение постольку-поскольку. «На все руки» не столько от скуки, сколько по необходимости.

На слиянии ваямов, что по-русски означает «на слиянии рек», стоит наш поселок Ачай-ваям – начало и конец всех путешествий. В этот раз наш маршрут в первый и во второй табуны – к Алексею Опыллэ и Юрию Аляко. Первый – на Майнваяме, притоке Ачайваяма, в сорока километрах, а второй – на Апукваяме, в ста двадцати. Чтобы попасть во второй, необходимо вернуться почти к поселку и затем подняться по Апукваяму вверх. Так диктует дорога. Целиком идти – можно и не мечтать. Свалившись с колеи, натаскаешься с бревном, пока вылезешь. Колея набита хорошо, в основном третья передача. Гусеницы мелькают ровной черной полосой. Иногда «гусанка» становится на несколько сантиметров шире, и эта добавочная полоска прозрачно-стальная. Это значит, что начал вылезать палец. Приходится останавливаться, забивать его и шплинтовать проволокой. Это дешевле, чем ждать, когда «гусанка» расстегнется сама.

Вот и двадцать седьмой километр – мамычка Чельгата.

– Здесь, Илья Иванович. Когда вас ждать?

– Завтра вечером.

– Без меня справитесь?

– Конечно, машина же в порядке.

Через полчаса он будет в табуне. А потом вездеходу стоять сутки. Можно, конечно, и поковыряться в нем, но это ковыряние вечное, а гуси бывают только раз в году. Это как раз тот случай, когда работа может и постоять.

Место запомнили еще с прошлой поездки. Обширная проталина одна на десяток километров. Галечка и днем лужа. А рядом сугроб специально для охотника. На обратном пути удалось выкроить время и вырыть лыжей нору. Раскиданный снег уже растаял. Будем надеяться, что искусственный кустик на входе не будет пугать наших пернатых друзей. Хоть будет, хоть не будет – им деваться некуда. Таких «гостиниц» по всей Апуке раз-два и обчелся. Переночевать можно на мамычке, она в километре от засидки. Чельгат знал в свое время, где ставить юрту. Здесь уже маленький оазис в снежной пустыне. Поляна в пару сотен метров длиной не только освободилась от снега, но и почти сухая. Берег высокий и ветром вылизывается так, что и зимой снега чуть-чуть.

После осмотра мысль переночевать в мамычке сразу отпала. Поляну ветер вылизал, а сараюшку снегом забил, но рядом с ней сухо. С подветренной стороны не очень дует. Если нарвать и постелить сухой травы, то получится вполне приличная постель. Рядом бы еще... Чур меня, про женщин ни мысли. Гусей в тундре видишь хоть раз в году, а их – разве что во сне. На ночь о них лучше не думать, а то проворочаешься полночи.

Хоть и сладок утренний сон, а гусиный крик оборвал его в момент и вытряхнул из спальника. Где он?

Портянки в кукуле затерялись. Вот они. Сапоги на ногах. Резина за ночь замерзла, не гнется. Куртка сползла на ноги. Где рукава? За мамычку, за мамычку. Согнувшись, на четве-

реньках, ползком, только не в полный рост. Фигура его напугает, а что-то непонятное заинтересует. Может подлететь и посмотреть: что же это такое? И стать жарким с капустой.

Шапка мотается над коньком мамычки. Да где же ты, моя Сулико? Уже голова мерзнет. Ага, клюнул! Гагаканье все ближе. Ну и осторожный! Подлетел метров на двести и тянет вокруг мамычки, дабы выяснить, что с той стороны. Фигу тебе, милый! Пока ты пролетишь двести метров, человек вокруг мамычки десять раз обежит. И будешь ты видеть только вращающийся малахай. У тебя – крылья, а у меня – хоть и мерзнущая, но голова. И ружье. Иди сюда, милый!

Внутри все замерло и трясется. Так и промазать недолго. Зря все упражнения. Крик пошел от берега в сторону сопки. Теперь можно надеть шапку, погреть уши и посмотреть. Не может быть: он садится! Спланировал, раскинул крылья и застыл, вытянув шею, на краю поляны. Фантастика. До него метров триста. Он сидит под бугорком. Если его обойти по куюлу и вырасти сзади метрах в пятидесяти, то чем черт не шутит. Вперед. Мамычка прикрывает. Бег согнувшись до обрыва. Вниз по снегу можно скакать в полную силу, снег глушит прыжки. По льду реки до устья куюла, по куюлу до бугорка, можно и поворачивать. Тишина. Скорей всего, еще сидит. Если б улетел, то протрубил бы. Неужели такая тренировка – только утренняя разминка?

Ах, черт, рано голову поднял – до него еще метров сто, и он даже не боком, а повернулся и смотрит. Не на мамычку, а на охотника. Ну все, прятки кончились. Можно смело вставать и идти, ближе он все равно не подпустит. Даже сто метров для гуся – небылица. Хоть бы взлет посмотреть. Стрелять – можно и не думать. Уже восемьдесят метров. Сидит. Что с ним, уж не заболел ли? Семьдесят. На взлете можно пробовать. Шестьдесят – сидит. Можно стрелять... Нет, на взлете больше шансов. Да гусь ли это? Гусь. Голову повернул, чтобы лучше разглядеть, что к нему движется. Сорок метров. Да он здоровый, как корова, промахнуться невозможно. Мушку в основание шеи – и первый курок на себя. Одновременно с выстрелом предсмертный гусиный крик и... взлет. Второй курок. Крик еще истошней, и... летит к реке. Оба выстрела в цели, теперь надо засечь место, где он упадет. Тянет точно на куст ольхаха. Машет крыльями все увереннее, но высоту не набирает, идет метрах в десяти над землей. Неужели взмоет вверх и растворится? Даже смертельно раненный, он может еще протянуть километр, а потом ищи его в кустарнике. Если сердце не пробито, то может и уйти. Нет, высоту так и не набрал, крылья расправил и сел. И сразу исчез, как растворился. На границе между белым и красным полями. Гильзу под ноги и бегом к точке, где он сел. Вроде здесь. С этой точки глаз не сводил. Расстояние не больше ста метров. Все правильно, а гуся нет. Не сквозь землю же он провалился! Вот здесь он упал, разрази меня гром. Не-ту. Что за чертовщина?

Ладно, начнем сначала. Вот гильза, вон куст торчит на берегу. От гильзы до куста метров двести. Гусь сел примерно посередине между гильзой и кустом, там, где кончается светлая прошлогодняя трава и начинается красный лишайник. Даже кустов нет, ровное место, небольшие кочки. Он сел где-то здесь, но его нет. Да пошел он! На него смотрю и не вижу. Видно, такое состояние, что в глазах рябит. Надо пойти сварить чай, успокоиться, позавтракать, а потом продолжить поиски на ясную голову и полный желудок.

Завтрак закончен. Солнышко пригрело так, что куртка и не нужна. А день чудный: небо нежно-голубое, ни облачка, тишина, дымок костра и звон комара. Он даже не раздражает, а только напоминает о лете. За все утро он даже не попытался укусить. И ужасно жаль, что рука до сих пор не ощутила тяжести убитой птицы. Горячка прошла, настроение боевое, вперед.

Итак, вот гильза. Вон куст. Проведем прямую линию и курс точно на куст, а в руки комков снега. Вот кончается трава и начинается лишайник. Белая точка снега на красном – великолепный ориентир. А теперь надо идти по спирали, разглядывая каждую травинку. На третьем витке спирали он вырисовывается. На красном фоне пестрый силуэт. Распластанные крылья, вытянутая шея. Когда найден, тогда виден и за десять, и за двадцать шагов. Сколько раз взгляд прошелся по нему, а не увидел. Вот только что не наступил. Вот это маскировка! Цвет

гуся пестрый, больше серый, а сливается и с красным, и с желтым, и с серым фоном. Вот он, первый охотничий трофей, приятно тяжелит руку. С полем!

День начался удачно, значит, удача ждет впереди. До вечера еще далеко. В засидку! Охота только начинается.

Убитый гусь еще поработает как чучело. Палочками подпереть шею – и полное впечатление, что он сидит. Посмотрим, как гуси отнесутся к этому творчеству.

Сугроб осел, а засидка вполне пригодна. Снежная келья позволяет сесть и даже вытянуть ноги. Стволы между веток, приклад в живот. Ружье к плечу идет бесшумно, ничего не мешает, ничего не бренчит. Гусь-чучело в двадцати шагах, дальний край проталины в семидесяти. Даже на самой дальней дистанции гусь должен быть убит. Все приготовления закончены. «Ой вы, гуси, до свидания!», нет – «Здрасьте!» Летите, что же вы? Что-то не спешат. Могу и подождать, до вечера время есть.

Журчит, разговаривает река. Пока сдержанно, но с каждым часом все серьезнее. Солнце ласкает всех и вся, наливает силой и убаюкивает. Глаза сами закрываются. Грех спать в такое чудное время. Изредка слышится ясный шорох: ветки кедрача, освобождаясь от снега, выпрямляются и готовятся к лету. Зима позади, хватит прятаться под снежным одеялом. На вершине сопки, напротив засидки, уже чистая полянка. Туда потянулась первая четверка гусей. Сели за кустами. Интересно, что они там нашли? Здесь же лучше. Гуси как женщины – себе на уме. Может, туда перейти? В таком случае они сядут здесь. Принцип бутерброда всегда работает безотказно. Здесь, и только здесь.

Что там мелькнуло, рыжее на белом? Кроме лисы, кто может быть таким огненным? Тоже гусятинку любит. Неудачно: поднялись все четверо и взяли курс на север. И что вам тут не нравится? А где же красавица? Одна голова торчит, снова вернулась в свою засаду, откуда сделала вылазку.

Еще пять, опять к лисе в гости. Ей бы ружье! Снова бросок-молния между кустами, и опять гуси берут курс на север. Наступает тишина... только убаюкивающее журчание воды и шорох освобождающегося от снега кедрача. А глаза слипаются. Вот и рыжая голова исчезла, наверное, легла, сидеть надоело.

Что-то гусь тронется. Как-то странно. К засидке сидит хвостом, слева – в профиль, а справа – с расправленными крыльями. Да ведь два уже сели. Молчком. Ну и осторожные! Сели на самый дальний край проталины и смотрят на засидку. Может, успокоятся, ближе приковыляют? Куда там! Застыли изваяниями и глаз с засидки не сводят. Если что-то не понравится, в долю секунды будут вне выстрела. А будь что будет! Ружье к плечу и мушку в центр правой фигуры, передний курок, шелк, осечка. Сидят. Перелом, верхний патрон вылетает, а гусь слева расправляет крылья. Щелчок стволами – и в правого навскидку. Есть! Заряд накрывает его на взлете, он даже не успевает оторваться от земли и расплывается на камнях. Второй делает круг и через несколько секунд будет здесь. Из засидки быстрее, ружье перезарядить, предохранитель вперед. Крик все ближе. Идет низко, над самыми кустами и вылетает метрах в двадцати, изогнув дугой шею. И выносить некогда, навскидку в голову. И вот он, долгожданный красивый выстрел. Полет сломался, крылья безжизненно согнулись, и тяжелая птица переходит в пике. И глухой удар о землю. Ох, хорошо. Поле боя выглядит великолепно. Вот они, три гусака. На сегодня хватит. Остальные пусть множатся, лето у них тяжелое, и на каждом шагу ждет смерть только за одну провинность – изумительно вкусное мясо.

Кстати о птичках, пора обедать.

Вездеход затарахтел ближе к ужину. Гусей через плечо, сверху кукуль, рюкзак и ружье за спину. Илья Иванович ждет со снисходительной усмешкой:

– Ну что, охотничек, где твои гуси?

– А вот они!

Перед ним ложится кукуль, а сверху тяжело шлепаются три птицы.

Задав вопрос для юмора, он тут же его потерял и впился взглядом в гусей.

– Где ты их взял?

– Тут магазинчик за углом, троячок штучка.

– Везучий ты парень! С полем!

– Может, останемся на денек? Место хорошее!

Он сомневается только секунду.

– Нет, поехали. На обратном пути.

На обратном пути они нас будут ждать?

К переходу Апукваяма приезжаем вечером 13 мая. Из второго табуна приехали на побывку в поселок сам бригадир Аляко с женой

Ариной и два пастуха. До поселка восемь километров и сто метров ледяного моста, который зимой проходили на третьей передаче за несколько секунд.

Сегодня это серьезное препятствие, может быть, и непреодолимое. К ночи подморозило. Лом не пробивает лед с первого удара, и впечатление такое, что под ногами монолит. Но одно дело ноги, другое – три с половиной тонны металла плюс груз.

– Ну, рискнем.

Люди, конечно, идут пешочком. Илья Иванович благословил и показал три пальца, стало быть, третья передача. Ровно пробежав треть опасного пути, вездеход наклоняется влево, теряет скорость, выравнивается и уходит правой «гусянкой» в лед. Лодка вездехода лед не проломила, но попробовать дальше желания нет.

– Давай бревно, поехали на мамычку.

Груз дружно перетаскиваем на правый берег. По льду он сам катится. Завтра придет из поселка трактор и перевезет его домой.

Гусей отправляем своим половинам.

– Миша, двух гусей отдашь Любове Георгиевне, одного – моей.

– Ни в коем случае, Юра. Только одного. Я еще убью. – Илья Иванович не может согласиться с таким распределением трофеев.

– Юра!

– Ладно, – бурчит Юра, – разберемся.

Прорваться в поселок не получилось. Остается переправиться через Ачайваам и оставить машину на левом берегу Апуки напротив поселка. Через час мы на мамычке. Воду не сливаем, уже не прихватит ее морозом, все-таки середина мая. В пять утра по самому морозцу Илья Иванович, развернув вездеход, включает заднюю передачу.

– С богом!

Расчет верный. Перед тяжелее. Если и провалится, то мордой вперед не зароется, а пока будет скрестись, можно выпрыгнуть из кабины. Машина ревет на пределе, оставляя за собой полосы из крошева льда и воды. Останавливаться уже нельзя. Выскакивать и бросать вездеход еще рано. Так он и ползет. Передние катки наполовину погружены в лед. У водителя выражение лица камикадзе на неразорвавшейся бомбе. Если движок хоть раз чихнет... Или соскочит «гусянка»... Или поведет в сторону... Не заглох, не соскочила, не повело. Проревев метров сто, «газончик» выровнялся и легко побежал по прибережному льду.

Все. Теперь можно никуда не спешить. До места напротив поселка двадцать пять километров и ни одной речушки. Есть пара куюльчиков, но есть и бревно. Да и куюл – не река. Не ухнет в бурлящую водоверть под лед. В худшем случае – прогулка пешком.

А весной с ружьем и патронами – это удовольствие.

Костер, чай и завтрак. Вельгоша работает на равных, не используя ни возрастного, ни социального преимущества. Таскает дрова, варит суп, достает рюкзаки. Всегда ровный голос. Все продумывает и по два раза не повторяет. Общение с ним – одно удовольствие. – Конечно, как не убить на таком месте. Весь гусь будет тут.

– Был три дня назад. Сегодня проталин на реке тьма и тундра на треть открылась. Но может и налететь.

– Там он будет.

– Ни пуха!

– К черту!

Вдвоем в одной засидке делать нечего. Выстрелы спорные, болтовни много, и два ружья рядом небезопасно. Слишком часто ружья стреляют сами. Один тундру лучше чувствуешь, и никаких споров: упало – твое, полетело дальше – значит, промазал, сам виноват.

Старшой переходит ручеек, отделяющий его от засидки. Три дня назад не было и намека на его существование.

Ружье проверено, заряжено и на предохранителе. Патроны с гусиной дробью в левом кармане, две пули в правом. На всякий случай.

Куда б пойти, куда податься, кого б найти? С последним ясно – гуся. А вот с первым похуже. Снега еще много, хотя есть и чистые участки. Но ходить еще тяжело. Можно попытаться счастья на лисьей полянке. Следов нигде не видно. Отказалась от охоты или гуси здесь больше не садятся? Поляна обширная и вся усеяна брусникой. Ягода из-под снега не матовая и твердая, какой обычно бывает осенью, а прозрачная, налитая, в тоненькой оболочке. Только прикоснешься, сразу лопается, окрашивая пальцы и губы в кровавый цвет. Теперь понятно, зачем сюда гуси садились. Весной всегда кислоты не хватает организму. Ух, хорошо, аж челюсть сводит. Ладно, хватит, можно и поохотиться. Лиса сидела на северном склоне, и ветер с севера, непонятно. А-а, ясно, с юга кусты кедрача не такие густые, подхода нет. А здесь и притаиться, и поляна как на ладони и простреливается от и до.

Этой ночью спали только четыре часа, и предыдущие дни были напряженные. Струится над поляной марево, кружит голову. Жаворонок завис прямо над головой; шелестит, разговаривает под напором свежего северняка кедрач. Гамма весеннего дня убаюкивает, закрывает глаза. Бесплезно сопротивляться, можно и поспать. Гусь разбудит, когда надумает попастьись. Редко он садится беззвучно – такая уж у него натура. А если тихо? А ладно...

Сколько проспал? Два часа. Гусей не было и, скорее всего, не будет. Лиса не зря ушла. Сидеть надоело без движения. Что это? Илья Иванович выстрелил. Стреляет он неплохо, значит, с полем. Снег осел, стал плотный. Там, на засидке, как он умещается? Надо ноги размять и места посмотреть. Может, что и налетит, всякое бывает.

– Га-га-гак!

Крик воспринимается не только слухом, но и всей кожей. Даже мурашки. Ну и труба. Головой некогда вертеть, он все равно первый увидит. В ближайший куст – упасть и затаиться.

– Га-га-гак!

Не заметил, сюда идет. Трубит и трубит. Шел бы себе молчком. Зачем так орать? Зовет кого? О весне трубит? Просто жизни радуется или поет? Непонятно, но для охотника ориентир. Пора, это дистанция кратчайшая. Следующий крик будет за пределами выстрела.

Четыре гуськом с интервалом в корпус метрах в сорока.

На человека не среагировали – как махали, так и машут.

– Га-га-гак!

Нота не тревожная, скорее, повествовательная, ровная и сильная. Вынос в корпус первого, выстрел. Еще корпус прибавить, и еще выстрел. Четвертый расслабил крылья, согнул, ударился о землю, перевернулся и застыл в мертвой, неестественной позе. А трое ушли, никак не среагировав на выстрел и не сделав прощального круга. Ничего не понятно. Почему упал последний? Стрелял-то в первого. Почему круга не сделали после потери товарища? Ясно только одно: в двадцати шагах лежит гусь, четвертый за весну.

Теперь поровну: два – соохотнику, два – мне. А что у него? Он несколько раз стрелял. Пора и к вездеходу, желудок уже требует.

Он уже колдует у костра. В сторонке лежит кучка уток. Раз, два, три, четыре. Гуся нет, не кулик, не спрячешь. Утки серые, хорошие, но по весу все только на гуся потянут.

– Не налетел?

– Налетел один, высоко. Попал, но упал на той стороне, далеко. Речка пошла, не перейдешь. Протоку-то эту еле прошел, утром в колено была.

Точно. Ходит он в вездеходных галошах. Мокрые портянки, сапоги висят на кустах, и брюки мокрые. Река под тем берегом бурлит и пенится, и непонятно, есть лед внизу или нет. И выяснять не хочется. Тот гусь хищникам в подарок. Жалко, но что поделаешь.

– А что у тебя?

«Охотничек» он уже не добавляет.

– Есть один.

– Покажи!

Из рюкзака вываливается гусак.

– Здоровый.

Голос у компаньона совсем упал.

– Попробуй, Илья Иванович, посадить его как профиль на открытом месте, а сам в кустах.

Старшой молчит, занятый помешиванием в кастрюльке. После обеда берет гуся подмышку и направляется с ружьем вверх по склону.

Возвращается уже в сумерки.

– Даже не налетел?

– Сел метрах в сороках.

– Не успел выстрелить? Осечка?

– С обоих стволов и прицелился не спеша.

– И ушел?

– Как ни в чем не бывало.

– Это просто невезуха. Может, завтра с утра... – Завтра с утра едем домой.

До конечной точки путешествия – рыбалки Хину – доезжаем к вечеру без приключений. Апуку, уже очистившуюся ото льда, преодолеваем на резинке.

Любовь Георгиевна выбежала навстречу мужу.

– Илья, какой ты молодец, двух гусей убил!

В ее глазах сияние от радости встречи. Значит, Юра все сделал правильно, двух отдал ей.

– Это не я, – мрачно отвечивал неудачливый охотник, – это он.

– Илья Иванович, мог бы и промолчать.

– Не мог.

Его супругу это признание нисколько не расстроило, судя по ее взгляду, ей эти гуси до фени, главное, что любимый вернулся.

– А мы их съели, – повернулась она ко мне, – у нас холодильника нет, держать их негде.

– На здоровье, для того их и убили.

На этом мы и расстались до летовки.

Белый медведь

К событиям этого года можно отнести появление в поселке белой медведицы с медвежонком. Бурые медведи гуляют по селу регулярно, но белый – это единственный раз за всю историю существования села, судя по рассказам старожилов. Скорей всего, медведицу принесло на льдах и прибило к берегу южнее поселка, и она пошла на север, решив пообщаться по дороге с людьми.

Прошла она по центральной улице в сопровождении своры собак, которые являются хозяевами Ачайваяма, свободно разгуливающими, где им вздумается, за исключением особо свирепых, сидящих на привязи.

На собак она не обратила внимания, люди ее не тронули, и все обошлось бы без приключений, если бы медвежонок не захотел познакомиться поближе с одной мамушкой, прыгающей на костылях после того, как поломала себе ногу. Возможно, его удивил способ ее передвижения, трудно сказать, что мишутку привлекло в этой особе, тем не менее он к ней подошел. Какова была его цель, сейчас выяснить трудно, но мамушке его приближение не пришлось по душе. Не узрев в нем зверя и решив, что это собака, она замахнулась костылем, что для собаки всегда более чем достаточно. Но после того как костыль хрупнул в пасти зверя и разлетелся на куски, женщина поняла, с кем имеет дело, и, бросив костыль, резво ретировалась в дом, успев захлопнуть за собой дверь. Белый гость не стал выламывать дверь, дабы познакомиться поближе, и последовал за мамашей, тем более что собаки доставили ему немало хлопот своим бестактным поведением. Пройдя все село, мишки проследовали далее в сторону милого севера, и дальнейшая судьба их неизвестна.

Июль 1975 г.

Летовка

Летовкой называют отгон табуна к морю. Возможно, цель его – напоить оленей морской водой, или освободить их от гнуса, или перемена пастбищ. Скорей всего, и то, и другое, и третье, и еще десяток причин, которые знают опытные оленеводы. Как бы то ни было, это путешествие обязательно каждый год, а зря пастухи ничего не делают.

Второй табун, к которому тяготеет главный зоотехник, должен пройти по Тамани до бухты Шлюпочная. На день выезда, 16 июля, он находится недалеко от озера Анана, вниз по Таманваяму.

Провожает новый директор, Плетнёв Михаил Иванович. Высокий, даже здоровый, толстый, обрюзгший. Нос большой, мясистый, глаза маленькие, глубоко посаженные. Лет сорока. Взгляд стеклянный, через человека. Типичный руководитель. Со всеми прощается за руку. Рука мягкая, пухлая, ладонь огромная. По слухам, закончил академию, вроде сельскохозяйственную. Вельгоше он понравился.

– По-моему, то, что нужно для нашего совхоза. Человек сильный, властный. Направлен от управления.

– Не понравился мне его взгляд. А на сильные личности у меня аллергия.

– Время покажет.

Конечно, покажет. А пока впереди долгожданная тундра с приключениями, охотой и рыбалкой. После двух месяцев мехпарка это радость.

До полчетвертого переправка, заправка, укладка. Обед уже на свежем воздухе. И наконец-то долгожданное урчание мотора. Вездеход загружен и перегружен. Бензин, посылки, продукты, спальники, кимитаны, мешки, ящики. Ничего лишнего, но повернуться негде. При норме загрузки – тонна, перегруз как минимум двойной. Торсионы смягчают удар, но упорам на кочке достается. Лязг гусениц, грохот ударов, рев движка – обычная музыка вездеходных путешествий.

Проводником Федя Вельхихей. Волосы густые, прямые, черные, жесткие, как проволока. Это, не смотря, можно сказать про любого чукчу, за исключением разве что стриженных. Скуластый, глаза печальные, серьезный. Неулыбчив, что для человека этой национальности редкость.

Человек шесть учеников лет по четырнадцать-шестнадцать. Одному даже двенадцать. Его зовут Артур, он сын бригадира.

Десять километров дорога идет по левому берегу Апукваяма до сопочки Горелой. От нее поворачивает вправо, петляет пять-шесть километров между сопками по долине, извилистой и узкой. На выходе из нее довольно большое озеро, там всегда гнездятся лебеди. Дальше пошли болота, вперемешку с сопками и твердой тундрой, несколько куюльчиков. По пойме реки деревья: ольха красная и белая, тополь, ива – все невысокие, корявые. На куюлах кустарник – ольхач, карликовая береза. На склонах сопки – кедровый стланник. На твердых тундрах – лишайники, на заболоченных – травы. Видовое разнообразие огромно.

Сопки, сопочки, горочки, куюльчики, кустики, кочки, озера, болота и болотца. Местность сверхпересеченная. Ровная твердая тундра – радость для вездеходчика редкостная. Обычно вторая передача, средняя скорость – десять километров в час. Иногда на третьей, а иногда на первой, да на бревне.

На дороге есть два куюла, очень неприятные. Один – на повороте с Горелой, другой – на выходе из долины. Неширокие, метра три. Берега травянистые. Стоишь – качается. На дне тина, палки уходят. Где твердое дно? И есть ли оно? Их пройти – самая морока.

Первый куюл Илья Иванович проходит удачно.

На середине долины машину чувствительно встряхнуло.

– Этот камень надо отбросить, он мне каждый раз нервы портит.

Он даже не пожалел время на остановку. Надо монтировку прихватить, руками-то не очень. Вельгоша уже пробует раскачивать, уцепившись пальцами за выемку у земли. Монтировка глухо звякает чуть ниже края. Тот же звук ниже и еще пониже.

– Скальный выход!

Снаружи только маленькое серое пятнышко, а трясет через все пять катков. Справа куюл, слева склон, даже меж гусениц непустишь. Туда считай правую сторону, оттуда – левую.

– Последнее слово за природой, поехали.

На втором куюле пришлось поработать, пару раз бревно перецепили. Болотина, куюл с обрывистыми берегами, дорога по берегу Виллейкина, ровное твердое плато, на котором дорога теряется, но в конце его ориентир – орлиное гнездо. У него дорога вновь вырисовывается и ведет к культбазе на Миргепиле – притоке Ачайваяма.

Время 10 часов. Спидометр – 1145. Когда выехали, было 1106, итого 39 километров за шесть с половиной часов. Негусто. Пешком можно быстрее пройти. Но пешком столько груза не утащишь. Все-таки старичок доброе дело делает, только вот бензин кушает... Отдохни, милый, мы пока поспим, на сегодня хватит.

Все культбазы, кроме Нанкичнатваямовской, строились под руководством Вельгоши, в бытность его директором. Завозные, из соснового бруса, просторные и теплые. Времени и средств он на них не пожалел. Каждой бригаде по культбазе. Зимуют в них только в самые лютые зимние месяцы. Остальное время в движении – для сохранения пастбищ. Рядом с культбазой постройки – сарайчики на сваях для продуктов, палаток, нарт и всякого барахла.

Главный зоотехник спешит. В девять утра мы в пути. Куропачата уже на крыле, встретили три выводка. На каждом озерке утиная семья. Искать малышей, чтобы посмотреть, какие они, некогда. Родители при нашем появлении отплывают подальше от берега.

Через пару десятков километров начинается Анана. Анана – святое озеро чукчей. Красавица. Трехкилометровое голубое блюдечко в обрамлении гор и сопок. С востока его отделяет от моря зубчатая скала полуторакилометрового Гребня. С севера маленькие холмики вперемежку с озерцами. С запада, где дорога выходит к озеру от культбазы, идет ряд сопок в форме правильных египетских пирамид.

Вода в озере застоявшаяся, пить ее невозможно. Питают его маленькие многочисленные куюльчики – ручейки с прозрачной водой. На юго-востоке недлинная протока соединяет Анану с Таманью. Вода в ней неподвижная. Ниже устья этой протоки, где-то на полпути Тамани к морю, есть водопад. Пастухи говорят, большой. Настолько большой, что морская рыба одолеть его не может. Поэтому в озере живет рыба только одного вида – эндемика Ананы. Похожа на речного гольца, но по форме рта сильно отличается от него. И цвет яркий, красно-оранжевый. Рыбу из озера есть невозможно из-за запаха тины. Желудок ее набит озерными блошками.

А в реке она охотится на своего собственного малька, и запах исчезает полностью. Каннибализм не мешает ей быть вкусной и жирной – «одинаково олень». Основная ее особенность – она не портится в течение двух недель, если лежит в прохладном месте. Ни один речной вид не выдерживает двух-трех суток. А хариусу достаточно нескольких часов.

Пройдя по южному берегу озера, дорога поворачивает вправо вниз по Тамани и, проследовав по болотам и кочке километров двадцать, приводит наконец к палаткам Алексея. Кроме одной большой общей палатки, стоят еще две маленькие. Одна – чумработницы Марии, пенсионерки. Муж ее, Кияв, растворился в Аутанваямских озерах десять лет назад во время приступа белой горячки. Выскочил из палатки, спасаясь от какого-то призрака, и пропал, поиски его ни к чему не привели. Может, утонул, а может, медведь съел. Пастухом был выдающимся и, по слухам, мог оленя направлять взглядом.

С Марией ее приемная дочь Эмилия. Ей семнадцать, месяц назад закончила десятилетку, но дальше учиться не хочет.

Во второй палатке живет бригадир. Непонятно, зачем она ему понадобилась? Не лень ему ставить каждый раз, когда основная полупустая. Люся осталась с детьми в поселке. Возможно, для сына, но последний стал жить в общей.

Кроме Паши в табуне еще Арэт, невысокий, с непропорционально большой головой, пастух в расцвете сил. Андрей помоложе Арэта, ему лет тридцать. Миша Тынетегин, эвен, что в среде пастухов явление редкое. Миша часто делает ошибки в разговорной речи, что всегда вызывает бурный смех. Чукотский язык – язык звуков. Когда делаешь ошибку в произношении, на лице чукчи появляется презрительное выражение. В чукотском языке есть слово «льге» – настоящий. Так юрта – льгеяна – настоящее жилье. А дом из соснового бруса – землянка. Стало быть, чукотский язык настоящий, русский и английский – тарабарщина зеленая. Эта подчеркнутость большинству прививает твердое нежелание изучать чукотский, хотя язык, конечно, интересный, но далеко не самый «льге».

Но Миша не обижается, смеется вместе со всеми, выставив далеко вперед зубы, позаимствованные, видимо, у лошади.

Он и Паша – табунные юмористы. Если в палатке слышится взрыв хохота, значит, кто-то из них что-то отмочил. Миша отсидел пять лет за участие в убийстве. Он единственный из всей табунной братии, кто побывал в этом учреждении.

Последний представитель бригады – старик Алек. Давно уже на пенсии, но дома, видно, ему нечего делать.

Все пастухи низкорослые, с короткими ногами. Тундра формирует именно такой вариант, хотя по тундре длинноногому ходить удобнее.

Бригадир давно уже ждет нас – необходимо кочевать. С помощью вездехода это много легче. С раннего утра собраны все палатки. Вездеход под общей горой из шумток потерял свою форму и издали выглядит движущейся кучей. Люди ушли с собаками пешком. В вездеходе только женщины и Федя. Он показывает дорогу. Через час, пропрыгав по кочкам четыре километра, подъезжаем к новому лагерю на левом берегу Таманваяма. Речушка неприятна крутыми берегами, воды в ней на перекатах по колено.

Старшой дал добро на рыбалку:

– Мясо уже всем приелось, давай.

Сам остался благоустраивать вездеход. Табуну надо успокоиться. Им займутся завтра.

Алек предложил две удочки на длинных удилищах.

– Выбирай.

Одна блесна белая с красной полосочкой, другая – желтая.

Блесны самодельные, без жала, небольшие.

– Какая лучше?

– Одинаково хватает.

Белая подойдет. Желтую взял Миша.

Так далеко вниз рыба от озера не спускается. Придется подниматься до тех мест, где она есть. По дороге натываемся на утиный выводок. Пять маленьких серо-желтых шариков-утят раскатились в прибрежной осоке. Они еще покрыты пухом, видно, совсем недавно из яиц. Мать, серая утка, раскинув неловко крылья, с трудом отгребается от берега. Протяни руку – и схватишь. Но даже быстрой лисе ее не взять, всегда будет на сантиметр от шелкающих зубов.

– Не стреляйте, они еще маленькие.

Даже на «вы», ну и Миша!

– Миша, как ты себя чувствуешь? Кто ж уток в июле стреляет?

Он довольно улыбается, с удовольствием демонстрируя свои зубы.

На первом же перекате он ловко выхватывает из воды килограммовую рыбку. Все его дальнейшие броски удочкой ни к какому результату не приводят.

До следующей удачи пришлось продираться сквозь прибрежные заросли километра три. Каждый перекал манит и обещает, но ничего не дает, как девушка.

Мише снова повезло первому, он выхватывает две подряд. Как он видит, непонятно. Журчащие, переливающиеся через камни струйки. Ни мелькания чего-то подозрительного, ни всплеска. Чистая, прозрачная вода. Но он кидает и кидает. Ну и терпение! Тренируйся на здоровье. Надо попробовать повыше, там омут.

Место симпатичное. Поворот, русло узкое, а рядом с быстринной тиховод. Глубина выше роста и до дна не просматривается. Удочка без грузила и без поплавок, блесна с крючком и леска. Глубину надо поймать самым точным методом – на глазок. Удилище достает почти до стремнины. Блесна булькает на входе струи в поворот. Леска показывает ее прохождение по водовороту, верхний конец удилища надо пустить за ней, пока блесну не вынесет на поверхность. Леска натянулась, удилище дрогнуло. Рывок – пусто. Наверное, зацепилось за камень. Еще бросок, рывок, снова пусто. Но это не камень и не ветка, рывок был с биением. Крючок тупой. Плоских камешков под ногами в изобилии, вывести жало – дело одной минуты. Бросок, рывок – есть! Красно-желтая красавица крутится на песке. Даже с крючка снимать не надо, слетает сама – заусеницы нет. После восьмого броска как отрезало. В этой яме было восемь штук, вот они, пляшут на песке, сверкая медью и золотом. Тут больше делать нечего. Надо идти вверх или заканчивать рыбалку. Миша поймал две. Итого: тринадцать. Общий вес больше пуда.

Наверное, хватит.

– Хватит, – соглашается Миша, – уже есть хочется.

Пастухи реагируют на нашу добычу индифферентно. Одна Мария искренне радуется.

– Молодец, Патя!

Эмилия тоже никак. Никого она не замечает, ни к кому не тянется. Странно, в семнадцать девушке должно быть все интересно.

Едят все с удовольствием, вылавливая рыбу из общей миски руками и туда же бросая кости. Мельгитанам варится то же, но в отдельной кастрюльке.

Начался дождь. Мелкий, нудный. Погода хмурилась все дни, а с этого все обложило насмерть, словно облака прижались к земле, и мелкие капли дождя-тумана нудно зазудели по палаткам.

Над вездеходом натягиваем тент. Комната у нас на двоих получается шикарная. Скамейки вдоль бортов играют роль кроватей и диванов. В спецящиках варенье, сгущенное молоко и всякие консервы. Спидола, свет от аккумулятора. Днем работа, вечером чаепитие, беседы. Изредка заглядывают гости.

Мария называет вездеход магазином. Продукты здесь лежат, и она перед готовкой приходит их «покупать».

Основная работа – война с копыткой. Оленеводы отлавливают животных, валят и держат. Илья Иванович заскабливает пораженный участок ноги, мажет мазью и делает укол антибиотика. Надо попытаться ассистировать, дабы не стать дармоедом. Особой трудности нет. Тупым скальпелем выскрабливается пораженный участок мышц и кожи до живой ткани. Пораженная часть черная, без кровоснабжения, сходит легко. Олень сопротивляется недолго. Чувствуя силу, лежит напряженный, но не бьется. Когда скальпель начинает ходить по живому, олень может преподнести сюрприз в виде нокаута. Опытный пастух, конечно, ногу не выпустит. Молодежь, случается, отпускает и как замороженная смотрит на мелькающее черное копыто. Пару раз оно пронеслось в непосредственной близости от челюсти, но бог и осторожность спасли, и фул-контакта не произошло.

Иногда ловят животных, пораженных некробациллезом выше колена. Такие идут на мясопитание. Делается все без каких-либо эмоций. Пастух коротко сует нож меж ребер.

Вздрыгнув, животное начинает клонить голову к земле, затем бессильно опускает ее и замирает. Мужчины подтаскивают тушу ближе к костру, остальное – дело Марии и Эмилии.

Последний аккорд в процедуре лечения – укол в мякоть задней ноги. Тут тоже никакой сложности нет. После одного из уколов Алексей рассмеялся:

– Ты – Похтэнкович!

– Что это такое?

Он пожимает плечами и показывает пальцами на свою ягодицу, словно делает укол.

– Тот, кто колет в ж... – объясняет Эмилия.

Выстрелы прогремели неожиданно. Пять, десять... двадцать один. Кто-то напал, что ли?

Палят где-то сверху.

Андрей с пастушком несут молодую самку снежного барана.

– Андрюша, вы из нее сито делали?

– Да баран, блин, вверху стоял, а мы в камень палили – туман, ничего не видно! А когда увидели, патроны кончились.

Самочка небольшая, около пуда.

По дороге натываемся на поляну дикого луга, хоть косой коси. Охалка его украсит мясной рацион, витамины очень нужны.

Андрей отдает тушу, сам направляется к кочке. Это же теленок! Задние ноги сгнили почти полностью. Оленевод вытаскивает нож из ножен на поясе и прекращает мучения животного.

– С собой брать не будем?

– Зачем он? Кайнын съест.

Кайнын – по-корякски медведь.

В самом деле, только что забили двухлетку, вот еще баран, и рыба съедена не вся. Сколько их кончает жизнь вот так – от ножа или от зубов хищников? Утешает одно – зверью тоже надо. В тундре еду добыть непросто.

Двадцать третьего снова кочевка. Палатку и вездеход ставим на бугорке в форме подковы с плоской вершиной. Он на правой стороне Тамани. На спуске к речке и на подъеме от нее пришлось помучиться – крутые. Когда подходим к берегу, Федя идет на разведку. Стоит неподвижно и смотрит вниз очень сосредоточенно.

– Федя, можно спуститься?

– Можно, только перевернемся!

Если же он произносит «Наверное, можно», значит, действительно можно потихоньку на муфте и тормозах опускать машину вниз в полной уверенности, что она обретет в конце концов опору и заскрипит вниз, а не уйдет мордой вперед и не закувыркается. Вверх подниматься проще: склон снизу виден как на ладони.

Дни один в один. Пастухи уходят и приходят. Мария и Эмилия ставят перед появляющимися миски с мясом и кружки с чаем независимо от того, уходят они на час или день.

Метрах в трехстах бугорок поменьше, на нем живет лисья семья. Люди и лисы мирно сосуществуют. Пастухи в сторону соседей и не смотрят, а лисица-мать поглядывает на нас частенько, но ближе познакомиться не желает. Лисята всегда в движении, всегда в игре.

Бочку с бензином оставляем здесь. Все баки полные. Одну сожгли до этой точки, значит, на оставшейся дотянем до дома. Баков должно хватить до моря и обратно. Хватит или не хватит, ломать голову бесполезно, все равно бензина больше нет.

С утра пораньше двадцать седьмого мы в пути. Спуски и подъемы становятся все круче. Идем правым берегом, Таманваям повернула влево. В прошлом году Егосин и Остап прошли на «47-м» до моря по реке и зареклись ходить по ней на всю жизнь. Кустарник мощный, вездеход легкий. Гусеницы слетают на каждом километре.

Справа возвышается вершина Крутой. Надо обойти по ее склону и затем по распадкам к бухте Шлюпочной южнее Тамани.

К двенадцати дня на спидометре 1206. Ровно 100 километров от начала пути. Подошва Крутой, здесь очередной лагерь. Андрей и Арэт, не отрываясь, смотрят в бинокль на вершину. Что они там увидели? Переговариваются на чукотском. Из всех слов понятно одно – «кытэп» (коряк. баран). Неужели? Где он?

Да, конечно же, его сразу видно. Встал, перешел на сотню метров севернее и снова лег. Сколько до него? Километра полторадва. По склону Крутой идут вниз гряды, образуя лощины. По ним можно попытаться подойти. Ветер с севера. Стало быть, заходить надо по южной от него лощине.

Арэт кладет бинокль и берет карабин.

– Андрей, дай карабин!

– Бери!

– Как бьет?

– Точно, – рассмеялся он.

Пастух кладет карабин на место.

– Ну и молодец, ты еще успеешь.

Илья Иванович смотрит на сборы с иронией.

– Мне сердце!

Миша выставляет свои зубы:

– А мне язык!

Андрей не отстаёт:

– Мне грудинку!

– Если ты убьешь барана, ты войдешь в историю Ачайваяма!

– Запомни свои слова, Паша. Илья Иванович, положи на кабину белую шкуру, если баран уйдет.

Надо идти прямо по долине, пока баран не скроется из виду, оставшись справа и сзади. Тундра мокрая, болотистая. Ботинки сразу промокли, а в болотниках этот склон брать тяжело, придется потерпеть. Через полчаса хода барана не видно, теперь можно поворачивать вправо и начинать штурм Крутой. Точно крутая. После небольшой полоски кедрочей сухой склон с каменистыми осыпями. Идти тяжело даже налегке. Ездить на вездеходе удобно, но выносливость теряется. Минут через пять дыхание ртом и пот заливает глаза. Надо снизить темп. Нога находит место, толчок, можно и руками помочь, не стыдно: никто не видит. Подъем, слава богу, позади. Гряда прикрывает барана, но лагерь как на ладони. Белой шкуры нет, значит, кытэп рядом, за грядой, метрах в двухстах.

Дыхание, как у загнанной лошади, пульс сто двадцать.

О стрельбе не может быть и речи, надо успокоиться.

Бинокль не нужен, можно положить на камень, место заметное. Обойму в магазин, патрон в патронник и в ствол. Курок спущен, планка на 100, колпачок со ствола. Ничего не мешаает, не бренчит, можно сесть, расслабиться. Движения в лагере не видно. Все смотрят представление с двумя действующими лицами, одному из которых вскоре предстоит умереть в чисто гастрономических целях. Ну и охотничьих страстей!

«Неужели у тебя рука поднимется на такого красавца?» – звучит вопрос Вельгоши. Поднимется, и еще как. А он без переживаний будет есть баранье сердце. Опять же, если...

Что-то щелкнуло слева. Камень под копытом. Услышал или учуял и пришел посмотреть. Увидел и замер, разглядывает. Под ним камень, над ним небо голубое, и он стоит в профиль, как изваяние, дав на выстрел несколько секунд. Надо успеть медленно поднять карабин, оттянуть затыльник затвора и прижать приклад к плечу. Он все выдержал и эти секунды дал.

Мушка ложится чуть правее лопатки. Толчок в плечо, и затвор вновь передернут. Баран присел на расслабленных ногах, но снова твердо встает. Стрелять, пока он не упал. Даже смертельно раненный, он может сделать несколько прыжков и свалиться на западный склон, откуда его не взять. Второй выстрел навскидку по корпусу. Все, можно не стрелять. Перебирает передними ногами, задние безжизненно волокутся, – перебит позвоночник. Бегом к нему. Он мотает головой и изо рта кровавая пена. Голову к земле и нож меж ребер. Глаза тускнеют, ноги вытягиваются в последнем напряжении и расслабляются. Охота окончена. Великолепное животное превращено в гору мяса.

Впрочем, можно заглянуть и на западный склон. Там тоже может быть что-нибудь интересное. Линия вершины отодвигается все дальше. Идти страшно, лучше ползти. Далеко внизу видна подошва, а тут, рядом, склона нет – пустота. Камешки сыпятся, уклон все вниз, края нет. И тянет бездна. Если сзади кто-то толкнет вниз... Даже если все бараны Нагорья и все слоны Африки там, – пусть они живут. Снять карабин и прицелиться в таком висячем положении – значит начать скольжение вниз, обратного пути уже не будет.

На скале в метре бесстрашно сидит маленькая птичка с длинным хвостом. Будь счастлива, дорогая. Задача номер один – не разворачиваясь, задним ползом дотянуть до места, где исчезает эта жутковатая тяга вниз. Уф, можно даже встать. Впечатлений и острых ощущений более чем достаточно!

Как эту кучу мяса дотянуть до лагеря? Рожки не очень большие, четыре нароста – четырехлеток. Если волоком? Не пойдет, камешками нашпигуется. На бугорок, подсесть под него и, а-а-ах, встать! А дальше? Давит, как будто тонна. Шаг, два... и хватит. Пусть лежит! Пошел он!

– Здоровый нымелан!

Молодец, Андрюша, вовремя появился.

– Андрей, что-то он не хочет идти! – Давай до снега, а там сам пойдет.

– А снег не провалится?

– Не бойся! Катись до самого низу, а там я лошадь привязал.

По снегу он пошел так легко, что пришлось пускать его вперед и прыгать сзади. Снег настолько плотен, что нога почти не проваливается даже при прыжке. Подъем отнял час, а на спуск вместе с грузом – пять минут. Лошадь на привязи белая, спокойная. Выдержала все операции по погрузке на себя барана и ни разу не взбрыкнула.

– Андрюша, коня случайно не Валетом зовут?

– А откуда ты знаешь?

– Он селедку любит?

– Юколу любит, селедки у нас нет.

Вот и не верь в чудеса. Ровно двадцать лет назад мы с отцом ходили в Сангаталоне с двухметровым Микой Осеевым, легендой Колымы, на баранов в этот же день. Отец тогда красиво снял картечью в прыжке барана, а Мика приволок его на себе до лошади. Коня звали Валет, он очень любил селедку и был белого цвета. Через полчаса подходим к лагерю. Первым встречает бригадир.

– Молодец, Похтэнкович, мастер! Мне шкуру!

– Забирай!

Илья Иванович улыбается уже без иронии.

– Не ожидал, молодец!

– Патя, можно мясо взять?

Ну и Мария!

– Да что ж я его – один съем?

Возможно, этот вопрос чисто ритуальный?

Кытэп разделан женщинами в несколько минут. Вокруг таза с костями ног образовался плотный кружок. Пастухи обушками ножей раскалывают круглые кости и глотают еще теплый

мозг. Эта процедура называется в русском произношении «камлерить». Туша от жира белая, не то что синие и водянистые копытчатые олени.

На обед вареная баранья грудинка, плавающая в жиру. Хлебушка бы белого свежего. И шашлычки пожарить! Но Мария спец только по варке мяса, а желающих жарить на всю ораву среди мужчин что-то нет. Да и по чукотским законам мясо жарить на костре не положено.

До темноты предстоит найти проход по склону Крутой. Он только один в километре от лагеря. Метров десять шириной с наклоном к пропасти. Внизу в паре сотен метров пенится Тамань, справа скала – не обойти. А проход все тот же – камешки маленькие, кругленькие, перекатывающиеся под ногой. Как-то они поведут себя под вездеходом? «Газон» легкий, тонн пять вместе с грузом. По горам лазит, как кошка, и траки впираются в грунт, как кошачьи когти. Завтрашний день покажет.

Вечером есть работа. Надо вывести кончик ножа.

– Как это ты умудрился?

– В азарте проткнул насквозь и в камень попал.

Вельгоша рассмеялся.

– Вспомнился мне такой случай. Был у меня в зоопарке ветврач, грек. Здоровый такой, черный. Однажды один из существующих двух северных оленей объелся чего-то, и вспучило его, беднягу. Я врачу объяснил, как можно спасти тракаром. Приносит он тракар и спрашивает: «Куда?» Я мысленно провел линию от маклока на последнее ребро и показываю посередине: «Сюда». Стоит он, сосредоточенный, тракар в руке держит, как нож, глазами сверкает. Как всадит его бедолаге, так он с другой стороны в землю вошел. Держит его и спрашивает: «Что дальше?» Я ему: «Машину вызывай, вези на свалку».

Утром следующего дня подходим к проходу. Вельгоша высаживает всех и с открытыми дверцами на первой ведет машину. «Газон» идет, как приклеенный, не давая бокового смещения даже на сантиметр. Дальше пошел косогор, речушка с чахлым ольхачем, опять перевальчик с голыми острыми камешками. На нем накрывает туман.

Проводники усиленно молчат, когда встает вопрос: куда ехать? Откуда столько озер? Как глазные впадины в каменных костях. Вперед, назад в молоко. Развернуться меж озер – даже мечтать нельзя. Выезжать из ловушек можно только задним ходом. Бортовые перекошены, того и гляди разуешься, особенно при повороте. Наконец кончился и перевал с озерами. Проходим склон с зарослями ольхача, затем левый поворот почти на двести семьдесят градусов в долину, ведущую к Чечекве – Красной горе. На повороте ровное открытое место. Табун в который раз загнан в круг. Вылавливаются больные копытчатой олени и бесцеремонно обрабатываются.

На площадке-пяточке, утрамбованной тысячами оленьих ног, резко чернеющих на фоне желто-зеленых лишайников, осталась умирать важенька. Копытка настолько сильно ее поразила, что обрабатывать рану нет смысла: больше чем наполовину сгнило даже вымя. Она лежит, тяжело дыша, с полузакрытыми глазами. Изредка поднимает голову и смотрит вслед уходящему табуну. Во взгляде тоска и боль. Ни у кого не поднялась рука, чтобы добить ее. Через несколько часов здесь будет зверье поймы, и хорошо, если придет кайнын, тогда ее страдания прекратятся сразу.

К вечеру выходим к Чечекве, разбиваем лагерь. Чечеква ничем не выделяется, кроме одного – цвета – ржаво-красного налета на склонах.

Артур берет удочку и уходит к реке, сразу же растворяется в кустарнике. На груди у него нож в ножнах – его оружие. К реке пробиты медвежьи тропы, до поселка сто шестнадцать километров.

Алексей даже не поинтересовался, где его отпрыск. Во время ужина откладывает в сторону кусок мяса.

– Вот и все его заботы о сыне, – указывает на мясо Вельгоша.

Артур возвращается к темноте, довольный и счастливый. Найдя мясо, делит его пополам со своим неразлучным другом Вутекли, серой собакой.

– Где гольцы, Артур?

– Нету, – улыбается он по-детски наивно.

На следующий день туман, сырость. Еще кочевка на три километра.

С утра тридцатого июля солнечно и ясно. Часа три езды – и вот оно, море. Здесь последний лагерь на пути к нему. Скоро подойдет табун, переночует, и завтра его перегонят к берегу. А пока мы втроем с Вельгошей и Федей идем на разведку.

Тамань осталась севернее. Лагерь стоит на ближайшей к ней речушке Камчиммоваям.

Двухместная «резинка» выдерживает всех, гребет Илья Иванович. Что-то лодка идет не туда. Нужно было брать правее, нас выносит на мель. Перетаскиваем – и опять та же картина.

– Илья Иванович, здесь не степь – речка. Я вас увольняю.

– У тебя лучше получится?

– Надо попробовать.

Лодка пошла по струе, но даже в самых глубоких местах шоркает по гальке. Кроме того, ноги затекли от сидения на коленях.

– Пошли пешком, лодка только мешает.

– Внизу лиман. Не перейдем без нее.

– Я пойду на «резинке» один, – решает Федя.

С одним человеком лодка легко скользит по воде и вскоре исчезает за поворотом. Нам совсем не вредно размять ноги после рычагов.

Тропа торная, ее набили табуны за время кочевков. Следы на песке показывают, что пользуются ей и косолапые, да чаще, чем люди. Она петляет через густой кустарник. Встреча с мишкой нос в нос может быть не только неожиданной, но и неприятной. Ружья заряжены и на взводе, только нажать на предохранитель. Старшой идет впереди, посвистывая и негромко разговаривая сам с собой.

За кустами отчаянное тьяканье. Метрах в шестидесяти лисица. Тьякает, как собака, но визгливее и реже, и, когда лает, прижимает уши. Видно, что сердится. Но кто ей мешает убежать? Смотрит то на нас, то левее. Теперь ясно: на холме у норы, ближе к нам, сидит лисенок. Навострил уши и внимательно смотрит на мать: что тебе надо? Она хочет сказать: оглянись, лопух.

– Стреляй! – загорается Вельгоша. – Он уже большой.

– Через мой труп!

Услышав человеческую речь, лисенок наконец понимает, откуда опасность, и исчезает в норе. Тут же юркает в кусты и мать.

– Упустил, а мне шкура нужна!

– Это не шкура, это кожа. Раньше октября убивать нельзя, только выбросишь. Издалека пышный, а в руки брать противно: вместо волоса короткие иголки.

– Ладно, поверю.

Последние кусты поймы позади. От моря отделяет только ровная тундра. На тундре вышляется серый журавль. При нашем появлении поднялся табун гусей – значит, линька кончилась.

– Что это чернеет?

– Ворона.

Илья Иванович смотрит в бинокль.

– Медведь. Один, два!

Точно, медведь. Ворона сидит ближе. Слона-то я и не заметил!

– Подойдем поближе.

Медведи пасутся, как коровы на лугу, даже не поворачивая головы. Но близко подойти не удалось. Загремели выстрелы: один, два, три, четыре. Один медведь сразу исчез, как сквозь землю провалился. Второй вскарабкался на сопку, временами показываясь между кустов кедрача на прогалинах.

Федя ждал нас с карабином за плечами.

– Убил?

– Нет, – флегматично отвечает он, – ниже попал.

– Зачем стрелял, Федя?

– Не знаю.

Ответ, конечно, исчерпывающий.

Камчиммоваям, как и Тамань, в устье образует лиман. Обойти его часа не хватит. Чтобы попасть на морской берег, пригодилась «резинка».

Лиман неширокий, через несколько минут мы на песчаной косе. Море спокойное, довольно близко от берега круглые нерпичьи головы.

Федя садится у самой кромки воды и долго целится. После грохота выстрела над водяной гладью нерпы дружно исчезают и появляются через несколько минут вне выстрела. Прибрежная полоса усеяна дарами моря. Чего здесь только нет! Наплава стеклянные, пластмассовые, пенопластовые, железные, большие и маленькие, русские, японские, американские. Сетки, куски неводов, бутылки из-под пива и виски, корзинки, доски, бочки пустые и даже канистры. Одна бочка полная.

– А вдруг бензин, Илья Иванович?

– Давай посмотрим.

Он бы нам очень пригодился. Бочка отечественная. Крышка от морской воды приржавела насмерть.

– Попробуем прострелить?

Пуля Бреннеке пробила крышку, прошла содержимое и сделала солидный бугорок в дне.

– Мишке плохо придется, ружье серьезное.

Из дырочки пульсирует дизтопливо. Не повезло. Бочку оставляем за полосой прибора в вертикальном положении, заткнув дыру деревянной пробкой, – может, кому-нибудь понадобится.

Нагрузившись всякой всячиной, возвращаемся к лодке. На середине лимана налетает стая больших птиц.

– Стреляй с обоих стволов, – командует Вельгоша.

После дуплета одна птица комом летит на воду.

– Главное – вовремя дать команду. – Зоотехник вылавливает добычу и кидает ее в лодку. – Это пестрый гусь.

Гусь похож на обыкновенного гуся, но поменьше и действительно пестрый. Переправившись, вещи прячем в кустах, чтобы зря не таскать: завтра будем здесь всем кагалом. С собой берем только птицу.

Стало темно, тропа в сумерках потерялась, Федя повел нас напрямую. Походка у него особенная: прямое туловище и гордо вскинутая голова. Чувствуя за собой дыхание в затылок, прибавляет шаг. Получилась гонка на слух. Не видно, куда ставится нога. При интервале в один шаг надо повторять все движения впереди идущего, почти не видя его, только ощущая. На таком расстоянии ветки не успевают хлестнуть. Илья Иванович в соревновании участия принять не захотел.

– Куда вы гоните, да нельзя же так!

Федя сбавляет темп, умудряется найти тропу, и продолжаем путь не спеша.

К вечеру следующего дня лагерь разбит в конечной точке маршрута. Табун попил морскую воду.

Алек нашел нерпу, убитую Федей. Серая, с черными пятнами. Ее разделали мужчины, хотя оленей не разделяют никогда, доверяя это дело представительницам прекрасного пола. Шкура сохнет на вездеходе, а мясо Мария сварила в кастрюле. Мельгитанам – гусь. Но и он воняет рыбой, как нерпа, есть невозможно. Относительность этого утверждения пастухи разбили в пух и прах, оставив от него одни косточки. Но ужин все-таки состоялся, благодаря вертолету, принесшему нам посылки из дома: там было что поесть и без дичины.

Вертолет прилетел за копыткой, на нем «сам». Сунул пухлую руку.

– Боря, вон на том озере что ж сетку не поставите?

– На кой ляд, Егор Кузьмич?

– Я – Михаил Иванович!

– А я – Петя.

Его взгляд сконцентрировался на стоящем перед ним нахале, дабы дать понять, что наглость ему не нравится. И чтобы окончательно его добить, директор повернулся к нему спиной, заведя речь о чем-то серьезном с Вельгошей.

Забрав туши, тудяга Ми-4 застрекотал в направлении поселка. – Лучше бы пару туш отправить, чем этого катать!

Гулять так гулять. Бригадир принял заказ на стрижку и в несколько минут обрил своим ножом мою голову насухо, без мыла, помазка и одеколona. Так дышать легче.

Утро 1 августа. Погода – чудо. Небо, отмытое июльским дождем, сияет нежной голубизной. Солнечный шар поднялся над мысом Шлюпочным, и в его лучах тает туман, плотной ватой окутавший море. Ни ветерка. Сопки резко очерчены, но цвета нежные, с плавными переходами и множеством оттенков.

В сотне метров от палаток на ровной тундре два пастуха держат на арканах врастяжку быка-альбиноса. Такой красавец рождается раз в сто лет. Алексей с ножом в правой руке крадется к оленю с солнечной стороны, пользуясь слепящей силой лучей. Почувяв неладное, олень стал мотать пастухов. Через несколько минут встает, широко расставив ноги и тяжело поводя боками. Опыллэ этого и ждал. Он подходит вплотную, резко сует нож в бок и отскакивает. Боль заставила животное рвануться несколько раз, но проколотое сердце выбросило всю силу вместе с кровью, и он рухнул на колени, ткнулся носом в мох. Нашел в себе силы поднять голову в последний раз и завалился набок.

Мария и Эмилия уже идут к нему с тазиками, заточенными ножами и с засученными рукавами. Алексей выглядит после схватки не лучше оленя.

– Зачем вы такого красавца?

– Праздник – надо убивать!

– Копыточных мало?

– Надо хорошего!

– Другого не было?

– Сильный очень, всех убивай. Один удар – и убивай!

Да, выделяться вредно. О том, чтобы подтащить его к костру, и речи быть не может. Перевернуть с боку на бок – и то проблема, одному не под силу.

Кстати, о птичках. Обычно в это время Мария приносит кастрюльку с варевом, а сегодня они только начали разделку и костра еще не разводили. Желудок уже требует еду, выводя грустные рулады.

– Илья Иванович, сегодня завтрак упраздняется?

– Откладывается. Сейчас будут бега.

– Пусть будут, но какое они имеют отношение к завтраку?

– А на голодный желудок бежать легче.

– И что же, все побегут?

– Все, за исключением женщин и старика Алека.

– И вы?

– Ну зачем, я же выставил представителя от экипажа вездехода.

– Представителю бежать в резиновых сапогах?

– Уступлю свои кеды.

Впритирку, но подойдут.

– Какая дистанция?

– Беги со всеми, там увидишь.

Пастухи уже готовы. В легких кухлянках и национальной летней обуви. Без всяких поясов и без ножей, что бывает только в особых случаях. Участников больше, чем зрителей. Единственный мельгитанин, на голову выше всех, своим появлением вызвал иронические усмешки.

Эмилия на секунду оторвалась от дела и тут же отвернулась.

Мария повернула голову и неопределенно протянула:

– А, Патя!

Молодежь встретила с явной издевкой:

– Шибко не спеши!

– Смотри, обгонишь!

– Ноги длинные, я бы на таких всех обошел!

Несколько фраз на корякском рассмешили всех, даже Федя грустно улыбнулся.

Какова же дистанция? Состязаться с потомственными оленеводами без подготовки, конечно, невозможно. Хоть бы вообще не сойти. Как распределить силы и на сколько их хватит?

Держаться за Арэтом. Он самый старший и самый опытный.

Он и начал бег легко, без нагрузки. Пастухи вытягиваются гуськом с интервалом в три метра. Паша лидирует, Арэт пропускает всех и идет предпоследним. Ну а последний... Чего уж там, без формы куда лезть. Но это не бег – разминка.

Паша потихоньку набирает ход, но до нагрузки еще далеко.

Направление к лиману. Километра через три тундра кончается. Небольшой, но крутой спуск и метров через триста заросли высокой травы. Перед полоской травы все дружно останавливаются и встают в кружок, задрав кухлянки. Вообще-то такой потребности нет, но если бежать еще далеко, то не терять же потом время из-за такой прозы. Можно и поддержать компанию. Ну вот, они уже побежали. Приходится приводить себя в порядок на ходу.

Темп чуть выше, но тоже несерьезный. Арэт уходит вперед. По песку бежать тяжело – толчка нет, нога вязнет. Рывок делать не стоит, потом не восстановишься. Прибавить потихоньку, чтобы встать за ним. Он что-то гортанно крикнул и поворачивает назад, резко прибавив ходу. Все повторяют его маневр. Вот здесь они развернулись, следы вычертили поворот. Спина последнего мелькает метрах в пятидесяти. Пошли. Итак, дистанция ясна – финиш у палаток. Три километра с хвостиком. Но таким темпом, как взяли все, можно бежать стометровку. Они что, мастера спорта? Тогда можно смело сдаваться!

Ладно, как получится, потом сравним результат. Продолжим бег в гордом одиночестве. Толчок, ногу вперед, напрягать в момент толчка, расслаблять при выносе ее вперед, и дыхание поровнее носом. Берег кончается, начинается тундра. Разгончик – подъем взят, и снова ровный темп. Что это? Шагах в десяти спина молодого пастушка! Вероятно, хитрый маневр. Услышав за спиной топот, он прибавляет скорости, выдерживает минуты две и... переходит на шаг.

Впереди Пашина шерстяная шапочка. Он тоже пытается прибавить шаг, но не выдерживает и минуты. Мокрый, как мышь, на носу повисла капля пота. Ни улыбаться, ни издеваться у него нет никакого желания. Только умоляющий взгляд – не обгоняй. Спорт есть спорт, ты уж не сердись. Впереди четверо: Миша, Федя и двое молодых.

Они даже не прибавляют темпа – нечем. Смотрят на обходящего, как замороженные.

Откуда Артур взялся, его же вообще не было? Он вышел позже и повернул раньше. Впереди только двое – Андрей и Арэт. И вот он, финиш – двести метров. Переэкономил силы, теперь рывок. Андрей не ожидал, но и не растерялся, не сдал – прибавил скорости и до финиша идет бедро в бедро. А Арэт ушел на десять метров. Надо было делать рывок еще до четверки. Знать бы всю дистанцию сначала и пройти бы ее пару раз!

– Молодец, Похтэнкович!

Бригадир улыбается вполне искренне.

– Мельгитанин – ноги длинные!

Алек говорит с уважением.

– Ты чуть теленка не выиграл!

– Какого теленка?

– Приз победителю.

– Арэт, бежим еще раз, я не знал!

На этот раз все смеются весело и непринужденно.

Пастухи молча пересекают финиш и, не поднимая глаз, ныряют в палатку. Последний Миша, как всегда, с зубами наружу:

– А я последний!

– Задержался, бывает.

Встряхнуться, пару кувырков и мостиков – и в палатку, скоро завтрак.

Вельгоша опять без тени иронии:

– А ты, оказывается, хорошо бегаешь!

– По третьему. Молодежь бегать не умеет, пропита, прокурена. Это же не дистанция.

Прощальный круг по тундре перед отъездом. На этот раз в роли компаньона сын Алексея. Идем к дальнему лиману.

Твердая тундра, песчаный берег, перед самым лиманом заросли кедрача; они дали возможность подойти к берегу незаметно. У кромки воды бегают лиса: подходит к самой воде, затем деловито направляется к кустам, по дороге принимает к камешкам. Увидев нас, встала, как бы спрашивая: кто вы такие и что вам нужно? Не спеша повернулась и скрылась в кедрачах.

Вдали у берега огромный камень похож на цветок. Лепестки шевелятся, а ветра нет. Это нерпы греются на солнышке. По кустам можно попытаться подойти. Через полчаса упражнений типа «ходьба на четырех», «гусиный шаг» и «ползание по-пластунски» до них остается открытый участок метров в сто. Ни картечь, ни пуля их не возьмут, нужен карабин. Слева совсем рядом подобными упражнениями занимаются три человеческих фигуры. Это пастухи из соседнего звена идут к нам в гости и по дороге задержались. Придется им уступить: у них карабин. Один из них полчаса укладывается, готовит ружье, целится, потом переползает на другое место и начинает все сначала. Нерпы совсем разомлели и не подозревают об опасности. Наконец выстрел. Камень мгновенно пуст. Стрелок – Кукко – уже тянет за ласт убитого тюленя к берегу. Пуля попала в шею, выстрел хорош. У охотника лицо круглое, нос маленький, курносый. Он возбужден, даже счастлив, блестит глазами, шмыгает носом и хвастливо кричит:

– Учись, мельгитанин, вот так и надо!

Сопли вытри. Был бы карабин, тогда и поговорили бы, кому у кого учиться.

Пастухи быстро заработали ножами, разделывая тушу. Ножи как бритвы. Где бы ни были, всегда с собой брусочек и в свободную минуту вжикают им по стали. Палку строгать еще дадут нож, а открыть консервную банку – лучше не проси. Ножей, как правило, два: один большой, второй маленький для мелких поделок, сверлений дырочек; часто он сделан из одной половины ножниц. На поясах баночки, коробочки, финтифлюшки. Ничего брякающего, ничего лишнего – у каждой вещицы свое строгое назначение. Обязательный атрибут – аркан. Один из гостей – Чолько – сделал аркан из японского невода, расплел кусок и испытывает его при каждом удоб-

ном случае. Возраст у него предпенсионный, лицо землистого цвета, зубы редкие и желтые, движения медленные и вялые. Взметнул рукой – аркан ожег лоб, ухо и сковал, как спеленал. Перерубить бы, да ножа не достать. А как он освободит, так получится, что после драки... – Хороший аркан!

Вот тебе и «вялый в возрасте». Хорош, чтоб тебя! Пастухи нынче в ударе, придется уступить. День, видно, такой.

– Пошли, Артур, обратно.

На тундре, где берег переходит в ровное плато, пасутся на голубице штук двадцать гусей. Если пойти прямо на них, они улетят от нас. Хорошо бы гусятинки, в последний раз давно ели, только весной.

– Мужик, я сделаю круг кустами и буду сидеть вон там за бугорком. Ты ровно через час выйдешь и пойдешь прямо на них. Часы есть? На мои, когда будет ровно пять, иди. Все понял?

– Понял!

– Где будут стрелки?

– Вот здесь.

– Молодец, ну я пошел.

Маневр удался. Гуси заняты своим делом, даже сторожевика не выставили. Можно попробовать подойти к ним сверху, с сопки. Но для этого придется уйти влево, тогда паренек их угонит совсем в другую сторону. Придется ждать. Долго что-то. Наконец гуси забеспокоились, вытянули шею и загоготали возбужденно. Сразу все снялись и... пошли на мальчишку, обдав его воздушной волной.

Уж не везет, так...

Не хочет тундра нам ничего дарить напоследок, считает, что взяли мы уже достаточно. Что ж, пора домой.

– Ну что, мужик, устал?

– Нет!

Молодцом держится, целый день ходил – и хоть бы что.

– Можно, я ружье понесу?

– Тяжело будет.

– Нет, ничего.

В длинной отцовской куртке, болотных сапогах и с ружьем во весь рост он выглядит великолепно.

По дороге наткнемся на молодого суслика. Он сидит, таращится на нас и не собирается убегать. Непутевый еще, страх неведом.

Парнишка садится на корточки, роется в кармане и осторожно кладет перед ним кусочек сухаря.

– Ешь, маленький!

Правильней было бы зверька напугать: дольше проживет. Да ладно, пусть уж расстанутся друзьями.

Восьмого августа в шесть утра мы уже в пути. Вездеход, увешанный наплавами и корзинами, сетками и даже какой-то ванной, напоминает фантастическое разноцветное фыркающее чудовище.

Табун будет идти своим ходом обратно не одну неделю. Илья Иванович, посчитав свою задачу выполненной, спешит домой. Вечером, по его замыслу, мы должны быть на рыбалке Хину. Дай-то бог!

Домой возвращаются те, кто давно там не был, – Арэт и Андрей. Алексей не поехал, и не только потому, что бригадир. Стало ясно, почему он ставил палатку отдельно. Перед нашим отъездом в нее вошла вечером Эмилия. Видно, она делала это давно, просто ей надоело прятаться.

– Пусть будет так, – отреагировал на это Вельгоша. – Лучше со своими оленеводами, чем с бичами.

Сами разберутся, не маленькие, да и никто нас не спрашивает.

На первом перевале в тундре прямо перед вездеходом беспомощно захлопала крыльями куропатка-мать, изображая подранка. Цыплята крохотными желтыми комочками раскатываются в стороны от смертоносных гусениц и замирают в первых попавшихся ямках. Им от роду несколько дней. Когда же они успеют пройти необходимую жизненную школу и подняться на крыло?

Через неделю начнутся утренние заморозки. Двадцать дней назад их собратья в долине уже летали. Может быть, предыдущий выводок погиб и куропатка отважилась сделать еще одну кладку?

Как бы то ни было, а дела их плохи.

Один пушистик не успел отбежать в сторону, кувыркнулся с кочки головой вниз и беспомощно засучил ножками. В этот момент его накрыл трак. Как безжалостно и жестоко! Мы спешим, нам надо домой, а страдают крохотные невинные существа!

– Что, палец вылез?

Нажать на муфту Вельгоше стоило больших усилий.

– Подождите!

Кочка прикрыла птенца. Он успел выкарабкаться из неудобного положения и сидит, затаившись.

– Ну что там?

Увидев на ладони маленький беспомощный комочек, зоотехник растаял.

– Ой ты, малюсенький! Ивану бы его отвезти.

– У мамы надежней.

Расти, малыш, и с нами постарайся не встречаться.

У бочки с бензином сделан привал. Раскачав его по бакам, двигаемся дальше, поменявшись местами. Левый поворот что-то не очень. Лента тормозит раньше, чем расходятся диски, надо бы подтянуть тягу кулака.

– Некогда, надо было раньше.

Раньше-то он вел себя хорошо, почему-то все вылезает в самый неподходящий момент. Вонь от горящего феррадо раздражает.

Илья Иванович стал понукать. Никогда с ним такого не было, видимо, устал, домой спешит. Спешка, кроме помех, ничего не дает. Не посмотрев заранее дорогу, чаще разуваемся в ольхаче.

От Ананы Федя повел напрямую через культбазу у озер и так загнал машину меж болот, что около часа ерзаем на одном месте, чтобы развернуться, не потеряв «гусянку». Она сошла с катков и держится только на звездочке и ленивце. До темноты все-таки выходим на твердую дорогу.

И наконец Хину рыбалка. Полночь, темень. Можно подводить итоги. Выехали в шесть утра, на спидометре было 1269 километров. Приехали в 2 ночи, показания – 1378 километров. Из восемнадцати часов минус три на привалы, еду, заправки. Итого: семь километров в час. Почти спринтеры.

Лодка только одна. Старшой, как и подобает «самому», уступает ее представителям оленеводства. Завтра утром они приедут за нами на моторке.

– Подождем, в первый раз, что ли, в вездеходе ночевать?

Он, наверное, себя убеждает. Поселок в полукилометре за леском. Слышно, как лают собаки, и, кажется, пахнет домом, и не только. Чуть выше сходятся ваямы – здесь глубина в два вездехода. По молодости он, может, и плавал, но сейчас в нем трещин и дырок столько,

что сразу на дно. Да и в горной реке вездеходы неуправляемы, их кружит и несет. Придется спать здесь. Зачем тогда спешили, рвались, надо было на культбазе заночевать!

Мамычка у Романа стоит. Может, где-то лодка припрятана? Бывает же, что везет. Как специально для нас двухместка с веслами. Правда, полуспущена, но надуть не проблема: насос типа легких всегда с собой. Ну вот, вроде держит, до места хватит.

– Садись, Илья Иванович, поехали.

– В такую темень, ты что?

– Вы едете или остаетесь?

Едет, судя по тому, что берет ружье и рюкзак. Русло примерно помнится, за две декады шибко не изменилось. Есть две-три коряги, а внизу надо попасть в протоку, ее видно даже при таком слабом свете. Корягу слышно хорошо, даже белый бурунчик виден, да и острием она по течению, а не против. Опасны только наклоненные подмытые деревья. Надо поближе к струе держаться, к центру. Вот и протока, весла скребут по дну, можно вставать.

– А вы говорили: «В вездеходе ночевать».

– Молодец, я не верил, что доедем. Как ты ориентируешься в такой темноте?

– На слух.

Лодку оставляем здесь, завтра Рома ее заберет. Шагов триста по дороге – и мы дома. Летовка позади.

Впереди мехпарк. Вообще-то к технике имею отношение постольку-поскольку, как и Илья Иванович. До совхоза работал в госпромхозе начальником участка, перессорился с начальством, ушел со скандалом по окончании срока договора, чтобы сохранить надбавки. Проболтался в экспедиции завскладом полтора года, и при первой возможности Вельгоша перетащил меня в совхоз слесарем, так как больше ничего подходящего не было – все места плотно заняты желающими заработать на Севере. У директора совхоза на столе кипа писем со всех городов Союза с просьбой вызвать на работу. В районе коэффициент 1,8, а через каждые полгода по одной надбавке до десяти. То есть через пять лет работы заработок по тарифу умножается на 2,8. Плюс тринадцатая раз в году: при выполнении плана выплачивается средний месячный заработок за год. При условии отсутствия выговора. И раз в три года оплачиваемый отпуск всем членам семьи в любой конец Союза. Так что за место держатся крепко, особенно после пяти лет работы на Севере. И пенсия по максимуму. Поэтому, попав сюда, тянут до пенсии, а привыкнув, и поболее. Что касается меня, то я родился на Колыме, всю жизнь не ниже шестидесятой параллели, не считая армии и института, и жить южнее, особенно где много народа, просто не могу. Да и организм приспособился к северным условиям, на юге начинает давать сбои.

Вообще-то по образованию биолог-охотовед. Нет места по специальности, буду работать слесарем по принципу: где бы ни работать, лишь бы не работать. С механизмами приходилось иметь дело на любительском уровне, но никаких корочек нет, в автошколе не доучился, поссорился с директором, баранку крутить более или менее научился. В армии за три года службы в танковых частях поездил на «пятидесятипятке» и «шестидесят втором», хотя сдавал на наводчика.

А в мехпарке особенных сложностей нет. Главное – вовремя приходиться на работу и вовремя уходить. Последнее важнее. Из инструмента самый сложный электронный прибор называется «кувалдометр». Различается по размеру и весу. Самый уважаемый кличется «понедельник» и весит шесть килограммов. Кто желает узнать почему, тот должен в воскресенье хорошо укушаться, а утром в понедельник помахать этим предметом без опохмелки. А что касается деталей, то все они делятся на две большие группы: хреновины и херовины. Если тракторист говорит: «Поддай мне вон ту хреновину», то никто никогда не ошибается и подает то, что надо. Если скажет: «Поддай вон ту херовину», то опять никто не ошибется. Ассы употребляют термин «ху...на» с тем же результатом. Так что любой человек, даже далекий от техники,

начинает ориентироваться в техническом пространстве очень быстро. Поскольку отношусь к числу индивидуумов с высокой экологической пластичностью, то особых проблем с вживанием в коллектив не было: уже через полгода работы стали ставить вопрос о моем увольнении.

Сенокос

Сенокос – это поселковая трагикомедия. На него выгоняются все, кто подчиняется совместной партийно-административно-советской власти. В корявом лесу меж стволов и кустов травы достигают в хороший год полуметра. На открытых же тундрах да по сухому коса вжи-кает впустую, оставляя на плешинах несколько травинков, благополучно проскакивающих меж зубьев граблей. Приказом все переводятся на тариф и ничего не делают, а получают столько же.

Как правило, в июле начинаются дожди, и идут они до конца августа, как раз в сенокос. Если косить, трава не сохнет и чернеет. По идее надо бы людей отпустить, чтобы не бездельничали за счет оленеводства, или дать возможность заняться ремонтом техники к зиме; но тогда спросят, как выполняется директива «все на сенокос». А невыполнение директивы – это... Это просто невозможно, даже в мыслях.

И бежит по проводам рапорт: «Делаем все возможное, но погода...» И подается к конторе машина, собираются все, кто не на больничном или не на совещании, заседании, симпозиуме, конференции, и трясутся люди по полчаса или часу по тундровым разбитым дорогам, сжигая впустую дефицитнейший бензин и гробя машины, чтобы просидеть до вечера за картами или – в лучшем случае – пособирать жимолость.

Как-то поставит себя новый директор? Введет ли сдельную оплату, подберет ли бригаду добровольцев? Пересмотрит ли расценки?

Утром, в восемь, человек двадцать с косами и граблями собрались у конторы. Машины все нет. Вася со сладкой фамилией Изюмов, волею предыдущего директора управляющий, заполняет паузу:

– Вчера было собрание. Директор, парторг и я там был. – Он окидывает присутствующих многозначительным взглядом, дабы все почувствовали важность последнего факта. – Сенокос идет из рук вон плохо, так дальше не пойдет. – Он снова делает выдержку с расчетом устыдить всех в дым. – Мы решили: сегодня косим до семи часов вечера. Я сам прослежу за этим.

Отреагировать никто не успел. Подошел ЗИЛ, и все кинулись на его штурм с целью захвата лучших мест на скамейках, которых всем, конечно, не хватило.

Наш «сам» с парторгом садятся в кабину. Парторгу сам бог велел. Ему около пятидесяти. Выглядит устало. Гвоздикин Григорий Владимирович.

Вася долго думает, прежде чем ответить, при этом очень серьезно затягивается папироской и внимательно смотрит на собеседника. Дым выпускает тоже сосредоточенно, говорит очень умно. Сегодня он решил показать, как надо косить. Встает первым на краю поляны, проводит брусом по косе. Руки не болтаются сами по себе, чувствуется, что человек косу держал.

И поехали.

Первую полосу до края проходит в темпе, но очень не рвется, идти можно и даже поджимать. Слышит, что коса шуршит впритирку и набавляет темп. В конце ряда останавливается, закуривает. Капельки пота на лбу. После второго ряда втыкает косу ручкой в землю.

– Мне срочно надо ехать!

– Счастливого пути тебе, неповторимый!

Из руководства остается один парторг. Он ничего не показывает, никуда не гонит, идет в общем темпе очень умеренно. Но работа идет, слава богу, без него вообще в основном курили бы.

Григорий Владимирович идет следом. Трава сухая, полукустарники, кустарнички. Через несколько взмахов стебельки не режутся – выдираются. Приходится останавливаться, доставать брус. – Григорий Владимирович, я вам очень надоел?

Он не удивлен вопросом в лоб. Не хмыкает и не разворачивается.

– А что ты мне сделал? Живи на здоровье, ты мне не мешаешь.

– Еще вопрос: вы верите в коммунизм?

– Конечно!

Говорит вполне искренне.

– А как вы понимаете коммунизм?

– Что ты привязался к человеку? – Это Юра. – Ты на себя лучше посмотри.

Дождь не дал даже ответить. Грянул неожиданно, словно кто-то вверху не пожелал нас слушать. Все исчезли в палатке. Сейчас там будет темно от папиросного дыма, а в ЗИЛе никого – это то что надо. Но уединение не получается.

– Подвинься.

– Милости прошу, Григорий Владимирович, только ради всех святых, не курите.

– Ладно, девица, я недавно накурился.

Но без папиросы ему начать трудно.

– Вот ты про коммунизм спросил. А ты знаешь, как я жил? Что мы ели? Мякину, жмых! Про хлеб мечтать боялись! Из дома выйти по нужде было страшно – могли в собственном доме пристукнуть!

Он не играет. Перед ним проходят картины его жизни, и он переживает все заново.

– А сейчас кто думает о хлебе?

– Даже выбрасывают.

– Вот-вот. Разве есть голодные? А люди одеты как? Ведь возьми наш поселок. Сотни тысяч рублей имеет магазин выручки в год! Чего у людей нет? Да все есть! Что ж еще надо? С каждым годом живем все лучше. Разве это не коммунизм?

– До коммунизма еще, как пешком до Будапешта. Пьянство – это единственное развлечение, но от него люди только страдают. Образовательный уровень – не выше седьмого класса. Духовный мир – бутылка. Средняя суть – убожество.

– Скептик ты, Петя! Тебе никогда этого не понять! Ты когда-нибудь голодал? Нет. Знал бы ты, что такое голод, так бы не говорил. Ну а что ты понимаешь под коммунизмом?

– Нормальные люди с человеческими отношениями, без лжи, зависти, бумажек, сплетен, бутылок...

– Ты хочешь, чтобы люди были идеальными?

– Хочу!

– Но этого никогда не будет!

– Почему?

– Оптимист ты, Петя.

– Так скептик или оптимист?

– Не морочь голову, пошли работать – дождь уже кончился.

Ровно в пять мы едем домой.

Следующим утром картина повторяется. Народ без дела шляется около конторы, машины нет, куда-то спряталась искра или компрессия. Ну как не повеселить народ?

– Прошу минуту внимания!

Насторожились. Надо попробовать повторить Васины интонации.

– Вчера было собрание! Директор, парторг. А меня там не было! – Пауза, надо желваками поиграть, вроде получилось. – Сенокос идет из рук вон плохо, так дальше не пойдет. – Еще пауза. – Они решили: косить будете до семи. И я с вами, но до пяти!

Вася играет желваками, но не возражает. К обеду отреагировал:

– Сегодня после сенокоса зайди ко мне!

– Во сколько?

– Часиков в шесть.

– После пяти я администрации не подчиняюсь.

– Смотри, Петя!

* * *

На следующее утро вызов на ковер. В предбаннике перед кабинетом директора тормозит секретарша.

– Директор занят, подожди.

Хрен вам.

– Доложишь директору, что я приходил. Ждать да догонять не люблю. Когда освободится, пришлете за мной.

Догнали почти сразу.

– Быстро беги к шефу, он тебя сырого съест.

Невкусным можно и подавиться.

На этот раз Верочка кивнула головой в сторону директорской двери.

– Проходи.

В кабинете «сам», Григорий Владимирович и Вася. У управа вид обиженного и оскорбленного.

– Садись, – выщеживает Плетнёв.

Гвоздикин невозмутим. Плетнёв начинает с трудно сдерживаемой угрозой:

– Ты почему не пришел, когда я тебя вызвал?

– Я приходил, но вы были заняты, и я пошел на свое рабочее место, чтобы не прерывался производственный процесс. А секретаря попросил прислать за мной, когда вы освободитесь. Время надо ценить.

– Сильно умный? Мог бы и подождать! А что ты вчера говорил?

– Вам уже доложили.

– Почему ты не зашел к управляющему?

– После пяти распоряжения администратора для меня не существуют.

– Я на его месте отстранил бы тебя от работы!

– И оплатили бы вынужденный прогул за свой счет.

До этой фразы он чеканил слова, постукивая пухлыми кулаками по столу в такт своим мыслям вслух. После нее он обхватил ладонями углы столешницы и наклонил корпус вперед.

– Кто он, по-твоему?

Судя по кивку головой, вопрос относится к Васе.

– Бестолочь.

Вася пустил в ход свои желваки и стал краснеть лысиной. Михаил Иванович уперся на руки и начал медленное поднятие корпуса.

– Так нельзя, – вмешивается парторг. И неясно, к кому это относится.

– Быть управляющему бестолочью? Конечно же, нельзя!

Плетнёв садится, приняв решение.

– Можете идти! Вы уволены. С завтрашнего дня на работу можете не выходить!

Это звучит ледяным приговором.

– С работы я уйду после вручения выписки из приказа на увольнение, до этого момента я буду находиться на своем рабочем месте.

– Сильно грамотный?

– Достаточно.

Похоже, что он не привык к возражениям со стороны подчиненных. Он снова стал медленно подниматься из-за стола с таким выражением на побагровевшем лице, которое говорило о его намерении пустить в лоб «сильно грамотного» тяжелую чернильницу, непонятно зачем торчащую на его столе. Есть же авторучки. Его оппонент на всякий случай взялся за спинку стула, скорей всего, с намерением этот бросок отразить. Немного поразмыслив и поняв, что

психоатака не прошла, он положил чернильницу на место и пухлым пальцем указал на дверь. Если хорошенько подумать, то этот жест означает окончание разговора. Так и есть: дверь за спиной и никто не зовет обратно.

Ну вот, три минуты со всеми эмоциями, а говорят: в конторе сплошная волокита. У нас все решается в момент. Теперь надо ждать бумажки. Но с бумажкой дело затянулось. Их сиятельство ограничилось тем, что перестали замечать и здороваться. В карьере слесаря это непоправимый удар.

Ноябрь 1975 г.

Щит

Петрович решил снять с саней боковины, чтобы можно было возить дрова. В работе понадобился лом, но имеющийся был сделан из сыромятины и в процессе эксплуатации приобрел волнообразную форму, что потребовало некоторой его корректировки.

- Остап, дай кувалду.
- Зачем она тебе?
- Хочу лом выровнять.
- Эх ты, грамотей, смотри, как надо!

Несколькими ударами о гусеницу «дэтэшки» он быстро придал этому электронному инструменту первоначальный вид.

- Лихо, спасибо за науку.
- Вообще-то лом правят через колено.
- Покажи.
- Ставь колено.

Окружающие жеребцы заржали, довольные тем, что подкололи умника.

Потапенко набрал толпу, и мы все перетащили эти щиты за кузню, чтобы они не лежали на дороге.

– Скоро выпадет снежок, ты про них забудешь, и кто-нибудь обязательно переедет эти щиты. Скорей всего, это будет к седьмому ноября как подарок к годовщине Октября.

Снежок выпал гораздо раньше и к шестому лежал плотным покрывалом, скрывая не только щиты, но и старые движки и колеса, стоящие торчмя. Шестого, как обычно, началась предпраздничная уборка. Потапенская «семьдесятпятка» утаскивала ненужный хлам на свалку за поселком, которую в народе называли 9-м складом, потому что среди ненужного можно было найти очень много полезного, чего не было даже на закрытых складах.

– Подгони трактор к заправке, – распорядился Остап Петрович, показывая на тархтящего у кузни «таракана».

– Никогда не сяду на чужой трактор, потому что обязательно что-нибудь сломается, а я буду виноват.

– А-а! – психанул Петрович. – Пошел ты...

Сам запрыгнул в кабину и дал с места пятаю и полный газ. Пройдя с шумом и треском расстояние между кузней и бочкой, вылез и уставился немигающим взглядом на торчащие из-под снега остатки от щитов. Переварив, что же случилось, он заголосил не хуже деревенской бабы:

– Это ты, это ты меня направил сюда. Ты специально ждал, когда я забуду, и поэтому не сел в трактор! Что ты ржешь, падла! Я вспомнил, ты еще тогда говорил, что к седьмому ноября я раздавлю эти бл... щиты. Ты это предвидел, и меня специально не предупредил! Это ты виноват! Кончай ржать, гад!

– При чем милиция, что курыдохнут? Кто раздавил – ты или я? Я тоже забыл про эти щиты, а предсказать было нетрудно: если положить вещь не на место, она обязательно себя покажет.

- Но ты даже день знал!
- Совпадение.
- Слишком много совпадений! Ты за это ответишь! – Перед любым судом.

Заколдованная культбаза

В первых числах ноября три грохочущие машины встали на старт у конторы. Два «газона» 47-х и 71-й, арендованный у московской экспедиции. Пастухи и набранные рабочие из местных с мамушками стали грузить кимитаны, рюкзаки, связки юколы, нарты и собак. Почти все в том еще состоянии. Александра Айнавье несли двое специалистов – один за руки, другой за ноги. Он брыкался, но после загрузки выбраться уже не смог – не хватило сил. Через пять минут это стало невозможно даже трезвому, если бы он таковым был. На каждом пяточке что-то живое: или человек, или собака – все впритирку, утрамбовано барахлом и юколой.

Наконец-то в путь.

Будь проклят день и час, когда изобрели водку! Пусть будут прокляты те, кто завез эту гадость на Север! Пусть будут прокляты те, кто пьет ее! В этой орущей, блюющей, дерущейся, потерявшей человеческий облик ораве можно сойти с ума. Кто-то пытается выяснять отношения, кто-то упал и остался в снегу, кому-то хочется показать удаль, и он лезет на крышу, рискуя быть намотанным на гусеницу. Каждое движение надо соразмерять с непредсказуемым поступком сзади, вне поля зрения. Сутки, пока не выйдет хмель и не кончатся все запасы, будет продолжаться содом, затем люди снова станут людьми.

До культбазы Алексея двадцать три километра. Понемногу масса утрясается и ход нормализуется. Потеряли только Никиту Татро, но он умудрился обогнать по насту вездеход и неожиданно появился впереди. Впервые невозмутимый Вельгоша вышел из себя и сорвался на крик. Есть от чего. Не будь наста, Татро остался бы на морозе между культбазой и поселком. Его бы хватились по приезде, и то не сразу. Это верная смерть: в вездеходе он снял кухлянку.

Обжегшись на молоке, дуют водку. Когда к ночи машины уперлись впритирку к южной стене культбазы, Илья Иванович первым делом пересчитал всех и только после этого успокоился. Культбаза, пустовавшая в течение года, ожила. Пройти, не наступив на кого-то, довольно трудно. Кроватей хватило только на пятерых.

Остальные же прочие «узбеки человек на человеке» – в общем, кто где.

С утра установка кораля.

– Илья Иванович, я пойду прогуляюсь.

В рюкзак баночку рагу на всякий случай и две пачки патронов.

Компас и спички всегда в клапане рюкзака.

– Смотри, в поселок не упори!

Юре обязательно надо подкусить.

На улице Рома Оляха обкатывает ездового оленя. На шее животного ошейник типа строгого собачьего, шипами внутрь. От ошейника идет веревка к балде типа палицы, которая в руках у учетчика. Рома резко бьет балдой, как кнутом, ошейник захлестывается, шипы впиваются в шею оленя. Человек поднимает балду, ошейник расслабляется, затем снова при рывке захлестывается. Интервал – секунд пять-десять. На животное больно смотреть, глаза говорят о невыносимой боли, рот открыт, изо рта слюна. А у укротителя на лице явное удовольствие. Зрелище не для любителей четвероногих.

Ветер северный, пасмурно, изредка снежные заряды. Скучновато ходить по такой погоде. Куропатка близко не подпускает, но можно напороться на лису или росомуху. Во всяком случае, веселее, чем мешать кому-то на переполненной культбазе. Прямо от подошвы сопки идет куюл, по нему и надо держать путь. Снег по щиколотку, идти легко, следы печатаются, видно издали. Ориентиры и не нужны: пока не начнется пурга, десять раз можно выйти обратно.

И табун слышно, кружит недалеко, напрямую нет и километра.

Заячьих следов мало, троп нет, только редкие одинокие стежки. Весь заяц в пойме. В предгорье редкий кустарник, да и тот скоро заметет. Куропачий табунок штук в тридцать повел

по бугоркам и озерцам. Метрах в семидесяти взмывает какая-то одна нервная и всех за собой уводит. Шансы есть – если ее вовремя увидеть, то можно и положить. В молоке она растворяется, возникает из белизны и сразу вне выстрела. Тут глаза острые нужны.

Вроде юг потянул. Уже и есть хочется, да и ветер на пургу, пора домой. Что-то табун не слышно? Естественно – север звук наносил, а юг уносит. Крепчает быстро. Накрутил следы – будь здоров, придется распутывать. Уже и не срежешь. Даже выйдя на цепочку следов, не поймешь направление. А вот и снежный заряд очередной. Пелена снега закрыла не только гряды гор, служащую основным ориентиром, но и ближнюю сопку метрах в ста. Как он пройдет, надо будет взять направление по компасу. Пройдет, держи карман шире! Крепкий ветер переходит в свист и вой, пелена снега – в снежное месиво. Старые следы, где они? А свежие? Виден четвертый след, пятый уже растворился в молоке. Раз, два, три, четыре, пять... десять. Большой привет! На счет десять ни спереди, ни сзади следов нет. Взял ориентиры: шум табуна, дальние сопки и собственный след. В этом грохоте пушечный выстрел будет хлопком, след исчезает через десять секунд. А дальние сопки? Вроде куст был метрах в десяти? Ветер южный, но на него надежда, как на ежа. Меж сопки и озер такую круговерть устроит – будешь ходить на пяточке в сто метров и все время ветер в спину. Пора и компас достать. Будем надеяться, что магнитных аномалий нет, а человеческие на стрелку не влияют. Так, надо держать на северо-восток. Километра через четыре, если не упрусь в сопку, буду ночевать. Время четыре часа. Рукавицы остались на культбазе. Так быстрее выстрелишь и компас часто смотреть удобнее. Руки в рукава. Поближе к глазам и щелочку только для компаса меж ладоней. Пока ветер и стрелка совпадают, значит, не очень крутит. Ох и толкает, только ноги переставляй. Хоть бы не началась мокрая пурга, такая еще терпима. Сухой снег отскакивает от меховой куртки, крытой брезентом. Брюки на сапоги – в ноги тоже не попадет. Идти потихоньку, стараться не падать, не вспотеть, не провалиться. Скорость не нужна, иди как идет, спешить уже некуда. Вопрос уже не в том, выйдешь или нет на культбазу вообще. Задача только одна: остаться в живых. Каждый шаг – внимание. Можно провалиться на озере, на куюле. Можно сломать ногу или руку в кедрачах. Можно потянуть мышцы или связки. Каждый шаг без спешки и паники. В такой свистопляске с неделю выдержишь без еды вообще. Есть еще ружье и двадцать патронов. И заяц, и куропатка вполне реальны, на худой конец пойдут и кедровки. Есть еще волк, шатун и рысь. Ну да бог не выдаст – свинья не съест. Когда сил не станет, надо задымить костер. Пурга сильная – больше трех дней не продержится. Дым увидят – вывезут. Главное – не намочнуть, иначе смерть от переохлаждения.

А есть хочется, аж переночевать негде! Кстати, вот гостиница медведю на зависть. Маленький обрывчик, а на кромке куст кедрача такие коряжины наплел – целая медвежья семья спрячется. Внутри тишина, сухо, тихо парят легкие снежинки, а вверху свист, вой, рев. Когда еще такая хижина попадется? По идее надо бы нарубить зеленых веток, сделать мягкую подстилку, жечь костер потихоньку и ждать конца пурги. Но Вельгоша сейчас подхватится, выгонит всех в этот кошмар, и вроде неудобно ловить кайф, когда из-за тебя люди мучаются. Надо идти ближе к культбазе, больше шансов встретиться с поисковиками. Не растерялись бы сами. Пастухи не потеряются, знают каждый куст, не то что горочку или озерцо. Не зря Гиргольтагин подкусил, знал, что места лихие. Еще бы словарь с собой взять, самое время чукотский поучить. Попадется ли еще такое место? Уходить не хочется. Был бы другой главным, сидел бы спокойно. Но Вельгоша же переживать будет, и так в сорок седой наполовину, все принимает близко к сердцу. Человек для него на первом месте, за все отвечает, за всех думает. Интересно, почему он в партию не вступает? Самое время политикой заняться.

Так и тянет влезть туда, в логово. Хватит переживать, это тоже потеря энергии, она еще нужна. Все равно этот куст уже исчез и найти его, что культбазу. Последнюю даже легче. Да, хорошо бы открыть дверь, зайти в тепло и приговорить мисочку с ребрышками. А больше

ничего не хочешь? Пурга – не директор, с ней не поконфликтуешь. И поклонись, и убежишь, и спрячешься – все не стыдно.

Идти все тяжелее, снег насыпает быстро. Уже темно, хорошо, что стрелка компаса светится. Сколько времени, интересно? Надо вытаскивать спички из внутреннего кармана, тепла много уйдет.

Склон начался – неужели сопка? Если она, то слева на ее подошве культбаза. Вверх шажочки еще короче. Нащупать ногой опору, толчок всеми мышцами, и снова нога ищет опору. Склон должен быть все круче, а идти все легче, даже спуск начался. Это не сопка – сопочка, каких в этих местах сотни. На сегодня хватит лазить, пора и о ночевке подумать. Вот кустик, пойдет. Конечно, не то, что тот гигант с корнями-змеями на обрыве. Если присесть, то не очень дует и не крутит, пламя костра будет держать в одну сторону и дымом не задушит. Костер еще развести надо.

Веточки на кедрках у основания сухие и тонкие, они и подойдут на розжиг. Разгрести снег, тоненькие веточки кучкой на лишайник; лбом упереться в рюкзак и куртку расстегнуть, чтобы создать мертвое для ветра пространство под собой. Положение на четырех, как сказал бы Борис Сергеевич, рачком-с. Спичек штук пять-шесть – в правую руку, коробок – в левую. По одной пламя не потянет, сразу потухнет. Где-то подсасывает: пламя колышется на пределе. Вот палочки взяли, начали потрескивать, покрываясь пепельным налетом. Теперь подложить сверху еще веточки толщиной в палец. Пора на бок ложиться, иначе свитер загорится, а это вроде ни к чему.

А теперь можно все класть. Гуляй, Маша! Пламя вытягивается, жадно пожирая зеленые иголки. Тепло чувствуется. Темнота отступает, но за пределами костра сгущается еще больше.

Хорошо, что нож тяжелый – любые ветки срубит не больше чем за пять минут. Их длина роли не играет, костер поделит все на любое количество до нуля, так что лишней рубки можно избежать. Хватит махать – и на подстилку, и на постель, и на костер веток с избытком. Ночью только подкладывай, вставать ох как не захочется.

Ружье – только руку протянуть и сдвинуть вперед предохранитель. Вряд ли оно понадобится, но движение к прикладу надо прочувствовать. Расслабиться и закрыть глаза. Главное – костер не прозевать, разжигать – трагедия.

Семь утра. Число девятнадцатое, месяц ноябрь. В этот день обязательно что-то происходит, с любым знаком, но происходит.

Баночка лосося – не такой уж плохой завтрак. Не мог пару положить и сухарей хотя бы. Уходил-то на два часа... Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал. Хорошо, хоть баночка есть, можно воды вскипятить с брусничником – несколько кустиков попало.

Запах брусничника, мха и дыма. Рюкзачок полегчал на четверть килограмма, а ружье вроде бы потяжелело. От мороза, что ли? Восемь часов, можно и в путь.

Метет уже не сплошь. Соседние сопки проглядываются, и следы остаются надолго. Надо подняться на вершинку и оглядеться.

Ну вот, можно сказать, что повезло, – путешествие кончилось. Стало быть, сегодняшнее девятнадцатое счастливое. В километре фары «газона» 47-го, это Потапенко. Через полчаса Мария протянет миску с горячей похлебкой, а Остап Петрович с Юрой будут подкусывать:

– Ну как погулял, охотничек? Ничего не отморозил?

Ради первого можно потерпеть и второе. Да, но эта сопка двухвершинная, вездеход пройдет под той, дальней, вершинкой и, конечно же, не заметит в этом молоке человеческую фигуру. Стрелять бесполезно. Вездеход ревет, выстрел в кузове, в кабине – это слабый хлопок. Костер затушен, на разведение уйдет как минимум час. Минут через пять он пройдет, можно добежать, тут метров триста – ерунда! Ерунда по гаревой дорожке, а по рыхлому снегу выше колена с кедром под ним – не совсем. Через пятьдесят метров весь мокрый, а еще

через пятьдесят – падение и резкая боль в колене. Нога попала в хитросплетение под снегом и стала на излом. А вездеход рычит где-то за вершиной и уже уходит. Можно не спешить – поезд ушел. Нога цела, ни вывиха, ни перелома. Тянущая боль в левом колене, небольшой ушиб. Вот весь мокрый – это похуже, есть шансы простыть. Похромаем дальше; выйдя на след, направим стопы по нему. Еще полчаса хода до следа. Вездеход, конечно, упорол. Поисковики! Глаза вытарасили и давят на газ. Нет чтобы вылезти на вершину, заглушить керосинку и прислушаться. В десяти метрах ничего не видно, что ж носиться?

Вот он, след. Ну и что? Теперь можно и подумать. В след две ноги не входят, надо балансировать. Проще по целику. Если идти за ним, неизвестно, куда упорет. По ходу, то бишь откуда вышел, один господь знает, когда вышли с культбазы и сколько с утра накатали, гребешков от траков уже нет. И что же делать?

Культбаза недалеко, в пределах километра-двух. Компасу можно верить, круговерти не было, прямая на северо-восток выдерживалась. Хоть бы немного прояснилось. Идти тяжело, нога болит. Самое время зажигать сигнальный костер, рано или поздно его заметят. Погаси костер на десять минут позже, был бы уже на культбазе. Или «газон» прошел бы на десять минут раньше.

А-а, девятнадцатое есть девятнадцатое, от судьбы не уйдешь. Ладно, вперед на штурм вершины, с которой только что слез.

Ну и свистит на ней! Место неудачное – кедрача мало. Опять же еще одно «но». Костер – это роспись в собственном бессилии. Спасти-то спасут, но потом будут всю жизнь в глаза тыкать: охотник, а в трех буграх заблудился. Уж как-нибудь сам. Идти можно, пока забирался, подсох. Десять утра. Два часа коту под хвост и возвращение на исходную позицию, то есть вся работа равна нулю. Если б нулю! Коленка болит, пропотел и потерял всю энергию, которой утром заправился. При разумном режиме расходования ее хватило бы на день. Инфекция! Сокрушаться вредно, неплохо и выводы сделать. Основной: сегодняшнее девятнадцатое число несчастливое. Раз так началось, значит, так и кончится. Стало быть, самое неприятное впереди. Оптимистический прогноз, ничего не скажешь. А что такое неприятность? Купание в кюле или встреча с шатуном? Кстати о птичках, а куда идти?

Гряда гор, на одной из которых культбаза, восточнее. Это аксиома. Сопку лучше оставить справа, чем слева. Если слева, то впереди ждут извилины Нитчакваяма – это завал. Если справа, то Ачайваям, а он приведет в поселок. Решение – идти на северо-восток. Чем севернее, тем безопаснее, просто крюк побольше получится, что опять же скажется на ногах. Ноги, бедные, за все рассчитываются, если голова слабо варит. И все мое.

Вперед. Хорошо: ни обедов, ни ужинов – полная свобода. Темп ровный. Шаг, расслабление, еще шаг, отдых. И так без конца и счета. Ориентиры – компас и часы. Часы завел? Завел в семь, как проснулся. Есть хочется. Куропаточки изредка взмывают и исчезают в молоке вне выстрела. Заяц прокатился по склону метрах в ста. Не мог подождать немного, хоть бы посмотрел. Неужели неинтересно? Нервные все какие-то. Ветер в спину помогает, ну не все плохо. В голове пусто, как в рюкзаке и желудке. Нудно крутится песня в исполнении Ненашевой «А я за радугой-дугою побежала...».

А почему Ненашевой, а не Кристалинской или Герман? Интересно, кто ее на сцену выпустил? И неужели кто-то просит повторить песни в ее исполнении?

«Нет, мой милый, я ни капли не тушуюсь...» Какой блеск! Почему же Ненашева? Наверное, под настроение.

«А я за радугой-дугою побежала...» Беги, беги... А как там дальше? Самому, что ли, сочинить? «Задрожала, хвост поджала...» Почти получается, во всяком случае не хуже, чем «ни капли не тушуюсь».

Наконец-то! Вот она, родная. Это сопка, не сопочка, прямо по курсу. Надо ее взять, даже силы появились. Опора, толчок, расслабление. «Все выше, и выше, и выше-е-е-е...»

Вершина. Есть же бог – заряд прошел. Пусть пасмурно, но видно даже Дымленую Перчатку – сопку в форме кукиша между Ачайваямом и Апукваямом. Вон она, Опана, пуп в трех километрах от поселка. И вот искомая гряда, в молоке осталась в полукилометре справа. Которая сопка культбазовская? Вторая, третья, четвертая? По компасу общее направление гряды точно юго-восток. А теперь хоть ураган. Мимо табуна захочешь – не пройдешь. Раз начались просветы, пурга ослабевает. А может быть, кончается? И с этой, следующей вершины откроется вид на табун? Есть шансы ночевать в тепле и даже поужинать. Нашли и вывезли? Хрена. Но ведь шарятся где-то, жгут бензин. Запасов было только до дома. Спят весь – запросят из поселка. Наверняка доложили по радиии, что потерялся человек, и заказали в Тиличихах вертолет. Хоть бы помело еще сутки, по такой погоде он, конечно, не вылетит. Через сутки, а может быть, и сегодня буду на базе. А спешить нельзя, темп тот же. Потеть опасно – можно капитально простыть. И вниз тоже – топ, топ, ногу сломать в хитросплетениях кедрача – нечего делать. Хоть бы пурга прогудела еще сутки, больше мечтать не о чем. Кстати, вниз спускаться легче, чем подниматься вверх.

Сплошные открытия.

Пошел подъем, и снова песня закрутилась: «А я за радугойдугою побежала без оглядки. Ах, почему же я забыла скипидаром смазать пятки?» Смысл не очень, зато рифма – не придерешься.

Через неделю гулянья, глядишь, и смысл появится.

И снова закрутилась песня. На этот раз из детства. В Усть-Омчуге в школе был шикарный хор, исполнял даже классику. Почему-то вспомнилась ария Антонида из «Ивана Сусанина». Пели старшеклассницы. Солистка была такой формы, типа «бутылочка». Она дружила с парнем, которого звали «кавалерист» за его кривые ноги. И мне всегда было интересно, как они целовались при такой разнице в росте.

«Налетели злые вороны, ворвались в отчий дом, унесли они родимого, не вернется он домой...» Вообще-то не прет тут рифма. Я бы спел: «Сдали на металлолом». В то время на металлолом не принимали, но какая рифма!

Вторая сопка с округлой вершиной. Покорена и эта. Дело к сумеркам. Вдали у подошвы третьей вроде крыша. Нет, конечно, это прогал в кустах правильной четырехугольной формы. Кто как издевается. Культбаза торчала бы острым углом крыши. Опять ночевать в тундре. Стало быть, любит, раз не отпускает. Она, тундра, женского рода. Правда, холодновата, видно, с фригидностью. Придется принимать такой, какая есть, – не исправишь. Пока идет, надо идти. Третья вершина растворилась в темноте, что небо, что земля – одни чернила. Ориентир – светящаяся стрелка.

В седловине пошли озера. Не хватало только завалиться в наледь. Пора думать о ночлеге. Откуда ветер? Мама моя, с севера. Налаживается погода. Кусты вполне приличные – чем не гостиница? Те же процедуры с костром, на ужин две баночки брусничника со мхом. Последний сам попал в темноте. Вкусно ли, милый мой? До ужаса как вкусно! Колено не болит, ну не все так плохо, легко отделался. Дешево заплатил за свою спешку. Не любит госпожа Тундра нервных.

Ни есть, ни пить, ни двигаться не хочется. Никаких желаний. Дышать трудно, ружье свинцовое, куртка железная. Сидеть и не шевелиться. Это путь к смерти. Достаточно закрыть глаза и расслабиться. Говорят, это самая легкая смерть. Когда находят замерзших, у них на лицах, опять же по слухам, спокойствие. Видно, сны приятные видят напоследок. Найдете вы и прочтаете то же, что написано на кукише. Под черепом где-то в глубине должна ниточкой биться мысль – насилие над желанием. Зажигай, руби, кипяти, пей, суши, спи, но следи за костром – в нем жизнь. Все через силу, и все по приказу.

Вроде светает. Часы завести, еще пару баночек брусничника. Усталость не прошла, а накопилась. Отдых был – должна пройти при движении. Каждый удар сердца отдается в голове,

каждый вздох через силу. Скорость снизилась до километра в час. На подъеме снег выше колена. Благо, что рыхлый, ветром еще не укатало.

Каждый шаг надо прощупать ногой хорошенько. Не дай бог упасть, встать в рыхлом снегу – тоска. Две кедровки ругаются в клочке ольхаха. Клюв разрезают шире туловища и в крик вкладываются всем своим существом. Орешками питаются, сварить можно, но до такого позора рано опускаться, силы еще есть. Живите, милые, тяжело вам в такой холодине и бескормице. За что вы меня ругаете? Ухожу, ухожу, просто не могу быстрее.

Вот и вершина. Третья и последняя. Табун виден и без бинокля, а в бинокль – каждого пастуха и оленя. 47-е стоят у стены, 71-го нет. Вельгоша в поиске. Хоть и просвет, но небо на западе заложено насмерть, вертикальному не пробиться. Успел, лишнего шума не будет. Потери – пара бочек бензина, это ерунда по сравнению с вертолетным рейсом. Можно и посидеть немного, расслабиться. Десять часов. Остался один суворовский переход в два километра на два часа.

Двое суток проплутал – это мелочи. Наши мальчики на Байкале по месяцу в тайге шарались, никто не замерз. Только одного шатун сожрал, и то карабин подвел. Взял бы «Мосина», жил бы до сих пор, а «Лось» вечно перекашивает патрон. В институте, как и в совхозе, хорошие карабины в дефиците. Мы дарим братьям за границей, гноим на складах первоклассное оружие, но своим охотникам-профессионалам, охотоведам и пастухам даем такой металлолом, что в руки взять противно.

Внизу сопку пересекает лощина со снегом мужчинам до... женщинам до пояса будет. Пришлось побарахтаться. А дальше до самой культбазы плато, на нем снег слизало, идти совсем легко.

Остается шагов пятьдесят, только бугор перевалить. На его вершине собаки и нарты, в двадцати шагах двери, за которыми... Чем Мария угостит? Видок-то у путешественника закопченный, заросший. Снежком оттереться, что ли? А-а, только грязь размажется. Придется предстать перед славными представителями северного оленеводства таким, каков есть.

Потихоньку выплывает крыша, уже дверь видна, открыта. Собак и нарты разглядеть не удалось – все зашевелилось, замелькали лица, посыпались хлопья по спине, по плечам, руки загудели от тисканий.

Первый Юра.

– Ноги?

– Ноги как ноги. Что сапоги не почистил?

– Отморозил?

– Мороза вроде не было.

– Что отморозил?

– Двое суток.

Уже и не понять, кто спрашивает.

– Почему оттуда? Ушел-то туда!

– Земля-то круглая. Да, а почему нет оркестра?

– Вельгоша приедет – устроит.

– Пока не приехал, надо успеть перекусить.

Весь гамуз с шутками вваливается на культбазу.

– Ой, Патя!

Мария радуется очень искренне. Кроме неподдельной улыбки об этом говорит миска с наваристым бульоном и кусочками оленьего языка.

Рома уже кричит по рации:

– Отбой, Григорий Владимирович, человек нашелся. Нет, сам вышел.

Понемногу все успокаиваются и продолжают брошенные дела. Кто строгают, кто читают, кто точит нож, а наиболее заядлые картежники режутся в «тысячу».

Разве ж дадут человеку спокойно поесть? За окном рев «газона». Судя по выражению лица, Илья Иванович только что с похорон. Коротко, с чувством жмет руку и падает на кровать, даже не снимая малахая. Потапенко переживал не так эмоционально.

– Жрешь, паразит? Ты почему не замерз?

– А что, в плане покойник?

Последний – старик Вантулян. Долго не выпускает мою руку из своих ладоней:

– Спасибо, спасибо тебе!

А на глазах у него слезы!

– За что, Николай Васильевич?

– За то, что вышел, спасибо!

Кусок застрял в горле, а вместе с ним и ответ. Знакомство наше менее чем шапочное. Этот старый и суровый человек до слез рад тому, что не оборвалась человеческая жизнь. А хорошо, что не замерз, в самом деле, хорошо.

Петрович ест с таким аппетитом, что вскоре садится и Вельгоша.

– Мария, налей и мне.

Ест, наверное, впервые за двое суток. И надо же было так дешево залететь! Сколько хлопот и переживаний!

– Как же ты вышел?

– Ножками, топ, топ.

– Молодец, в этих местах и пастухи плутают. – Если я не молодец, то свинья не красавица.

– Мы уж тебя давно похоронили. Искали не тебя, твой труп.

– Не нашли? Мои соболезнования.

– Тут такое творилось – культбаза качалась!

– Вообще-то я в курсе.

– Первая Мария забила тревогу, почувствовала неладное. Стали смотреть, в чем ушел. Рукавицы не взял, продукты оставил, из рюкзака все выложил. Спички взял, нет – неизвестно.

– Без спичек даже в туалет в тундре не хожу.

– Откуда знать? До темноты прождали. Куда идти? В метре ничего не видно! Стали ракеты пускать. А толку с них? Все равно, что в кашу: пшик и нет! Ну хоть что-то же надо делать! Не сидеть же сложа руки. Все сожгли, одна осталась, капсулю осечку дал. Я расковырял гильзу, к отверстию спичку приложил и коробком над головой чиркнул. Получилось с пятой попытки. Думал, взорвется – ничего, только руку вот обжег немного.

Да, потерь побольше, чем две бочки бензина!

– Утром сообщили в поселок по рации и в две машины пошли по тундре.

– Глаза вылупили – и на газ. Надо ж останавливаться, прислушиваться. Прошли от меня в двухстах метрах, ногу из-за вас чуть не сломал. Лучше б вообще сидели и бензин не жгли.

Потапенко первым завелся:

– Вы посмотрите на него! Весь кораль его искал! Два вездехода тундру буровили! Вертолет стоял наготове двое суток! Сюда едет пять упряж ек, а он нам лекции читает!

– А результат ваших упражнений? Бензин весь сожгли, ракеты все сожгли, вертолет от дела оторвали, поселок переполошили и стариков в пургу выгнали.

Вельгоша тоже завелся с пол-оборота, как хороший движок.

– А что же, по-твоему, нам надо было сидеть и ждать?

– Пока пурга не кончится.

– А ты бы смог?

– Ничего сложного.

– И не переживал?

– Переживать и метаться – это разные вещи.

Илья Иванович встал, подводя этим черту под дискуссией.

– Так, будем делать собрание. Прошу всех! Внимание! Собрание кутейкин!

Кратко обрисовал ситуацию: ушел на охоту, заблудился, коллектив был вынужден отложить все дела и вести поиски. Отложена важная кампания, потеряно время и большой человеческий труд. Виновник должен быть наказан. Как руководитель он предлагает завтра вышеупомянутому товарищу вывести всех отловленных оленей из коралля. Кто «за»? Лес рук, единогласно.

Выборного президиума уйнэ, записей уйнэ, других мнений уйнэ, возможности оправдаться уйнэ. Демократия. Кстати о птичках, наказание трудом – это уже нарушение КЗОТа. Можно, конечно, потребовать выполнения всех статей законов, но их выполнение обернется гораздо большими неприятностями, чем день работы. Дешевле подчиниться, тем более что наказание чисто символическое.

Птички птичками, а как поведут себя эти олешки? Сердце еще стучит, как молот, и тело плохо слушается. Если попадется такой товарищ, как таманский альбинос, и руки соскользнут с рогов, то неизвестно, чем эта прогулка закончится. Ладно, бог не выдаст – свинья не съест и утро вечера мудренее, авось за ночь силы восстановятся. Спать, спать. Надо расслабиться и отключиться. После двухсуточного похода это совсем не проблема.

Будят ровно в шесть. Завтрак – чай и холодное мясо с хлебом. Старики привезли вечером вместе с бензином на собачьих упряжках. После еды чумработницы собирают миски и кружки, остальные сидят в ожидании рассвета. Уже не спится, но покой, как и сон, восстанавливает силы. Голос Вельгоши доходит как будто издалека.

– Молодец, вышел ведь. И силы бережет, правильно делает.

Рома отвечает нервно, со злостью:

– Что, молодец? Даже не извинился перед людьми!

В точку попал. Чувство вины гложет. А как извиниться, ведь даже слова не дали?

К рассвету коралышки занимают свои места в засадах. Начинается самая ювелирная операция – загон табуна в кораль. Опытнейшие пастухи направляют его к поляне, по краю которой разложена сшитая в длинную полосу мешковина. Одно лишнее движение или резкий звук спугнет оленей и превратит работу в пытку. Если табун испугается, то к этому месту он больше не подойдет, и придется искать другую поляну и начинать все сначала. Из-за пурги и поисков потеряно три дня, давно уже пора все закончить.

Когда весь табун проходит ворота, все сидящие в засаде одновременно поднимают полотно, затем крепят его на кольях. Табун мечется внутри загона, образуя плотный, движущийся в одном направлении круг. Отбракованных оленей вылавливают и сбивают в косяк за пределами коралля. Четыре косяка, по одному от каждого табуна, соединяются в пятый табун – нагульный. Последний будет нагуливаться до августа будущего года, затем полностью забит и сдан на рефрижератор в бухте Наталья.

Пастухи выжидают момента, чтобы одним броском заарканить за рога выбранное животное. Иногда петля аркана проходит туловище и захлестывается на задней ноге. Оленеводы промахиваются редко и еще реже падают от рывка. Каждого отловленного надо дотащить до ворот и вытолкнуть из коралля. Дальше он переходит на попечение нагульщиков. Как всегда, самый страшный шаг первый.

– Руки напрягай, если и ударит – спружинишь, – учит Юра. – Держим рога покрепче. Ничего, не кидается и не рвется, но и сам не идет, надо направлять. Как всех нас – направлять и вдохновлять. Чувствует слабинку – рвется, чует силу – подчиняется. Ну совсем как человек.

Доходим до ворот во взаимном напряжении, разворот мордой от табуна, и олень свободен. Умница, бежит от коралля, высоко вскидывает ноги и гордо поднимает голову. Там маячат ребята Коялкота, отдохавшие с августа по ноябрь. Они знают, что им делать.

Следующего тащит Иван Айнагиргин.

– Этот ударит.

Ударь, у меня с сапогами девяносто. Бык-альбинос – красавец. Но до таманского ему еще два раза столько. Даже не брыкается, ну и моло дец. Иди гуляй, поживи еще девять месяцев.

Не так страшен черт, как его малюют. К обеду все закончено.

Руки и ноги немного ноют, но вполне терпимо.

Вельгоша сидит у костра в позе полководца.

– Ну как?

– Нормально.

– Еще пойдешь на охоту?

– Лыжи надо, снега уже много.

– Ничем его не проймешь, – машет рукой Петрович.

Последнее слово остается за главным зоотехником.

– Приедешь домой – напишешь заявление на два дня отгулов.

Славно погулял...

Семнадцатый километр

Потапенко с Плетнёвым уехали в Устья. Когда приедут, будем готовиться к поездке на Аутанваям в сорока километрах от поселка вверх по Апукваюму. Там обычно забой для нужд села и Усть-Пахачей.

Странно, если Потапенко уехал, откуда он взялся на дороге около дома? Рядом Плетнёв, шагают по колее, еле передвигая ноги.

– Петрович, а что, пешком удобнее, чем на вездеходе, или у вас тренировка?

Ходоки остановились. Тяжело дыша, радуясь возможности немного постоять и отдохнуть.

– В наледь залез на Семнадцатом. Там колбаса, продукты, может залить, могут украсть. Заводи, поедем вытаскивать.

– Давно шагаете?

– Всю ночь. По колее, будь она проклята.

Да, дорога не накатана еще, только одна колея 47-го, которую проложил сам Остап Петрович. И попадать ногой в эту колею проблематично. Особенно такому спортсмену, как Плетнёв, с его пузом и кабинетной практикой. Вообще-то это его вторая прогулка, первую ему предложил Тихон Павлович, когда сломался ГТТ по дороге в Наталью летом. Похоже, техника, как и люди, его не любит.

Петрович отдыхал, пока мы прогревались, заливались, заводились. Морозы под сорок весь ноябрь, не считая пурги, в которую я погулял. Тем не менее Семнадцатый, приток Апуки, летом по колено, строит неприятные ловушки для техники. Поначалу образуется лед, а далее – все, как положено воспитанной реке. Затем где-то внизу, на мелководье, речка промерзает до дна. Река как человек – если пережмут, все ломает. Но ломает повыше перемерзшего. Вода идет по льду, потом сверху перемерзает. Затем где-то прорывает, а сверху падает. Подо льдом образуется пустота. Потом снова заполняется и опять перемерзает. И так несколько раз за зиму, пока весной все это строительство не растает. Льдов может быть два, три, четыре уровня разной толщины, в зависимости от чередования морозов и оттепелей. «Газон» Потапенко проломил верхний лед и сел на второй выше гусеницы, так что бревно не подвести, можно только вытащить «соткой». А «сотка» пошла Васи Буйнова. Вася – мужик бесшабашный. Как только подъехали к вездеходу, он, не раздумывая, задним ходом пробил к утопленнику дорогу, зацепил его за фаркоп и рванул на третьей к берегу. Как только трос натянулся, одиннадцатитонная машина прорвала второй лед и «сотка» по трубу ушла под воду. Вася успел выключить двигатель до гидроудара, затем деловито вылез на крышу Т-100, снял валенки и стал выливать из них воду. Все бы ничего, если бы не морозец под сорок. А ему еще пришлось раздеваться по пояс, чтобы открыть краники на блоке и радиаторе, иначе с блоком пришлось бы проститься. А менять блок – очень неприятная процедура в наших условиях. Увидев эту картину, Потапенко впал в депрессию.

– Только не ломайся. Довези меня до дома. Я всю ночь не спал, день перед выездом не спал, я не дойду – умру!

– Не дам умереть, Остап Петрович, еще поживешь.

Слово сдержать получилось. До дома доехали без приключений. Вездеходчика сдал Александре, Вася не простыл, и колбаса была спасена.

На следующий день с утра за утопленниками послали на двух «сотках» Молокова и Фенюка. Спасатели зацепили в две тяги Васину «сотку». Натянули тросы и по команде рванули на второй передаче. Обе ушли под лед одновременно, чуть выше выхлопной. Гидроудара не было, и краники открыли.

На третий день рядом расположились еще три оставшиеся Т-100.

Спас всех аэропортовский болотник. Он вытащил всех по одному с берега длинным тросом. В совхозе были тросы. Но не было соображения.

Ноябрь – декабрь 1975 г.

Млётываям

Через неделю – в третий, вверх по Апукваяму.

Главное – сборы. Задача пастухов – ловить оленей в тундре, задача специалистов – отлавливать в поселке пастухов после заслуженного отдыха. Наша задача – никого по дороге не потерять и не раздавить. Как всегда, при выезде славные представители северного оленеводства укушались. Наиболее сознательные приходят сами, а которые менее, даже отловленные и усаженные в вездеход, рвутся выскочить кто за малахаем, кто за камлейкой. Не отпустишь – увезешь в холод тундры неэкипированными. Отпустишь – дня три искать будешь в лабиринтах родни и знакомых. Нет, с вездеходом работать легче: не врет и не пьет. И отматерить можно, не обидится. Правда, бывает, загадки задает, но в общем с ним проще, чем с человеком.

И, когда в конце концов звучит уже и не ожидаемая команда «вперед», время далеко за полдень. До темна остается часа два, ясно, что не успеем засветло. Ночуем на культбазе, до нее по дороге сорок два километра. От нее до третьего тридцать четыре километра, но там уже проще – никого собирать не надо, пьянка и запасы кончатся, и все будут стремиться поскорее добраться до табуна, пусть и с головной болью.

Снег глубокий, дороги еще нет, передачи первая и вторая поровну. Сразу же забарахлил 71-й. Заводится, держит обороты минут пять и благополучно глохнет. Подкачка бензина ручным насосом – и картина повторяется. Неприятности, как и беды, по одной не приходят. Потек радиатор у 47-го. Хорошо, что Аутанкуюл рядом, уже доскреблись. Проводник молодец – даже в темноте выводит на спуск к куюлу точно, а тут место такое, что при отклонении на корпус кувыркание машины обеспечено. Илью Ивановича подожду внизу, там должна быть водичка. Стрелка термометра дрожит у сотни, раздумывать особенно некогда, вперед, в смысле – вниз. Съехали благополучно, вот и куюл, надо ножками водичку поискать. Но ломик скользит по непробиваемому льду. Всегда в этом месте была вода, в любые морозы. Была. Как пойдет... на пропасть... Будь ты неладна, придется снег в горловину радиатора сыпать пригоршнями. Если он будет таять быстрее, чем вытекать, то нам крупно повезет. Да дырочка-то японская, два пальца еле влезают. А еще сделано в СССР, да в СССР везде должна шапка свободно проходить. Вроде падает температура. Руки мерзнут, не столько снег пихаешь, сколько их греешь над движком. Слава богу, забулькало под горловиной, можно ехать. Засупонить брезент – и в путь, на той стороне куюла увидим свет фар 71-го. Что-то долго его нет.

Из темноты возник силуэт человека. Кто это не успел сесть? Это же Рома, вечный спутник Ильи Ивановича.

- У Вельгоши порвался ремень!
- Час от часу не легче! Как же мы этот бугор возьмем?
- А зачем спускался?
- Хотел воды набрать.
- Теперь вылезай как знаешь. Зачем далеко уехал?

Ругань не поможет, даже не определит виновного, 71-й от этого с места не сдвинется. Разворот на льду – и первая, средние обороты. Давай, милый, не буксуй. Снег хоть и глубокий, но рыхлый. «Газон» продавливают его до земли и скребется по крепкому. Так и выползает на средних оборотах, как чувствует, что буксовать совсем не ко времени. 71-й вырисовывается черным крокодилком. Еще полчаса – и нужно воду сливать, иначе движку конец. Не мог он до низу дотянуть, там хоть ветерок не такой пронзительный.

- Запасного, конечно, нет, Илья Иванович?
- Разумеется, был бы, я бы за тобой не посылал. Давай твой попробуем.
- Чертова модификация. С 47-го в два раза толще и по длине близко не подходит.
- Людей в 47-й и на культбазу, тут осталось пятнадцать километров.

- Подождем, час у нас еще есть. Режь ремень пополам вдоль.
- Да он же по длине не прет.
- Режь, что-нибудь соображу.
- Дай, я сам, – Рома орудует ножом мастерски.

Ну, действуйте, не буду вам кабину студить. 47-м можно загордить кабину 71-го от ветра, все меньше выдует.

Полчаса прошло. Уже и 47-й выстыл, руки-ноги сводит. Живые они там? Придется вылезать. Свистит, воет, разыгралось не на шутку. Свет в 71-м сияет. Ну и аккумуляторы! Движок стучит, не может быть!

– Как вы умудрились, Илья Иванович?

– Перенес точку крепления кронштейна шкива, а Рома ремешок разрезал точно по ручейку. – Вельгоша доволен собой, да и есть отчего. Из такого безвыходного положения и в холоде, когда замерзает не только мозг, но и мысли, сможет выйти только человек незаурядный.

– Фантастика. И даже поедет?

– Что за вопрос!

– Ты только далеко не убегай! – недовольно брюзжит помощник зоотехника, готовый при малейшем возражении сорваться в крик. Из всех пастухов он самый нервный. Куюл пройден, позади почти полдороги от него до культбазы, и опять сзади гаснет свет. Лучше сразу вернуться, чем потом пилить издалека. Так и есть – заглох.

Илья Иванович показывает на ладони тягу бензинового насоса. Попо лам. И все спец – заменить нечем. В мехпарке и то надо побегать, поискать замену, а в вездеходах что найдешь?

– А если самотеком? Канистру повыше, тут недалеко, и по-держат можно. На ветру набирать из бака – тоска, хорошо хоть канистра есть. Нет, неудача. Не хватает топлива, заводится и глохнет, даже оборотов не развивает.

– Придется бросать.

– Подожди. Маленько помаракуем.

Маракуйте. Тут дешевле одним вездеходом два раза обернуться, остал ось-то километров семь-восемь. Пешком можно, только снега выше колена и ветер-ветрило все прямо в рыло.

А 71-й работает. Этого не может быть.

– Вы что, Илья Иванович, колдун?

– Уметь надо. Болт загнал, загнул и к рычагу провололочкой.

Хоть чем, лишь бы ехать. А ведь едем, и без остановок. После двенадцати ночи приключения кончились, видно, день был такой, пупырчатый. Сорок два километра от поселка мы преодолеваем за шестнадцать часов. Средняя скорость – около двух с половиной километров в час! Позавидует разве что черепаха.

Но насос на этом не остановился. На полдороге между культбазой и табуном отвалился рычаг насоса. Даже в поселке замену ему не найти. Вельгоша применил самотек, отогнув поплавков в карбюраторе. Двигатель заработал, но расход топлива увеличился вдвое.

На обратном пути 71-й остается на культбазе. Весь оставшийся бензин сливаем в 47-й и, затаив дыхание, следим за стрелкой прибора топлива. Она застыла на нуле еще у Шаманки. Можно, конечно, и пешком – три километра не расстояние, но пока идет, надо давить на педаль. Чихнул и замолчал двигун точно у дома Ильи Ивановича.

– Главное – расчет, – подытожил поездку главный зоотехник, довольный тем, что все закончилось весьма удачно.

Декабрь 1975 г.

Совхозный забой

Плетнёв сидит в своем кресле, как король.

– Питаться будем там по мясопитанию. Я лично беру с собой чаек, кофеек.

Это он называет расширенным совещанием. Расширенное – понятно. Кроме специалистов-зоотехников, сидят оленетехник, два бригадира и два механизатора. Но какое отношение имеет эта трепотня к совещанию? Битый час он что-то говорит, а что – совершенно непонятно. Непонятно, почему все сидят и слушают. Ждут, что он что-нибудь скажет, или не хотят ссориться с начальником? Или разглядывают попытку его указательного пальца проникнуть в рыхлый нос в течение всего... э-э-э... ну да, совещания. Вообще-то можно предложить ему свой палец, он по тоньше директорского и может быть более результативным, но тогда о поездке в Ижевск пораньше можно забыть. Ладно, палец найдет себе еще занятие, пусть не такое престижное, но терпеть дальше это издевательство сил уже нет.

– Простите, Михаил Иванович, мне, как неспециалисту, эта информация не необходима. С вашего позволения я удалюсь. – Ладно?

А тон недовольный. Не любит, когда прерывают. Завтра в полдевятого нужно быть у конторы – вот и все, что надо знать водителю вездехода. Как сложится все остальное, не знает даже господь Бог. Нечего тут и планировать.

Вездеход стоит около дома, весь день ушел на его обслуживание. Завтра только залить горячую воду – и на старт. Морозец за тридцать, к утру будет похлеще.

К восьми утра бак и ведро кипят на плите, лампа гудит под картером. На улице около сорока, пурги остались в ноябре.

Ведерко пролить, бак в систему, коллектор подогреть, бензин подкачать, муфту выжать – и на старт. Вжик, вжик, вжик, даже не схватыва ет. А вчера завелся с пол-оборота. В чем дело? Еще бензинчику, подсос. Вжик, вжик, вжик... аккумулятор старенький, сдох. Ладно, катушку мож ноперемкнуть, на акселератор палочку приспособить и кривым стартером раз, два, три... десять, двадцать. Хоть и не старенький, а тоже крутить больше нечем, уже весь в мыле. Даже не чихает. Сам мокрый, а движок холодный. Лампа пустая, печка прогорела, воды нет – надо закачивать. Лампу заправим и горящую под капот, не прихватит.

Искра есть на каждой свече, карбюратор полный, бензин отличный – вспыхивает даже на таком морозе от спички. В чем же дело?

Девять часов, вот и вездеход, Плетнёв, Потапенко, Вельгоша.

– Что, темнила?

– Аккумулятор сел, а вручную никак.

Остап Петрович садится в кабину, мы с Ильей Ивановичем по очереди крутим вместе со стартером. Не фурычит. Плетнёв даже не вылез из вездехода. Весь его вид говорит: господа, с кем связались, он даже завести не может! Но завести не могут и спецы.

Вельгоша берет 47-й на буксир, за рычагами колдует Потапенко, лезет в свечи, трогает проводки, нюхает бензин. Потом отдает трамблер и ставит зажигание на глазок. Затем меняет конденсатор. Ти-ши-на. Наконец движок чихнул и завелся. Работает нечисто, с перебойми, но ехать можно.

Странно, но пьяных нет. Либо бояться нового директора, либо вчера не продавали. Но у Потапенко две бутылки в бардачке замотаны.

– Ты шефа не боишься, Остап Петрович?

– Потапенко никого не боится!

– Раньше зайцы, говорят, скромнее были.

– Так то зайцы!

К обеду наконец в путь. Директор едет в 47-м до стрелки.

– Первая. Здесь вторая. Первая. Газу, газу...

Это пытка. Нервы на пределе. Весь мокрый от напряжения по накатанной дороге. Слава тебе, господи, пересел к Остапу. Как он с ним едет? Создал же бог такую заразу! И кто ему власть дал? Ясно кто – управление, нас, как всегда, забыли спросить.

Колею еще не замело, морозец ее укрепил. Пошли – вторая, третья. На Аутанваям приходим в темноте. Здесь будут забивать оленей на нужды поселка, порядка тысячи голов.

Сразу же закипела работа по обустройству палаточного лагеря. Палатки ставят брезентовые, считается, что на два-три дня нет смысла ставить меховые. Плетнёв в телогрейке, подпоясанной веревочкой, дает руководящие указания.

– Эту палатку ставить здесь, эту – там. Ты принеси воды, а ты – дров.

Без него все получается куда слаженнее и быстрее. Когда же он отпустит? Обещал сразу по приезде, но что-то скромно молчит. Воду сливать, нет? Прихватит ведь в момент. Часик подождать можно, авось. Не хватало только разморозить.

Первая палатка готова у Юрия Аляко. Теперь понятно, почему Потапенко не боится директора. На столике между ними уже ополовиненная бутылка. С Ильей Ивановичем он бы с собой не прихватил. Чуть поодаль Аляко, бригадир первой бригады. У железной печки крутится его жена Арина.

Она эвенка, он чукча. Юрий ушел от первой жены, оставив ей двух сыновей и трех дочерей. По слухам, он утонул при переправе, а Шамиль его спас. Но по чукотским законам утопленников спасать нельзя. Аляко несколько раз кидался в воду, чтобы закон не нарушать, и Шамилю пришлось с ним повоевать, чтобы не дать осуществить свое намерение. А когда несостоявшийся утопленник пришел домой, жена его прогнала, не дав переступить порог, хотя у них было пятеро детей. Он страшный, как шаман, и выражение лица у него довольно свирепое. Года два он не пьет вообще, хотя раньше грешил этим часто. Арина потеряла первого мужа года три назад, он был пастухом, погиб в лавине. Детей общих у них нет.

Аляко с индифферентным видом слушает Плетнёва, который рассказы вает довольно ядовито о «том», кто загадывал до обеда ребусы с вездеходом и что из-за «него» чуть не сорвалась вся кампания, и людям пришлось ставить палатки в темноте. Заканчивает свою мову он весьма неожиданно:

– А теперь, друзья, ежайте за вездеходом. Вы его оставили, вам за ним и ехать.

Вот это наказание! Целые сутки пробыть вдвоем с Вельгошей! Снова не заводится. Остап Петрович прибег к аналитическому методу.

– Ты птичка на букву «д».

– Дроздик?

– Почти, только «о» вторая, а не третья. Скажи, что ты с «Аистом» сделал?

– Карбюратор помыл и свечи почистил. Электроды подогнул до 0,6.

– А тебя кто так учил?

– На «Москве», по инструкции.

– Ты инструкции больше читай.

Он выворачивает свечи и ставит прежний зазор. Движок с полоборота рявкнул и запросился в дорогу, послушный малейшему движению акселе ратора. Вот уж век живи, век учись.

– Сколько с меня, Петрович?

– А что с тебя, дроздика, взять? Езжай с богом.

Лучше с Вельгошей. Хорошо-то как! Луна сияет полным блеском круглой тарелки, звезды вычищены, воздух черен и прозрачен. Дорога звенит, колея четко вырисовывается в свете фар.

Но все хорошоне бывает. На подходе к культбазе исчезла колея – занесло снегом. Последний километр на ощупь по кочке. Оглушительный выстрел слева сообщил о еще одной непри-

ятности – лопнул торсион. Ну хоть второй, не первый, и то полегче. Вот она, родная, наконец-то.

– Воду сливаем, Илья Иванович?

– Конечно. Пока завтра торсион заменим, десять раз успеет согреться.

Неужели возможно такое счастье? Ни пьяных, ни криков, ни лая собак, ни дымовой завесы от папирос, простор – хоть танцуй. Ложись на любую кровать. Шкур – хоть заматывайся.

Один топит печку, второй набивает чайник снегом. Один заносит вещи, второй открывает консервы и ставит их на печку. Ни ругани, ни руководящих указаний. Полное взаимопонимание и согласие. Такое возможно только в сказке. Через пятнадцать минут все кипит и около печки можно раздеться.

– Мне помнится, кто-то говорил, что наконец-то в совхоз приехал настоящий директор.

– Да, было дело, говорил.

– И что вы намерены делать?

– С января совхоз делится на два, Среднепахачинское отделение становится самостоятельным. Я решил переехать к Лузину, он меня пригласил.

– Выход, конечно. Мне придется послесарить и повоевать.

– Воюй, – Илья Иванович усмехнулся, – он заслуженный зоотехник, закончил академию, его поставило управление.

– В управлении мало дубов?

– Плетью обуха не перешибешь. Он знает, что будет прикрыт, и ввел диктатуру. Чернибоку влепил выговор, Фенюка перевел на месяц в сельхозрабочие.

– Этим он себе подпортил. Мехпарк настроил против себя. С главным зоотехником отношения плохие. Не знаю, как с парторгом, но, кроме механика, союзников у него нет. Его положение не такое уж прочное.

– Это бесполезно, систему не сломаешь.

Отдых кончился. Снова Аутанваям, снова Плетнёв. Сидят с Потапенко рядом, добивают уже вторую.

– Что ты столько сахара ложишь? У тебя же диабет будет!

Сахар из моего рюкзака. Между нами, девочками, уже достаточно, но если директор настаивает, то можно положить еще кусочек. Сколько раз он сделает замечание, столько кусочков надо бросить. Не такой уж он дуб, перевел разговор на другую тему.

– Потапенко и Велесов поедут в поселок за остальными.

Это еще сутки. До Нового года – неделя, шансы есть.

Надо Петровичу помочь завестись.

– Не могу больше. – У Остапа даже усы сникли. – Сколько же можно? Ты знаешь, что он сделал? В обед говорит: «Заводись». Ты же знаешь, что это такое. Пока воду на костре, пока поддон лампой. Да этот «Аист» и масло жрет, и все на соплях. Мне ж на нем не ездить, меня же «Гриша» ждет. Часа два проковырялся, завел. Он говорит: «Поехали». Доехали до куюла – вот, рядом, два километра, – трактора идут. Пристроился им в хвост, вернулся. Два часа грел, десять минут ехал, и сейчас все сначала.

– Ты ему, кажется, спальник расстилаешь?

– Если бы только спальник. Утром заставил ему штаны завязывать, ремня нет, веревочка. А брюхо...

– А когда он в кусты пошел, ты ему развязал?

– Нет, он сам. А когда пришел, завязал.

– А не вылизал?

Он не слышал.

Вдвоем втрое легче. Один греет воду, другой картер. Один подает, другой заливает. Через полчаса «газоны» встают носом к поселку. «Сам» вышел проводить и наставить на путь истин-

ный. Стоит впереди, уперевшись брюхом в угольник на уровне фары. Пухлые руки сложены на животе ладонями внутрь. Выражение лица довольное, глазки маленькие, заплывшие, смотрят через человека.

Петрович чувствует, что нужно помочь.

– Михал Иваныч, давайте отпустим этого дрозда. На кой черт он нам нужен, и без него обойдемся.

Плетнёв медленно опускает сжатый кулак на фару в такт своим словам, чтобы доходчивее было.

– Отпустить, конечно, можно. Но он мне наступил на любимую мозоль.

На собрании наступил, в тундре вспомнил свое имя – наступил, тут сахар положил свой – наступил, не уважил, не выпил – наступил, веревочку не завязал – опять же наступил. Попроси прощения, покаяйся – и, может быть, отпустит. Может быть, если будешь себя хорошо вести, слушаться дядю, штаны завязывать и водку с ним жрать.

Да, не получится новогодний сюрприз родителям. Прости меня, мама, сама меня так воспитала: не ползать, не лизать, смотреть в глаза, иметь свое мнение. Дорогие вещи дорого стоят.

– Михаил Иванович, а ваша любимая мозоль – это трудовая?

И когда наступал на нее? Что-то не припомню. Может, запомнил? Наверное, было дело, раз директор говорит, зря болтать не будет, директор ведь.

Вот так и второй кулак сжался. Дыши, дядя, глубже, это цветочки, а вот тебе и ягодки. На стартер, вторую и резко сцеплением и газом. Три с полтиной тонны металла качнулись с ревом, и нервы дорогого руководителя не выдержали. Зайцем скачет в сторону, и тут же мимо него проносятся две грохочущие коробки, обдав его облаком выхлопного газа и колючего снега. Держи, лови, накажи, если сможешь. Дорогу уступил, сигнала остановиться не дал.

Петрович обходит сразу. Двигун посильнее, да и опыта поболее – лет двадцать за рычагами. Отрывается быстро. Видны только желтые пятна света от фар и снежный вихрь от гусениц, скрывающий очертания «газона».

Вот и Аутанкуюл. Вездехода не видно – уже наверху. Куюл все-таки дал воду, пошла наледь. Надо долить на всякий случай, до поселка воды больше не будет.

Потапенко раздетый, разгоряченный сбегает вниз, запрыгивает на под крылок.

– Дай, Жора с Одессы покажет тебе, как надо!

– Сиди, Жора!

– Давай вторую до перечапа, а как начнет сдыхать, резко первую. Да газу до полика, не жалей.

Вторая, педаль до конца. До половины идет ровно, но вот скорость падает, рев скисает.

– Давай, давай!

Муфту левой ногой, рычаг вперед, муфту отпустить. Получился небольшой качок назад, но мотор взревел, и машина медленно ползет вверх до самого конца без буксовки. Все, ровное место. Можно заглушить, перевести дух и осмотреть катки и гусанки.

Красивый старт мимо опешившего шефа и лихая гонка по лунной дороге раскрепостили и вызвали чувство свободы.

– Как у тебя, Петрович?

– Все путем! – Он нанес несколько ударов невидимому противнику и, судя по выражению лица, разделал его под орех. Это называется «после драки кулаками».

– Попался бы он мне сейчас!

– Ты его там, в палатке, так же, когда веревочку завязывал?

– Я такой до поры до времени. Ты меня еще не знаешь. Надо быть хитрым.

– Хитрый – дядя Митрий. Ну ладно, погнались.

Гвоздикин

Прежде чем увидеть Григория Владимировича, надо обогнуть печку, стоящую прямо у двери.

– Можно?

– Да-да, входи, Петя.

– Григорий Владимирович, у меня к вам есть несколько вопросов, минут на пятнадцать самое большее. Когда вы сможете уделить мне время?

– Сейчас. Садись, я тебя слушаю.

Он достает из кармана пачку сигарет и выпускает клуб дыма в потолок. Но вонь раздражает сразу, куда бы ее ни направили.

Придется потерпеть, не выгонишь же хозяина из кабинета.

– Ваше мнение о Плетнёве? Годен для директора или не годен?

– Не нам об этом судить, Петя. Видишь ли, он заслуженный зоотехник, окончил сельскохозяйственную академию, его прислало управление из Петропавловска. А в управление он попал по рекомендации из министерства. Зря бы его, видимо, руководство не направило сюда. Правда, райком еще его кандидатуру не утвердил, будут утверждать в этом месяце. Леонид Викторович о нем хорошего мнения, и, скорей всего, его кандидатуру утвердят.

Боже, да у него глаза голубые. Блекло-голубые. И вид усталый, осунулся и слова выдавливают из себя по долгу службы.

– Скажу тебе как коммунист коммунисту. Ведь ты умный парень, у тебя высшее образование. Пойми, ведь сейчас тяжелое международное положение... Израиль, Египет, ведь ты следишь по газетам сам, ты должен меня понять.

«С глупцом разумну речь ведет». Мы теряем время.

– Григорий Владимирович! Ради всех святых не говорите со мной умно. Моего образования достаточно для того, чтобы понять, что я дурак и невежда. Какое отношение имеет международное положение к головотяпству Плетнёва? И мнение первого секретаря меня совершенно не интересует. Я задал вопрос: ваше мнение о Плетнёве? Не хотите отвечать, скажите честно, если вы считаете себя коммунистом. Неужели вам не надоело жевать эту жвачку? И пожалуйста, не курите.

Парторг смотрит уже по-другому, даже усталость прошла.

Улыбается и тушит окурок.

– Ладно, скажу. Гнать надо его, сукина сына. Но это мое мнение, а с ним райком не посчитается. Да меня никто и спрашивать не будет.

Ну вот, другое дело. А то Израиль, Египет... Да у нас в поселке ни одного еврея или араба днем с огнем не сыщешь, одни хохлы.

– Я тоже так думаю. Главный зоотехник, весь мехпарк, рабочком, очень многие олениводы против него. Кучей навалимся – выкинем.

– Пришлют другого такого же.

– А может, и погибче. Такого держиморду не дело терпеть, да и другой подумает, стоит ли дрова ломать.

– Нельзя так. – Григорий Владимирович снова стал таким же усталым. – Не услышат нас, а он потом травить нас начнет.

– Всех не перетравит, не тараканы.

– Бесплезно все это, – он вдруг рассмеялся, вспомнив что-то. – А лихо ты его. Но только злишь, а он злопамятный, тебе потом все вспомнит.

– Повоюем.

– Воюй. Я свое отвоевал, мне до пенсии два года осталось.

Первое профсоюзное

Профсоюзное собрание. Народу полный зал. В президиуме директор, новый механик по фамилии Дерюгин (протеже Плетнёва), парторг и секретарь из бухгалтерии. Все как обычно: отчет старого профорга, выборы нового. Даже известно, кто будет новым – Дерюгин. Его долго уговаривал, как девочку, парторг, и тот, как девочка, в конце концов согласился. Кто-то из зала прочитает бумажку, составленную парторгом. Предложит кандидатуры. Таким образом, после естественно единогласного голосования будет избран рабочком. И на первом же заседании рабочкома, опять же в присутствии парторга, будет избран Дерюгин председателем рабочкома. И это называется свободными демократическими выборами? А что здесь несвободного? Парторг имеет право внести кандидатуры. Будет звучать вопрос: «Кто предложит еще?» И будет тишина. На тайном голосовании никто не заставляет кого-то вычеркивать или не вычеркивать. Никто не заставляет бросать эту бумажку в урну.

Ни устав профсоюза, ни конституция не нарушены. Но почему воля коллектива так послушна воле директора и парторга? Потому что нет других мыслей? Или страх перед ними? Или просто плевать на все?

Вот и окончен отчет старого председателя, перечислившего все цифры достижений коллектива: мясо, молоко, грузоперевозки.

И звучит вопрос, заданный парторгом:

– Кто желает выступить?

И тишина, звенящая, напряженная.

– Может, у кого есть какие критические замечания? Пожалуйста!

Ни у кого. Все хорошо, все ладно.

– Так что, никто не хочет?

В начале поприща мы вянем без борьбы, Перед опасностью позорно малодушны И перед властью презренные рабы.

Михаил Юрьевич, дорогой, не смотри на меня с печалью.

Пойду я повоюю, чтобы не завянуть.

– Есть? Петя? Пожалуйста! Прошу на трибуну!

Нашел, чем пугать. Трибуна – это не сила, это, скорее, слабость. Как залезешь, так понесет. Спину сверлят глаза Плетнёва и Дерюгина. Они запомнят и напомним все. В лицо сотни человеческих глаз – а что ты скажешь?

– Мне не совсем понятно, зачем читал общие цифры бывший председ атель. По-моему, и писал-то не он.

Зал ожил. Григорий Владимирович не выдержал.

– Да, я помогал ему.

– Простите, вы мне слово дали? Прошу меня не перебивать. Отчет рабочкома должен быть о его конкретной работе, а не об общей, коллективной. О своих заслугах он скромно умолчал, и я считаю, что он просто отболтался. Что же касается недостатков руководства, то труднее их не уви деть, чем перечислить. Вот примеры. Первое. Делал мехпарк каток для аэропорта. Кстати, руководил Чернибок, который только что стоял на трибуне. Для ускорения процесса он ковшом «ЮМЗ» тряс цистерну, в которую заливали бетон, и, конечно, помял ее. В результате получился каток с вмятинами от ковша, НАП, в смысле начальник аэропорта, его благополучно забраковал, и недельная работа трех человек плюс к ней полсотни мешков цемента, завезенных за десять тысяч километров, выброшены, вычеркнуты из жизни. Кто за это ответил? Тишина. Далее. Сенокос. Это скорее издевательство над людьми, чем работа. За месяц бригада из двенадцати человек, в которой работал и я, накосила две тележки сена – от

силы две тонны. Муравьи за это время натаскали бы больше. Почему? Дождь – косить нельзя, и тариф – хоть работай, хоть сиди. Сидеть, конечно, легче и приятнее.

Еще месячный труд двенадцати человек псу под хвост!

– Может быть, ты сам будешь директором?

– Можно попробовать, если вы настаиваете.

Кипит, милый, но молчит.

– Я могу продолжать? Спасибо. А рейс в Средние! Разве можно посылать тяжелые машины по болотам летом? Результат – четыре «сотки» стоят, нуждаются в ремонте, а им уже пора выходить, дорога не ждет. Тундра изуродована, а грузов перевезено всего десять тонн за месяц. Зимой их притащит одна «семьдесятипятка» за три дня. Один оползень, спровоцированный тяжелыми машинами, нанёс тундре рану, которую она не залечит за сотню лет. Мягко говоря, это называется головотяпством.

– Ты хочешь сказать, что я дурак?

– Ну что вы, я хочу сказать гораздо больше!

– Ну, я не знаю!

– Так слушайте. Или я лишен слова?

– Продолжай!

Григорий Владимирович внешне невозмутим, но улыбку ему сдержать ох как трудно. Михаил Иванович уже не смотрит в сторону трибуны, уперся взглядом в левый верхний угол зала.

– Продолжаю. Примеров, пожалуй, хватит, дальше лезть уже опасно. А вышеперечисленного достаточно, чтобы понять, что наш дружный коллектив под мудрым руководством нашей родной администрации натворил тьму дел, имеющих знак «минус». Понятно, что это не специальное вредительство, а результат ошибок руководства, хотя между этими вещами можно смело ставить знак равенства. Так вот, основная задача рабочкома – помочь руководству сделать правильные выводы из всего сказанного и в дальнейшем их избежать, а не отомстить мне за критику. И последнее. По сообщению агентства ОБС (одна баба свистнула), на место председателя рабочкома парторг метит поставить механика Дерюгина, и тот даже дал согласие. Мне бы хотелось, чтобы председателя выбирал не парторг, а собрание, и вот почему. Допустим, накажет меня за критику механик. Куда мне идти за защитой? К председателю рабочкома, то есть опять же к механику. Это же бессмыслица. Сейчас представитель парткома зачитает фамилии кандидатур будущего рабочкома, где половина – администрация, а вторая половина – вечный балласт типа Зои Танкай, уборщицы. Она, по-моему, читает по слогам, и единственная ее заслуга в том, что она член партии. В рабочкоме должны быть рабочие наиболее грамотные и хотя бы имеющие собственное мнение, а не обязательный партбилет. Это рабочком, комитет рабочих, а не админком. От себя лично я предлагаю кандидатуру Потапенко Остапа Петровича. У меня все. Если есть ко мне вопросы, пожалуйста.

Аплодисментов нет, но такое впечатление, что произошел громовой разряд. Зал гудит, как улей.

– Объявляется перерыв.

Ребята жмут руку, удивленно и одобрительно хлопают по плечам.

– Ну, молодец!

– Лихо ты!

Вельгоша тоже не поленился найти в толпе, протянул руку.

– Ты меня удивляешь.

– И не в первый раз.

Фойе кипит. Плетнёв с Дерюгиным смотрят волками. Григорий Влад имирович улыбнулся одобрительно.

После перерыва стандартное течение собрания уже не получилось.

– Петр Александрович только что высказался остро, хорошо, кое-где он даже прав. Но почему я вношу эти кандидатуры? Да чтобы рабочком работал, помогал администрации. Если вы сможете предложить другие, свои, пожалуйста, кто же против, лишь бы был результат. Давайте, пожалуйста. Может быть, кто-то еще желает высказаться? Нет? Тогда давайте, у кого есть какие предложения.

И предложения посыпались. Всего набралось восемнадцать кандидатур. После долгих споров решили внести в списки все восемнадцать, с условием половину вычеркнуть при тайном голосовании. Счетная комиссия часа два составляла списки, столько же ушло на голосование и подсчет. Собрание длилось до одиннадцати вечера. В начале двенадцатого огласили состав рабочкома. Потапенко, прораб Байкин, Силина – вечный секретарь, два механизатора, три оленевода и критиковавший баламут перевесом в один голос к Дерюгину. Последний в рабочком не попал, что и требовалось доказать.

На первом же заседании рабочкома председателем был избран Потапенко, замом – Байкин.

– Не знаю, что получится, – схватился за голову Григорий Владимирович. – Будет ли этот рабочком работать?

Действительно, будет ли?

Первый рабочком

– Ну что ж, садись, – Плетнёв с явной неохотой уступает свое место Остапу Петровичу. Потапенко с чувством собственного достоинства и сознанием важности возложенной на него миссии оглашает порядок заседания рабочкома.

– По первому вопросу – заявление Фенюка Евгения Ивановича. Читаю заявление: «Я не согласен с тем, что меня перевели из трактористов в сельхозрабочие на месяц. Прошу рабочком разобраться».

На холеной плетневской физиономии не отражается ничего.

Ну и что, значит, так надо. Новоиспеченный пред ведет дальше.

– Евгений Иванович, расскажите, как было дело.

Женя сильно косит. Видимо, дефект от рождения, дочка у него тоже с косиной. От волнения его глаза разбегаются еще больше. Один устремляется на Плетнёва, второй впиивается в вешалку. И непонятно, кого он ненавидит больше.

– Директор вызвал меня и сказал: «Завтра ты поедешь на Лелёму за дровами». Я ответил, что не могу, у меня бортовая течет, надо перебирать. Он говорит: «Не выедешь, пойдешь в сельхозрабочие». Я не выехал, а он перевел меня в сельхозрабочие на месяц. Ну не мог я выйти! После этой поездки в Средние сальник на бортовой размолотил, масло вообще не держит – сколько залил, столько и вытекло. Я б и до полдороги до Лелёмы не дошел бы.

Женя беспомощно развел руками – что ж тут неясного?

– Никакого отношения этот разговор к переводу в сельхозрабочие не имеет. – Плетнёв чувствует себя главным и на рабочкоме. – Я его перевел по производственной необходимости. А кроме того, он физически нездоров: у него выпадение прямой кишки.

Последнее он подчеркнул особенно ядовито.

– А если он нездоров, зачем вы дали ему более тяжелую работу, ведь он сейчас рубит дрова, – Григорий Владимирович продумал свою линию поведения.

– Да дело не в здоровье, а просто производственная необходимость.

– Я такой необходимости не вижу. Перевод возможен только в аварийных ситуациях. А у нас не только таковой нет, но и половина сельхозрабочих вообще болтаются без дела из-за отсутствия работы. Вы это прекрасно понимаете. По-моему, все ясно, можно ставить вопрос на голосование.

– Кто за то, чтобы приказ о переводе механизатора Фенюка в сельхозрабочие считать неправильным? Прошу голосовать.

И все-таки тишина. Первую руку Плетнёв запомнит. Хоть бы подольше помнил. Посмотри, Михаил Иванович, вот она. Смотрит волком и все же взгляд отводит первый. На страхе, милый, далеко не уедешь. В сорок с хвостиком это пора бы уже и понять. Следующий парторг, Петрович и враз все остальные.

– Единогласно! Женя, завтра возьмешь выписку из решения рабочкома.

– А мне плевать! – Плетнёв обвел всех презрительным взглядом. – Пле вать, что вы тут нарешаете! Я своего приказа не изменю, и меня никто не заставит его изменить!

– Как секретарь партбюро я вам ответственно заявляю... – Григорий Владимирович стал медленно подниматься со своего места, побледнев.

– Что ваше бюро? Что я сказал, то и будет!

В отличие от парторга директор стал багроветь.

– Мы теряем время, мальчишки! Коль он на всех плюет, то с ним и разговаривать незачем.

Призыв подействовал. Стулья дружно задвигались, и образовалась толк учка у вешалки.

Морозец декабрьский. Женя не отстает, да нам и по пути.

– Вот гад, что творит! Хоть ты что с ним делай, он все по-своему. Ну решил рабочком, а что толку?

– Решению рабочкома он обязан подчиниться, если прокурор не опротестует. Но в прокуратуру он, скорей всего, не обратится, так что это лучше сделать тебе.

– Если б я знал как.

– Приходи завтра вечером после работы, помаракуем.

Отъездные документы подписывает Вельгоша, так как «сам» умотал в командировку в Средние.

– Можно?

– Заходи, Петро.

Илья Иванович собирался посмотреть какую-то бумагу, но при появлении студента-заочника поднял удивленный взгляд и стал смотреть так, как будто увидел его впервые. Впрочем, его можно понять. Обычно перед ним крутился чумазый мазутчик с короткой стрижкой, а в кабинет вошел если не денди, то вовсе не золушка, при полном параде и с шикарной шевелюрой.

– Я, наверное, тоже во второй вуз поступлю.

Надо же, Илья Иванович – легенда совхоза – завидует работяге!

– В добрый путь, Илья Иванович.

Он подписал все не глядя и крепко пожал руку.

– Удачи.

– Спасибо, и вам она не помешает.

Следующий день ушел на сборы в дорогу и писанину. В начале шестого Женя постучался в дверь.

– Садись.

– Да я грязный, с работы.

– Я думал, с танцев. Газету тебе постелю, посиди, отдохни, а то до дома еще идти да идти.

– Да, шагов двадцать. Ну что, готово?

– Дочь попова. Бот бумажка в прокуратуру, перепишешь своей рукой. Может, что убавишь, что прибавишь и поставишь свою подпись. Ясно?

– Что ж неясного, козе понятно!

– Это еще не значит, что мы поняли. Коза – животное умное. Вот еще бумажка в райком. Я завтра утром улетаю на сессию, с ребятами поговорить не успею. Они почти все настроены против Плетнёва, может, кто и подпишет. Вот моя подпись. Ты подпишешь?

– Хоть сейчас!

– Сперва почитай. Чернибок еще собирается, не побоится. Трое – уже хорошо. Если еще кто-то подпишется, будет еще лучше. Хартию подписями, как кашу маслом, не испортишь. Конверт уже с адресом. Твоя задача: собрать подписи, заклеить и бросить в почтовый ящик. Вопросы?

– Какие вопросы? Чем больше подписей, тем ближе к тюрьме!

Алина

Двадцать шестое декабря 1975 года. «Аннушка» вторые сутки сидит в Ачайваяме из-за поломки. С утра техник дал добро на вылет, и сразу началась регистрация. Адская разогревающая машина воеет не хуже самой «Аннушки», греет самолетный двигатель. Мороз так и держится за сорок. Пассажиры ютятся в небольшой комнатке аэровокзальчика, где вдоль стенки влезает всего пять кресел, уже порядком потертых и кое-где порванных. В проходе двое смогут разминуться боком, ежели не очень толстые. На дальних от входа сиденьях примостились Сережа с Алиной, учителя. Приехали они недавно, с год назад, когда над школой надстроили второй этаж и она стала десятилеткой.

Алина – само очарование. Золотистые длинные волосы, обаятельная притягивающая улыбка и глаза – не оторваться. Самое главное, с первого взгляда она приковала к себе. Так бывает очень редко: видишь девушку, все внутри замирает, и говоришь себе: это она! Очень похоже, что у нее на меня похожая реакция. Это видно было по первому ее взгляду. Но она очень быстро взяла себя в руки и стала простой и открытой, чем обвораживает всех. Однажды мы случайно встретились в темноте, и она просто спросила:

– Это ты?

Это прозвучало по-особенному, словно я единственный, кто может ей встретиться.

Сергей повыше ее, худой, с резкими чертами лица и ужасно ревнивый. Ясно, что к нему совсем не такие чувства, как к его жене. Ребята веселые, любят посмеяться, но сейчас что-то взгрустнули, особенно Сережа. Вероятно, потому, что остается один с сыном малышом, а ее отпускает на свободу на целый месяц. Жена летит к маме в Петропавловск, чтобы сдавать экзамены за последний курс пединститута. Тоже не без грусти. Свобода свободой, а маленький Алешка из головы не выходит. С ней мы летим уже второй раз, поэтому у мужа есть повод для ревности, да и чувствует, что есть основания для ревности.

– Регистрацию прошла?

– Прошла. Ты тоже летишь?

Сергей плохо скрывает раздражение, хотя и пытается улыбаться. Видно, ему очень не по душе, что мы снова летим вместе.

– Лечу, у тебя такой вид, словно собралась прыгать с самолета без парашюта.

Только за такую улыбку можно пройти огонь и воду.

– Я ужасно боюсь летать на «Аннушке», меня сразу укачивает.

– Десантница, – рассмеялся Сергей.

Надо сказать, что с приливом грамотной и инициативной молодежи поселок ожил. Девушки сами организовали хор и часто выступали в клубе. Пели очень хорошо, хотя не было музыкального сопровождения. «Деревенька» у них звучала намного лучше, чем по центральному радио у профессионалов. Возможно, спецы бы это опровергли. И ребята ставили сценки, от которых хохотал весь клуб.

Наконец позади проводы и посадка, второй пилот закрыл дверь на защелку и прошел в кабину.

– От винта.

Минут пять рев движка на всех режимах и, наконец, рывок, срыв с места, старт сразу от аэропорта по маленькой полосе, разбег, взлет – и поплыли внизу аккуратные домики поселка, застывшие в морозном густом воздухе; юрты, уложенные на зиму, юкольники-мамычки на высоких жердях. Набрал высоту 600, «Аннушка» закачалась над зимником Ачайваям – Усть-Пахачи. Как там мальчишки? Второй рейс уже бьют. У моей спутницы такое выражение лица, словно это ее последний в жизни полет, но держится героически.

– Алина, смотри вниз, там наша дорога!

Такое предложение приводит ее в ужас. Для нее проблема просто си деть, не говоря уже о том, чтобы посмотреть вниз. Она ищет глазами какую-нибудь опору и останавливается на моей груди, спрашивая взглядом: можно?

Еще спрашиваешь! Как удобно она устраивается. И замирает. И внутри все замирает, а вдруг ей так не понравится и она станет опять недосыгаемо далека. Правда, так на дорогу не помотришь, но на кой ляд эта дорога, она уже вымерена и выезжена на десять рядов. А когда еще удастся подержать в объятиях золотоволосую красавицу, пусть даже в шубе.

Через правые иллюминаторы видны сопки Пахачинского хребта, Плетьми битая, Черт катался, Кедрачевая, плато до Большого Утюга, сопки Малого распадка и две островерхие на берегу моря. У их подножия устье реки Пахача и поселок рыбообработчиков Усть-Пахачи. На дальней сопке чертом настроган кукиш – Дунькин пуп.

На тракторе ехать вечность, на самолете – полчаса, а сегодня долетели за пять минут. При выходе из самолета моя попутчица опирается на протянутую руку, но до аэропорта идет одна. Жаль, что ходьба ее не качивает.

Зал ожидания побольше нашего, вмещается даже пара рядов жестких кресел, десятка полтора. Весь центр занят ящиками с бутылками газводы.

– Как пить хочется!

– Вы не скажете, чьи это ящики?

– Вон мужчина, – показала взглядом дежурная на бородача лет тридцати в черном полушубке, – в Апуку летит.

Владелец бороды и газводы направился в буфет.

– Продай бутылочку, – пятерка легла на стойку буфета в поле зрения бороды.

– Нет, – ответ жесткий и категорический. Ему уже с такими просьбами надоели и деньгами его не запугать.

– Слушай, друг, жена беременная, чуть не плачет, вот хочет и...

– Возьми одну.

– Благодарю, я твой должник.

– Деньги заведи!

– Да перестань!

– Забери, сказал.

Если не заберу, передумает. Ах, черт! В бутылке кристаллы льда, между которыми чуть-чуть переливается жидкость. Где-то в дороге прихватило.

– Алина, только в Корфе попьешь. Под шубой за пару часиков отойдет.

До райцентра еще час сорок лет, опять же укороченные до нескольких минут благодаря теплу ее волос и дыхания.

– Сегодня на город ничего не будет, – обрадовала в Корфе дежурная в отделе перевозок.

В гостинице место можно не спрашивать: квартир раздутому штату ра ботников авиаотряда хронически не хватает. Забиты и общежитие, и гости ница.

– У тебя есть знакомые в Корфе?

– Есть подруга, придется к ней идти.

– Где она живет?

– В центре, недалеко от клуба.

– Тогда нам по пути.

Дверь закрыта, и на стук никто не отвечает.

– Значит, на работе и придет не раньше пяти.

– Пойдем со мной, подождешь у моих знакомых.

– Неудобно.

– А в подъезде ждать удобно? Пошли, хоть согреешься.

– А что они подумают?

– Это зависит от меры их испорченности. Пойдем, там и выясним.

Вот мы и одни, никто нам не мешает.

– Прошу, синьора.

– Ты не сказал, что их нет дома.

– Ты тогда вообще бы не согласилась идти. Они появятся около шести. Я тебе внушаю дикий ужас?

– Нет, – она чувствует себя не в своей тарелке, – но ужасно неловко.

Она снимает пальто, проходит в кухню и садится на краешек стула.

– У тебя такой вид, словно ты взбираешься на эшафот.

Слава богу, рассмеялась.

– И все-таки, что подумают твои знакомые?

– Не переживай, я скажу, что ты моя любовница.

Хочет она великолепно, откидывая голову назад и открывая рот. Очень трудно не подойти, не обхватить голову и не закрыть рот поцелуем. Но тогда смех оборвется, в глазах мгновенно блеснет холод стали, и она исчезнет из моей жизни навсегда. Неужели может быть так, что она когда-нибудь ответит на поцелуй?

Неужели это чудо возможно?

– Ну вот, так лучше, а то сидишь на краешке стула, как бедная родственница, и готовишься убежать при первом стуке в дверь.

Сейчас выпьешь – полегче станет.

– Этого еще не хватало!

– Шутите, девушка. Я из-за тебя грех на душу взял, солгал бороде, около сердца три часа грел для тебя, а ты отказываешься! Пей, иначе тебя боги накажут. Пей потихоньку, еще холодная.

– Придется пить.

Пьет маленькими глоточками. Какое наслаждение видеть, как она смакует каждый глоток и зажмуривается от удовольствия. Ради такого пойдешь не только на ложь, да простит меня борода, он же тоже мужик.

– Спасибо. Что бы я делала без тебя?

– Это мне господь подарил сегодняшний день. В этом году он лучший. Она вся вспыхнула и тут же снова стала игольчатой.

– Ты все время пытаешься петь. Какого ты мнения о своих вокальных способностях?

– Голос у меня не громкий. Нет, не громкий, а удивительно противный. Но не петь я не могу, особенно сейчас.

– Иногда ты не ошибаешься.

– Чаще бывает обратное.

Она снова хохочет, закинув голову. И снова замелькали бессовестные стрелки часов, и уже раздеваются в прихожей хозяева, и смотрят на нас довольно недвусмысленно и осуждающе, особенно Люся, подруга моей дражайшей половины. Алина это чувствует и на невразумительное приглашение поужинать отвечает категорическим отказом.

– Я тебя провожу.

На улице она снова становится самой собой.

– Интересно, что они скажут твоей жене?

– Не переживай. Моя жена скажет Сереже гораздо больше.

– Нет, с тобой не соскучишься!

– Стараюсь.

Ее подруга уже дома. Радует ее она вполне искренне и недоуменно поглядывает на провожатого замужней женщины. Наша мораль нам не раз решает даже общения не со своими.

– Галя, – знакомит нас Алина.

– Галя, вы выдержите свою подругу до завтра?

– Конечно, и даже больше.

– Отлично, тогда моя миссия окончена. Кстати о птичках, сегодня в семь двадцать «Приваловские миллионы».

– Я уже видела, – отказалась Галя.

Вот умничка.

– Тогда я в семь здесь с билетами.

Она просто смотрит, на ее лице не прочесть ничего. Только однажды, когда муж подсовывает свою жену в постель Привалову ради дела, она неопределенно хмыкает, но тут же берет себя в руки.

Обсуждать фильм у нее уже нет сил. Естественно, день был вполне нагруженным. Короткое прощание у двери Галиного дома.

– Завтра в аэропорт не ходи. Мой знакомый работает в аэропорту и меня вовремя предупредит, а я зайду за тобой. Сиди, готовься к экзаменам. Или все готово?

– Ой, не знаю, как буду сдавать.

– Тем лучше. Готовься и не беспокойся. За тобой зайду, без тебя не улечу, жди.

Наутро стало ясно, что в аэропорт можно и не звонить. Снежная пелена закачалась за окном. На Север пришел циклон и начисто отрезал Корф от Петропавловска. Только тридцать первого прояснилось. В одиннадцать утра по местному времени прозвенел долгожданный звонок.

– Дядя Петя, ты думаешь лететь?

– Мысль есть.

– Спешу, «Як» вылетел из города.

Спешу. Надо еще за Алиной заскочить. На стук в дверь сразу ответил плачущий голос.

– Кто?

Такое впечатление, что она стоит здесь уже давно.

– Фантомас. Как насчет лететь? «Як» уже в полете.

– Я не могу!

– Решила вернуться в Ачайвам?

– Нет, я не могу выйти, не могу дверь открыть уже с утра.

– Ключ есть?

– Есть, но не могу.

Непонятно. Ключ есть, а открыть не может.

– Давай его сюда.

– Никак, дверь плотная и форточки глухие.

Однако! Алина вполне готова к истерике.

– Остановись и слушай меня внимательно, сейчас рыдать некогда.

Не грех встать на коленки и посмотреть в замочную скважину. Хорошо хоть свет в коридоре горит. Это же надо так ключ засунуть, почти насквозь.

– Тяни ключ на себя.

– Не могу, я уже пробовала!

– Чуть пошевели и тяни. Стоп, назад. Стоп, поворачивай. Нет, в другую сторону.

Замок дважды щелкнул, и дверь распахнулась. Заплаканная затворница готова броситься на шею своему спасителю.

– Как хорошо, что ты пришел! Я уже думала, что не выйду.

Я тебя расцеловать готова!

– К вашим услугам, синьора.

Она сделала вид, что не услышала, но улыбнулась сквозь слезы.

– Бежим, я уже давно собралась.

Регистрация, свист садящегося «Яка», толпа пассажиров из города и, наконец, посадка. Северяне хоть и одеты тепло, отворачиваются от зябкого ветра, спешат скорей взобраться по трапу. Мужчины выстраиваются цеп очкой, передают вещи в багажник.

Последний чемодан ушел вверх.

– Давай, давай, – торопит пилот.

– Даваю.

В салоне еще тепло, стоянка не успела выстудить машину. Пассажиры устраиваются: кто сует авоську под сиденье, чтобы не мешала в проходе, кто снимает пальто и приводит в порядок прическу. Головка с золотистыми волосами во втором ряду кресел.

– Простите, это место не занято?

Какая улыбка!

– Еле удержала. Садись здесь, я к окошку.

– Что желает синьора?

– Пакет.

Это не проблема, стюардесса оказалась запасливой.

– Тебя развлекать или будешь укачиваться?

– Я только зашла в самолет, а уже укачалась.

– Нельзя же так, надо вестибулярный аппарат потренировать.

– Ой, мне сейчас не до аппарата.

«Як» взревел турбинами и взмыл почти без разбега. По мере подъема улыбка у моей соседки становится все более вымученной. Взглядом спрашивает согласия на мое плечо. Господи, жду этого момента уже вечность. Ее волосы касаются моей щеки, и наступает состояние невесомости, но тут же посадка на заправку в Оссоре.

– Я, наверное, посижу в самолете.

– Ни в коем случае, пошли воздухом подышим.

В порту накурено и толчея.

– Алина, пошли на улицу.

Ограда перед выходом на летное поле закрывает от ветра чисто символически. Но зато здесь никто не мешает.

– Ветер, холодно.

– Прячься за меня.

Овчину никакой ветер не пробьет, тем более с таким обогревом, как моя спутница. Она совсем близко, ей нельзя отодвинуться и на сантиметр – ветер сразу начинает резать лицо. На голове теплая шаль. Улыбающееся лицо спрятано в шевелящийся мех голубого песка, длинный мех ей очень идет. Каждый мой шаг ей приходится повторять, потом она отступает. Чтобы почувствовала себя увереннее, предлагаю ей свои руки в качестве опоры. Она очень естественно и без колебаний кладет на них свои.

– Алин, представь, что сейчас появятся наши половинки. Что они сделают с нами?

– Сожгут живьем, – смеется она.

Она ведет себя очень просто. Но я для нее только помощь в дороге, никакого чувства ко мне у нее нет. Если б было хоть что-то, я бы почувствовал. Хоть как-то оно бы проявилось. Но, к сожалению, ничего. Она проста, скромна, чарующа и недоступна.

«Як» снова взмывает вверх. Когда же она снова спросит разрешение на мое плечо? Она ищет себе место, запрокидывает голову на спинку кресла, потом прислоняется к переднему сиденью и, наконец, поворачивается ко мне. В этот момент «Як» резко уходит вниз. Глаза у нее закрылись, и она падает ко мне на руки. Ложись, девочка, на колени. Левую руку тебе под голову, а правую на плечо.

Зарыться бы лицом в золото волос и вдыхать их неповторимый запах. Но ей, наверное, и без меня тошно. Она передвигает руку повыше, разжимает кулак и... прижимает мою ладонь к своим губам. О, боги!

Она убрала все преграды между нами. Можно ощущать лицом шелк ее волос, можно прикоснуться губами к нежной коже шеи, можно ощущать ладо нями трепет Алининого тела. Есть ли совесть у командира? Он летит от Оссоры до Петропавловска ровно шестьдесят секунд. Правда, часы показывают час пятьдесят минут, но разве часы что-нибудь понимают?

Мягкое приземление, Алина откидывается на спинку кресла и готовится к выходу. Нежная и беззащитная, она ловит каждое слово и не отводит взгляда. А в глазах слезы, слезы расставания.

– Где ты был раньше?

– Все в наших силах, все можно исправить.

– Поздно, не забывай, у нас Алешка.

– Он не помешает.

Она постепенно становится прежней неприступной крепостью.

– Пойдем, нам пора.

Да, пора. Ей в Петропавловск, к маме, мне в Елизово, к сестре.

Елизово

Дверь, как всегда, не заперта и открыта для всех. Услышав хлоп двери, сестра выходит полюбопытствовать, кто бы это мог быть, и виснет на моей шее.

– Петруня, как ты вовремя приехал и, как всегда, сюрпризом!

– Главное вовремя. Надо сделать фарш?

– Это потом, сначала шторы в ванной повесить.

Шторы повешены. Не мешало бы и перекусить.

– Ты знаешь, в гостиной струна провисла, хорошо бы к Новому году...

В туалете вода плохо набирается, и в ванной дверь не закрывается. Пока не поем, меня не кантовать.

В холодильнике есть сыр, масло и даже холодная вареная картошка. Картошку поджарить и чай вскипятить – дело пяти минут.

– Сестра моя бледнолицая, компанию поддержишь?

– Чайку налей чашечку. Ты когда вылетаешь?

– Завтра вечером.

– Хочешь хохму?

– Давай.

– Это что за Бармалей

Лезет прямо в мавзолей? Брови черные густые, Обе челюсти вставные. Он и маршал, и герой, Угадайте, кто такой. Кто даст правильный ответ, Тот получит десять лет.

А дети в детском саду отвечают так: Мяса нет, колготок нет – На хрена нам этот дед.

– Блеск! Это местное производство или общесоюзное?

– Из Москвы привезли. Все, хватит о политике. Анна пришла, сейчас будем лепить пелемени.

И началась круговерть по подготовке к новомуднему праздничному столу. Вот и собрались мы всей семьей, кроме родителей, и встретили год 1976-й. Досмотрели традиционный «Голубой огонек» с Пьехой, Кобзоном, Магомаевым, Ротару, Хилем, Гуляевым, Толкуновой и, конечно, Анной Герман с ее неповторимой «Надеждой» Пахмутовой.

«Надежда, мой компас земной, а удача награда за смелость, и песни довольно одной, чтоб только о доме в ней пелось». Словно ко мне обращается и напутствует – вперед. Смотрит она сейчас? Скорей всего, да. Что чувствует? Вспоминает ли меня? А у меня стоит перед глазами. И закрывать их не надо. Золотистые тонкие волосы, нежная белая шея и нежное касание ее губ к моим ладоням.

У нее есть одно качество, которое делает ее загадкой. Она умеет скрывать свои чувства за завесой неприступности и обаяния, простоты и непосредственности. Она показывает только то, что хочет показать, остальное прячет в себе так, что не увидишь ни в одном взгляде, ни в одном движении.

Наступил первый день года нового. Обычно как проходит первый день, так и весь год. Все зависит от госпожи Судьбы. Ну чтож, испытаем. Живет она в Сероглазке, на расстоянии одной автобусной остановки от нашего бывшего дома, где мы прожили почти десять лет. Можно выйти на шестом и спуститься с сопки. Ладно, попробую через КП, то есть через Ком сомольской площадь, авось автобусное движение более-менее наладилось.

По этой дороге ходил в школу пять лет. Год в школу № 14 в седьмой класс. Четыре года в школу № 2, с восьмого по одиннадцатый класс. С остановки «Геологов» виден дом, в котором мы жили десять лет, из него я уехал в Иркутск поступать на охотоведа. В него вернулся после армии и по окончании института.

Едем до конечной. Адрес она говорила мельком, но этого больше чем достаточно.

Конечная остановка. Рядом пирс на трубах, строился в начале семидесятых под папиным руководством. Здесь мы с дружкой ловили рыбу. Отсюда уезжали на лодке на охоту на Лайду в устье Авачи. Здесь на пирсе стояла мама при всех орденах в строгом деловом костюме, когда встречала наш вельбот после шторма. У нее были все основания беспокоиться, когда мы вовремя не вернулись.

Шторм тогда начался неожиданно. Мы возвращались домой с охоты. В вельботе было человек шесть мужиков. Бензобак раскачалось, и вся грязь поднялась со дна. Соринки постоянно забивали жиклер в карбюраторе, и движок глох каждые пять минут. Борис разбирал карбюратор, доставал жиклер, продувал, и через несколько минут все повторялось. Надо было бы снять бачок, профильтровать бензин, но мужики не обращали внимания на советы семнадцатилетнего пацана и продолжали до тех пор, пока из пальцев-сосисок моториста не выпал жиклер на дно вельбота в грязь на дне. Там этого добра было столько, что искать жиклер размером с бусинку никому в голову не пришло. Неуправляемый вельбот развернуло и стало мотать по воле волн. Попытались в темноту послать сигнал SOS от прожектора, но точки-тире проглотила темнота, и никто никак не среагировал на них. Весел, конечно, не было, и мужики дружно пали духом, отдавшись на волю судьбе.

Попытка – не пытка. Стал горстями выбирать грязь со дна через стлани, перебирать ее на ладони и выбрасывать за борт. Самое смешное, что жиклер нашел минут через десять. Положил его в карман, затем снял бачок, через тряпочку в ведро профильтровал весь бензин, поставил бачок на место, собрал карбюратор, и мы без приключений добрались до дома. Правда, на все операции ушла почти вся ночь, и мы подъехали только к утру. Ну так условия были – болтало так, что не расплескать бензин и попасть в отверстие в карбюраторе жиклером было очень сложно. Но получилось. Мама, конечно, всю ночь не спала и утром в полном параде предстала перед председателем колхоза с просьбой организовать поиски пропавших. Пара МРС уже стояла под парами, когда наш вельбот вырлился из-за мыса.

А на мысу слева по борту мы с дружкой висели два часа на одном месте, не в силах справиться с ветром. На той стороне бухты сломалась «Москва», и нам пришлось всю ночь веслить через всю бухту. Когда до берега осталось метров двадцать, нас стал испытывать на прочность ветер с берега. Он стал дуть со скоростью, равной нашей. Дул он ровно и противно, не давая расслабиться, но и не унося нас в бухту. Через пару часов он сжалился и утих на несколько секунд, этого хватило, чтобы преодолеть оставшиеся метры.

Здесь есть, что вспомнить, приключений было достаточно. Вообще-то приехал не за воспоминаниями.

«Вот эта улица, вот этот дом, вот эта девушка...» Мы жили по соседству, но ни разу не встретились. Нас разделяла одна автобусная остановка. Пять лет мы ездили в одном автобусе из Сероглазки в город и ни разу не увиделись. Даже увидев мельком, я бы ее запомнил.

Однако с девушкой могут быть неувязочки. Скорей всего, на звонок выйдет мама девушки и придется что-то сочинять, чтобы причина увидеть мужнюю жену была достаточной. А с фантазией у меня не очень. Отставить разговоры, вперед и вверх, точно вверх, на второй этаж.

Жмем на кнопку звонка. Шаги за дверью быстрые, пружинистые, не мамины. Дверь распахивается, и на пороге... Она. Нет, год начался удачно.

Январь 1976 г.

Хабаровск

Хабаровск славится беспорядком в аэропорту, но таким он предстал впервые. Люди лежали, сидели, спали на полу, даже на площадках над входом, на лестницах, за стойками. Между сидящими и лежащими сформировалось два потока, идущих в противоположных направлениях. Выйти из них, не наступив на кого-нибудь, довольно трудно. Давка, толкотня, ругань. Дежурные ведут регистрацию, перешагивая через человеческие тела.

Очередь у транзитной кассы вытянулась с загибом влево. Впереди женщина лет тридцати, довольно миловидная, невысокого роста, также из Петропавловска.

– Вы уже получили багаж? – удивилась она.

– Только что.

– Как же я прослушала? Пожалуйста, скажите, что я стою перед вами, я сейчас сбегаю за своим.

– Вы почти не продвинулись, – констатировала она, появляясь из толпы с объемистой сумкой.

– Насколько я понял, здесь две очереди с обеих сторон, и берет та, у которой больше масса.

Минут через пять она пришла к такому же выводу.

– Надо сходить к дежурному милиционеру, – решает пассажирка.

– Он скажет: наводите порядок сами.

– Что же делать? – вопрос более для раздумья, чем от отчаяния. – Товарищ, почему вы берете, ведь очередь отсюда? – Она явно имеет опыт работы с людьми, ни нотки визгливости, уверенный голос, заставший преступника на месте. Товарищ сунул билет в кассу и пытается оправдаться.

Очередь возмущенно зашумела. Особенно волнуются братья армяне, стоящие к окошку близко, но безрезультатно. Революционная ситуация назрела. Можно попробовать отрезать одну очередь от другой по принципу «наводите порядок сами». Надо втиснуться между этим товарищем и остальным левым крылом очереди.

– Остальные в эту очередь, – жест рукой в сторону правого крыла.

Левая очередь молчит, ну и слава богу. Соотношение сил явно неравное.

– Пропустите только меня, мне очень надо, – невзрачная девушка смотрит с мольбой в глазах. Если ее пропустить, то может взорваться все левое крыло, потому что надо всем без исключения. Она – крайняя, надо ее не видеть и не слышать. Минут через пятнадцать очередь формируется в одну справа, моя спина довольно надежно защищает окно от инородного вторжения. Еще через полчаса моя союзница отходит от кассы и наступает моя очередь протянуть билет.

На улице толкучки нет, но есть мороз, который и создал эту толчею в аэровокзале. Пассажирка-союзница приводит себя в порядок у выхода после прорыва сквозь вокзал. Когда она поправляла шапочку, то показала, что она блондинка, а что личико круглое и миловидное, видно было еще в Петропавловске невооруженным глазом. Характер она уже показала и теперь демонстрирует свою обворожительную улыбку.

– Тамара.

Против улыбок, тем более таких очаровательных, у мужчин оружия нет.

– Петр.

– Куда вы летите?

– В Иркутск.

– Ирония судьбы, я тоже. Завтра в десять вечера.

– Завтра, но в восемь утра.

Улыбка мгновенно исчезла.

– Я же перед вами подавала билет!

– Алогизм судьбы. Впрочем, нам сказочно повезло. Мужчина перед нами возмутился, что ему дали на Иркутск на восьмое. А сегодня только второе. Теперь наш путь в камеру хранения?

– Да, – улыбка снова украсила, ее, – а потом в гостиницу.

Разумеется, здесь уже все забито.

– Вместе у нас неплохо получается. Продолжим дуэтом?

– С удовольствием.

В камере хранения мы встали за девушкой, полчаса назад умолявшей ее пропустить.

– А я сдала билет, поеду поездом, – протянула она плаксиво и стала еще более несчастной. Автобус довез нас по сияющему огнями Хабаровску до центральной гостиницы.

– Повезет ли нам с местами? – гадала Тамара, доставая документы из сумочки.

– Должно. Если начало везти, то до конца дня будет удача.

Правило не подвело. Дежурная без разговоров взяла паспорта и оформила места в двухместных номерах с разницей на этаж.

– Я предлагаю кино и по дороге столовую.

– Обычно мужчины предлагают ресторан.

– Стало быть, к их числу я не принадлежу. Не пью, не курю, да и денег – шибко не попикуешь.

– Не пьешь даже шампанское?

– Даже пиво.

Она посмотрела на своего сопровождающего с сомнением и сожалением.

– Ну что ж, через полчаса буду здесь.

Проще ей было сказать: «На безрыбье и рак – рыба».

– А какое кино? – спрашивает Тамара, появившись в назначенное время.

– Посмотрим, что будет. На месте выберем.

Она уже настроилась на рака и признаков разочарования больше не показывала. Перед афишами мы простояли недолго.

– Все это я уже видела, кроме «Розы для господина прокурора».

– Зал хроники. Пошли за билетами?

– Пойдем. Ты раньше был в Хабаровске?

– В основном проездом. Один раз застрял на двадцать дней – оформлял пропуск.

– Я только проездом. Остается только прогуляться.

– Я с удовольствием смотрю на людей, особенно в незнакомых городах. Интересно угадывать, кто есть кто и что.

– Что-то я не видела, чтобы на кого-нибудь смотрел.

– Угловым зрением.

– А когда ты увидел меня?

– В Петропавловске перед посадкой.

– И что ты обо мне скажешь?

– Летишь на сессию в Иркутск, замужем, тридцать два года, заводила всех дел в коллективе.

У нее снова возникло чувство уважения к своему спутнику.

– Почему студентка?

– Билет со скидкой, видел, когда подавала в окошечко.

– Замужем, потому что кольцо на правой. Но ведь я могла надеть и просто так.

– Выражение глаз не заменишь. Одинокие смотрят на мужчин очень печально.

– Остальное все правильно, староста в группе.

– Видно по поведению в очереди. Нам пора поворачивать, пока дойдем, останется пять минут.

Фильм чудесный, к такому выводу мы пришли единодушно. Пока воз вращались до гостиницы, Тамара рассказала, что она работает учителем музыки.

– Всю жизнь мечтаю научиться играть на аккордеоне, никак времени не выберу.

– Ты идеальный муж, – сделала она вывод, когда мы подходили к гостинице.

– Так считают все женщины, кроме моей жены.

– Это был чудесный вечер, – задумчиво произнесла она, когда мы прощались на лестничной площадке. – Жаль, что у меня нет будильника, хотя бы сломанного.

На следующее утро фортуна повернулась другой стороной. Все началось с регистрации. Когда осталось человек двадцать, дежурная объявила:

– Товарищи пассажиры, с этого рейса вас снимают и передвигают на следующий, который уходит через три часа. Нам необходимо отправить группу иностранных туристов.

Очередь немного пошумела и, видимо, из интернациональных сооб ражений, решила бунт не поднимать.

Дежурная слово свое сдержала. Перед регистрацией на следующий рейс нас позвали к стойке и провели регистрацию.

Наконец-то объявили посадку.

Боги праведные, на билете не осталось ни одного талончика. Мало того, что нап ошибся и отрезал один лишний талончик, плюс к этому поторопилась дежурная и в спешке оторвала еще один лишний, и билет остался голый, а еще регистрироваться в Иркутске и Свердловске. Но талончик один еще здесь – регистрация не закончилась. Можно попы таться его вернуть.

Пробиться с этой стороны к стойке не смог бы и взвод автоматчиков. Помог обходной маневр с перепрыгиванием через отдыхающих. Дежурная, очумевшая от криков и тянувшихся к ней рук, зло вырвала билет и непонимающе уставилась на нахала, проникшего из тыла, куда доступ разрешен только элите типа партийных деятелей, депутатов, агентов КГБ и блатных. Не слушая особо объяснений, она обрадовалась.

– Как ты попал на этот рейс, твой ушел утром! Я тебя снимаю.

Это не та дежурная, которая нас передвигала и регистрировала. Докажи, что не верблюд, когда тебя уже подковали. Спас талончик! Во попал! Пальцем в небо. Да в этом содоме и Шерлок Холмс не докапается до истины, даже после отлета самолета. Что же теперь? Покупать билет на Иркутск или Москву? На какое число, если транзитникам давали вчера только на десятое?

После ее выкрика взметнулся лес рук с билетами с той стороны стойки.

– Меня, я с ребенком!

– Больная я!

– Вот телеграмма, я по телеграмме!

– Опаздываю на работу!

Кажется, земля уходит из-под ног. Но госпоже фортуне угодно было только слегка пошутить. Дежурная сунула билет в руки незадачливому пассажиру.

– Твое счастье, что вещи в самолете, беги!

Второй раз ей повторять не пришлось. Автобус уже трогался, когда дежурная на выходе махнула шоферу:

– Открой ему дверь!

Будь ты неладен, бардак в авиации.

У трапа самолета давка. Впереди толпы несколько женщин с маленькими детьми и в интересном положении. Но их оттесняет пухленький мужичок с брюшком.

– Мне надо срочно, я лечу в командировку.

Видно, дядя из больших начальников. Надо ему помочь.

– Женщины, что вы толкаетесь, имейте совесть, пропустите мужчину, ему же срочно надо, он летит в командировку!

Толпа, до сих пор безучастная, ожила. Несмотря на холод и пронизывающий ветер, появились улыбающиеся лица, и напряжение ожидания ослабело. Мужичок сконфуженно отступил, пропуская женщин вперед. Мест хватило всем. Последний заходящий пассажир галантно раскланялся со стюардессой, за что получил очаровательную улыбку.

Слава богу, Иркутск. Сейчас проблема номер раз – это договориться с дежурной по транзиту, чтобы выписала талончики, билет-то оплачен. Не может же быть, чтобы здесь была толчея, как в Хабаровске.

Может, ей-ей, может. В Хабаровске хоть касса работала и очередь шла, а здесь окошко транзита наглухо закрыто и открывается, только когда появляются места. Остальное время толпа, не очередь, толпится у задраенной амбразуры и ждет милости от «Аэрофлота». Когда же она снизойдет на главу раба божия? Кому бы задать этот вопрос? И второй, самый главный: что делать? Ага, а вот и ответ на него. Объявляется посадка на рейс Хабаровск – Иркутск – Новосибирск, то есть рейс, который довез меня до Иркутска, если довез до Иркутска, сможет, наверное, довезти и до Новосибирска. Оттуда-то легче будет выбраться в Свердловск. Вообще-то это афера, и скорей всего, что при проверке билета меня сразу же попросят. Попросят – не побьют. А могут билет и не проверить. Опять же, что будет с багажом? Ладно, раздумывать некогда, вперед.

Все пошло, как по заранее написанному сценарию. Дежурная по посадке объявила:

– Кто летел этим рейсом, прошу пройти в первую очередь.

Летел? Летел. Стало быть, в первую очередь. Билет глянула мельком, не обратив внимания на пункты следования Иркутск – Свердловск – Ижевск. В самолете все заняли свои места.

– Вы разве здесь сидели? – усомнилась бортпроводница.

– Спросите у пассажиров!

Двое или трое согласно кивнули.

Она покрутилась с минуту вокруг, не поняв, где подвох. Она спрашивала перед посадкой, кто летит только до Иркутска, и запомнила, что где-то здесь должно быть свободное место после Иркутска. Сформулировать вопрос четче, почему полетел дальше, у нее не хватило памяти и времени. Оставив задачу неразрешенной, стюардесса объявила, что мест больше нет, и после небольшого шума у выхода на трап дверь наконец закрылась. Еще через десять минут Ту-104 оторвался от взлетной полосы иркутского аэропорта. Да здравствует бардак в «Аэрофлоте»!

Следующий вопрос: «А где мои чемоданы? Их два, и они тяжелые».

– Запросите из конечного пункта вашего маршрута, – посоветовала представительница этой же организации в справочном бюро Новосибирска.

Ну что ж, для этого надо сначала до него добраться.

Новосибирск – это уже цивилизация. Стекло и бетон, никаких признаков давки или толкотни. Тишина, ровный свет, тепло и даже уют. Никаких очередей, все вовремя, толково и быстро. Пустые залы, свободные полумягкие диваны и кресла. Буфеты с бутербродами и горячими напитками, мороженое и теплые туалеты. Цивилизация. Очаровательная брюнетка-администратор внимательно выслушала сказ о талончиках.

– И вы хотите, чтобы я выдала вам талончики?

– Мечтаю с самого Хабаровска. По-моему, это не совсем наглость, билет-то оплачен полностью, талоны мне урезали работники «Аэрофлота».

– Вы знаете все примечания наших законов?

– Их лучше не знать – летать не захочешь.

– Ну ладно, – вздохнула красавица, – рискнем.

– А чем вам это грозит?

- Премией на эту сумму.
- Я вам дам свой адрес, если...
- Да уж как-нибудь сама.

Красивые пальчики с шикарным маникюром извлекли откуда-то две маленькие квадратные бумажки и поставили на них нужные надписи и штампики.

- Регистрация на Свердловск через полчаса.
- Такое бывает только в сказке.
- Огромное спасибо, и с наступившим.
 - Спасибо, счастливо долететь.

Мы или во сне, или в Германии. Возможно, какое-то перемещение прост ранства и времени. Во всяком случае, логического объяснения этому чуду нет. Понимать необязательно, важно улететь.

Свердловск. Чемоданы получать не надо. Даже в потере есть свои плюсы. Залы свободные, у транзитной никого, и она даже работает. Рейс Щ с номером вылетает завтра утром. Впереди целая ночь. Можно попробовать найти тетку Клеру – мамину сестру. Какой же у нее адрес? Короленко – это точно, номер дома вроде 23. Маме бы позвонить. У них телефона нет. Время есть, попробую поискать.

– Вот улица Короленко, – махнул рукой таксист и, получив по счетчику, тут же исчез. Улица недлинная, темная и пустая. Не дойдя до двадцатых номеров, она уперлась в колею железки и исчезла, как таксист.

- Вы не скажете, извините...

Но женщина прибавила ход и не захотела даже обернуться. Видок-то у меня вполне разбойничий. Можно попробовать позвонить в справочное и испросить номер телеф она по фамилии.

Ну да ладно, на сегодня хватит. Где такси?

В гостинице аэропорта оказались свободные места, что на Севере практически не бывает. Принимая душ, долго не мог понять, откуда вонь тухлых яиц. После недолгого обследования понял, что так пахнет вода. Люди пьют эту, простите, воду и умудряются выжить?

На регистрации в Ижевск дежурная так улыбнулась и позвала озорным взглядом, что захотелось сдать билет и предложить ей руку, сердце, радикулит и все остальное, что имеется в наличии. А девчушка – с веснушками, без классических форм, стройная, как тростинка, и само очарование.

Ижевск

Администратор ижевского аэропорта затребовала заявление на багаж с описанием количества мест и содержимого. Через два дня пришло извещение, и оба чемодана с пломбами были получены в камере хранения. Да здравствует бардак в авиации!

От радости экс-пассажир выскочил на одну остановку раньше, и пришлось последний этап переть этот груз пешком. Пока раздевался, мама решила сама занести чемоданы в комнату. Она взялась за ручку одного из них, покачалась во все стороны, но чемодан даже не пошевелился. Она выпрямилась, отпустив ручку, с ужасом посмотрела на сыночка и спросила:

– Как ты их допер?

– Мам, они сами долетели.

– Какие у тебя планы? – поинтересовался отец, когда отшумела радость встречи и впечатления уступили место соображениям.

– Прежде всего, отремонтировать зубы.

– А институт?

– Как получится. Без второго диплома я проживу, а без зубов никак. Я в течение трех последних месяцев ем одни котлеты и пью молоко. А хочется есть мясо и кусать хлеб. Да и зубная боль замордовала.

– Следующий дом – поликлиника. Там у меня есть одна знакомая, я попробую с ней договориться.

Если есть мастер по части договориться, так это Александр Иванович. С людьми он умеет находить общий язык. Наутро следующего дня он преподнес сюрприз.

– Врач ждет.

Шутите, нельзя же так сразу, надо подготовиться морально к кабинету, к зубной боли... Но придется идти, раз ждет.

– Зовут ее Ольга Васильевна, твоя ровесница. Симпатичная, носик вздернутый.

Вообще-то мне только романа сейчас и не хватает.

В вестибюле очередь. Увидев отца, врач властно показала рукой – заходите.

В детстве врачи поселка сумели привить панический страх к зубному кабинету. И сейчас он обрушился на все органы чувств блеском бормашины и плевательницы, инструмента, белыми халатами врача и ассистента. На лбу выступил холодный пот, и кожу на лице стянуло сухой маской.

– Вам плохо? – спросила врач. Над марлевой маской глаза отрази ли явное презрение, хотя за минуту до этого они светились живым интересом.

– Хуже некуда!

– Поделайте наклоны к коленям. – В ней заговорил ледяной тон врача. – А ведь я еще ничего не делала.

– Вот это и страшно.

– Откройте рот.

После осмотра сделала неутешительные выводы.

– Вам надо удалять три зуба. Вот этот, – она постукала по коренному на нижней челюсти, – самый тяжелый. С какого начнем?

– По желанию трудящихся. Я бы начал с самого плохого.

– Я обычно делаю так же.

Игла шприца дважды вошла в мякоть десен. Движения уверенные, точные. Стенки зуба раскрошились от первого прикосновения клещей. То, что осталось от них, стало отламываться по кусочкам. После очередной неудачи она дала отдых. Видно, что она потеряла уверенность

и не знает, что делать дальше. Стало полегче. Внимание сосредоточилось на конкретном зубе и боли, тем более что последняя была вполне терпимой после укола. Страх прошел.

Врач приняла решение.

– Стукнем.

Ее ассистентка взяла увесистый резиновый молоток. Она сама вооружилась точной копией слесарного зубила, разве что поменьше и более блестящего. После каждого удара моя челюсть прыгает в сторону, а вслед за ней и голова, хотя шея напряжена хорошо. Минут через десять она сделала передышку.

– Сплюньте.

Судя по ее виду, зуб действительно тяжелый. Нужно мастерство и характер, чтобы извлечь из мяса, крови и кости корень зуба, от которого виднеется одна вершинка. Ей не с кем посоветоваться и не на кого опереться, кроме как на себя. А тут еще сидит рохля, который скоро упадет в обморок. Положеньице у тебя, тетя врач! Приведем себя в порядок и попытаемся состричь.

– Стукнем.

Ей стало полегче. Она посмотрела уже с уважением.

– Ну что ж, стукнем.

Еще минут через десять мой стоматолог выглядит не лучше, чем пациент полчаса назад.

– Тяжело?

Теперь глаза смотрят внимательно и пытливо.

– Первый раз получаю помощь от пациента.

– Этим жизнь и интересна, что бывают первые разы.

Разговор ее отвлек, и это помогло ей принять решение. Спина у нее стала идеально ровной, плечи расправились, и всем своим видом она являет саму решительность.

– Стукнем.

Действие лекарства кончилось, и от боли пришлось замычать быком.

– Все, – настала очередь врача успокаивать бедолагу-пациента.

Но это не только успокоение, но и констатация факта; на дно изогнутой ванночки легли два корня с каплевидными утолщениями внизу.

– Обычно у зубов корни обратной формы, с утолщениями вверху.

– У меня все наоборот.

Зуб с правой стороны напомнил о себе следующей ночью. На второе утро он перекочевал без особых трудностей в ту же ванночку. На третий прием она уже позволила себе шутку.

– Можно я вас обниму?

– За это и зуб не жалко.

– Если он больной.

Она встала за спиной, левой рукой обхватила голову, а правой ловко выдернула одним движением левый верхний клык.

– Хорошо получилось, – она сама довольна. – Этот зуб бывает очень капризным.

– К сожалению, плохие зубы кончились. А остаток хороших рвать не рационально, не на что будет ставить мосты.

– Ничего, приходите, я буду промывать ранки, а то может начаться воспалительный процесс.

Пока мы промывали ранки, выяснилось, что она разводится с мужем, у них растет шестилетняя дочь и окончательный день развода – эта суббота.

В субботу же она назначила лечение. В шесть вечера волею того же случая мы одновременно появились в разных концах коридора поликлиники. Кроме нас никого не было, и она в порыве чувства раскинула руки для объятия. Сделала это непроизвольно и тут же испугалась.

– Сегодня у меня дежурство, – она пропустила меня в кабинет, – я могу быть и без повязки.

Повязка придавала ей какую-то таинственность. Когда ее не стало, исчезло и таинство. Нос курносенький, а в лице какое-то лисье выражение, что ее, конечно же, не портит.

– Ну что, я вам нравлюсь? – спросила она, лукаво улыбаясь.

– Очень! Но я вас представлял не такой.

– А какой? Более красивой?

– Более строгой.

– И вы разочарованы?

– Ни в коем случае.

– Ну что ж, давайте будем лечиться.

– Ольга Васильевна, не мучьте себя. У вас был тяжелый день, лучше отложить до соответствующего настроения.

– Почему он не такой, как вы? Вы же все понимаете, а он не видит элементарных вещей. А сегодня у него даже руки не дрожали, когда он подписывал. А у меня дрожали! У меня все внутри дрожало! Но теперь все. Все уже перегорело. Откройте рот.

Она сосредоточилась на работе, и скоро от ее грусти не осталось и следа. Так быстро могут меняться только женщины.

– Я вам поставлю блатную пломбу из импортного материала, – засмеялась она.

– А чем отличается блатная от обычной?

– Быстрее выпадет, и вам снова придется прийти ко мне.

– Тогда ставьте русскую, чтоб на всю жизнь. А встречи можно перенести в более приятную атмосферу, чем кабинет в поликлинике.

Александр Иванович и Вера Михайловна ждут вас сегодня на ужин чтобы угостить вас пельменями. Приглашение от всей нашей семьи.

– А что мама обо мне скажет?

– Вот и послушаете.

– А что она подумает?

– Что подумает, то и скажет.

– Я не могу. Ну что я сделала? Ну как ты меня представишь своим родителям?

– Как ангела, избавившего меня от зубной боли. В семь ноль-ноль жду вас у поликлиники.

Оле было трудно зайти. Дома же она быстро освоилась и держалась очень естественно и непринужденно. Мама разговаривала с ней, как с давней знакомой, хотя обычно с людьми сходитя очень тяжело.

Проводить гостью после ужина домой сам бог велел. На троллейбусе пять остановок, рядышком.

– Вы маме понравились, а про отца можно не говорить, он очень коммуникабельный.

– Давай на «ты», Петр

– Давно за, но первым женщине предлагать неудобно, пришлось ждать, когда проявишь инициативу.

– С этой эмансипацией все перепуталось. Вино было вкусное, у меня сейчас голова кружится, обычно я не пью.

– Я тоже стараюсь обходиться без него, но сегодня нельзя было не пить, тем более что оно действительно неплохое.

– Ты странный человек. Обычно мужчины не такие.

– В чем же странность?

– Ну, не пьешь, не куришь.

– Разве это неправильно?

– Правильно. Но ведь все же так не делают. Почему?

– Я могу объяснить, почему я так делаю, а почему большинство делает иначе, тоже понять не могу.

– Мы приехали.

Надо выскочить из троллейбуса и подать ей руку. Вот так. Ольга воспользовалась опорой, но руку сразу же отдернула.

– Вон мой дом, – показала она на вторую от остановки четырех-этажку, – мой балкон самый правый, второй этаж. Завтра в семь жду тебя в гости с ответным визитом.

– Ждать не придется.

Институт

В этот приезд необходимо сдать математику. Занятия ведет Вера Дмитриевна. Ей пятьдесят точно, не меньше. Все студенты считают ее зверем, ничего не берет, никому поблажки не дает, спрашивает очень строго. Учителя такого типа – мои любимые. Они любят свой предмет и хотят, чтобы остолопы хоть что-то запомнили из математики – им это в жизни пригодится.

Я долго буксовал на одном примере, когда на Тамани воевал с очередной контрольной. Он доводил до психа. Неопределенный интеграл. Коротенький пример, но никак не хотел решаться.

Через полмесяца войны с ним, проснувшись, понял, что все дело в опечатке в учебнике. Знак корня был длиннее на одну цифру. Если знак короче, то пример решается в течение пяти минут. Если длиннее, то он не имеет решения. Это топтание дало положительные результаты: все последующие задания проблем не создавали. Придя в институт, первым делом взял в библиотеке задачник по математике другого года выпуска, он подтвердил то, что уже понял: в учебнике была опечатка.

Преподаватель вела практические занятия. Сама стояла у доски с мелом и комментировала ход решения. Но по скорости меня не превосходила, мы шли ноздря в ноздю. Иногда камчадал первым находил решение, она не сердилась и внимательно относилась к подсказке. Ошибок обычно не было. Сокурсники косились на выскочку, никому не нравилось, что кто-то нарушает общепринятое правило – быть тупицей в учебе.

А в учебе необходимо знать одну маленькую хитрость: надо внушить себе, что то, что ты изучаешь, как бы нудно это ни казалось, ужасно интересно. Не менее интересно, чем титки рядом сидящей студентки или встреченной случайно на улице красавицы. Один козел подошел в туалете и показал тетрадку.

– Слушай, ты разбираешься в математике, помоги написать контрольную. – Улыбка заискивающая и сладковатая.

Непонятно как можно человеку вбить что-то в голову, пока он сам не захочет понять?

– Как я тебе помогу? Это материал восьмого класса. Возьми учебник, посиди, разберись. Пока не поймешь азов, дальнейшее объяснять бесполезно.

Улыбка сменилась на гримасу ненависти.

– Что? Отличник? Да мы таких в школе били!

– Всемером за углом, а сейчас в туалетах шаромыжничаете.

Судя по его натужному дыханию и злому блеску глаз, у него появилось школьное желание поучить отличника только за то, что он отличник. Но, взвесив наши возможности и не имея поддержки шестерых, сделал глубокий выдох и зашел в кабинку излить злость. Желających поучить больше не нашлось – институт все-таки не школа, там за такие грехи лупили чаще. Кретины не разрешают быть лучше их, приходится это право завоевывать, и часто кулаками или угрозами.

Ольга

Семь ровно, дверь номер восемь. Сколько раз нажать на кнопку звонка? Три. Шаги легкие, Оля, лицо, окаменевшее от ужаса. Постепенно черты лица смягчаются.

– Господи, это ты. Заходи. Больше так не звони, это его звонок.

– Буду звонить два раза.

Надо сделать большую пакость женщине, чтобы она реагировала на тебя подобным образом.

– Он пил?

– Нет. Раздевайся, проходи и, пожалуйста, о нем больше не спрашивай. Сегодня повторно идет «Ирония судьбы». Ты ее видел?

– Пытался, но духу не хватило.

Это действительно ирония судьбы. Неделию назад мы с Алиной сидели у телевизора, когда на экране замелькали пьяные рожи в бане и повеяло мрачной скукой. Стало тошно, и уговорил ее прогуляться по Петропавловску. Гулять по Ижевску нет ни малейшего желания. На этот раз придется смотреть.

– Садись в кресло. Ты уже осмотрелся?

– Конечно. Обстановка стандартная, как у нас и как везде по Союзу. Но судя по плитке на кухне, полочкам и качеству ремонта, руки здесь приложены мастеровые.

– Опять он. Ты знаешь, я сидела, ждала тебя, и у меня было такое чувство, что я начинаю жить заново.

– Хорошее чувство, пусть оно живет, не прогоняй.

На этот раз «Иронию» выдержал до конца, ощущение такое, словно в съеденную ложку меда прибавили капельку дегтя. Вроде смешно, но видеть Барбару Брыльску и Юрия Яковлева втиснутыми в наш серый быт, в нашу нищету просто больно. И от самого сюжета «по пьяни» немножко подташнивает. Мои соболезнования Эльдару Александровичу, ничего лучшего в нашем бытовом болоте он не смог найти.

– Пора и честь знать.

– Я тебя провожу, – согласилась Ольга.

Шубу можно и на лестнице застегнуть.

– Спасибо за вечер. До свиданья.

Неожиданно шагнула ко мне, обхватила за шею и стала падать, закрыв глаза. Такой вес можно держать на руках хоть всю ночь. Она прижалась к груди, стала совсем маленькой и беззащитной.

– Только, пожалуйста, не трогай меня сегодня. Прости меня!

– За что? Намучилась одна.

– Хорошо, что ты все понимаешь.

Постепенно приходит в себя и твердо встает на ноги.

– Я испугалась, что сейчас вот шагнешь за порог, и я тебя больше не увижу. Приходи завтра без предлога. Хорошо?

– Конечно. Так же в семь?

Ижевский мехзавод

Папа познакомил со своим приятелем по гаражу. Он обещал показать ижевский завод, который производит знаменитые «москвичи». Мужик назначил на девять часов утра и сказал, что будет ждать у проходной. С девяти до полдесятого проторчал у проходной, но никто не появился, пришлось возвращаться домой. Еще через час кто-то постучал в дверь. На пороге этот мужик.

– Ты почему не приехал? Я тебя целый час ждал.

– Я почти столько же торчал у проходной.

– У какой?

– Без понятия, проходная ижевского механического завода.

– Это не та, их не одна, я забыл тебе сказать, какая конкретно. Одевайся, поехали, я договорился.

На своем «москвиче» доставил к проходной совсем с другой стороны. Не предъявляя пропуск, сказал:

– Он со мной.

Дальше пройти не так просто.

– Зайдешь в отдел кадров, скажешь, что хочешь устроиться на работу, тебе выпишут разрешение, чтобы ты ознакомился с производством.

Начальник отдела кадров – яркая женщина лет сорока, с проницательным взглядом и с золотыми массивными кольцами на каждом пальце обеих рук. Судя по взгляду, в нормальном браке и жизнью вполне довольна.

– Хотите устроиться на работу?

– Хотя бы посмотреть, дальше видно будет.

– Квартира есть?

– Да, я живу у родителей.

Взглядом проверила, нет ли у кадра дурных намерений относительно советского завода, и, не найдя таковых, выписала бумажку.

– Вас пропустят.

Провожатый уже ждет в цехе.

Цех огромный, стены отделаны кафелем, чисто, просторно, звучит приятная музыка. Первое впечатление, что все замечательно.

У стены в ряд выстроились штамповочные станки. У каждого станка сидит девушка. Она кладет в матрицу круг тонкого листового металла, затем левой рукой нажимает одну кнопку, затем правой вторую справа. Сверху падает огромная балда со страшным стуком, потом поднимается вверх. Девушка вытаскивает готовую деталь, кладет ее в стопку слева и снова берется за следующую заготовку. И сколько же раз за восемь часов они проделывают эти операции? И они не глохнут?

– Обрати внимание, что у них две кнопки. Если сделать одну, что было раньше, то в конце концов они делали одну ошибку и одну руку оставляли на детали, нажимая вторую кнопку. Если сейчас отключат вторую кнопку, то их ждет наказание рублем.

– И сколько они получают?

– Восемьдесят рублей в месяц.

Теперь понятно, почему у них глаза, как у недоенных коров.

Дальше пошел конвейер. Сначала рама, затем на определенном участке двигатель, трансмиссия, колеса, на следующем – дверцы, затем электрооборудование и т. д. На финише готовый «москвич», про который японцы говорят, что это самый быстрый трактор в мире. На всем пути следования, на каждом участке – молодые парни, но сказать, что у них огонь в глазах, –

значит соврать. Не такие пустые взгляды, как у девушек, но с вопросом «Что ты тут, козел, лазишь, может, в морду хошь?».

– Сколько они получают?

– Семьдесят пять – восемьдесят в месяц.

– Им больше негде работать?

– Тут хитрая политика. Они все имеют небольшие сроки – год-два за хулиганство, мелкое воровство. Им ставят условие: либо они отбывают срок на зоне, либо работают на заводе за копейки. Они выбирают второе. Кто нарушает дисциплину, идет на зону.

– Добровольно и с песнями, как и везде.

Цеха позади, мы во дворе. Гид показывает на горы листового металла.

– Вот отечественный прокат, он негодный. При штамповке получаются трещины, детали стопроцентного брака. Мы отдаем сталь за границу, потом покупаем втридорога лист, из которого штампуем ковку. Только импорт соответствует требованиям производства.

Готовые автомобили обкатываются, проверяются регулировки шасси, затем опробуются на треке.

– Кто гоняет по треку?

– Это уже мастера. Они имеют до трех сотен в месяц. Ну как тебе завод?

– Мне здесь нечего делать. К треку меня подпустят лет через десять, значит, мое место на конвейере, в администрации мне тоже делать нечего. За восемьдесят рублей ездить каждый день на автобусе по часу туда и обратно, потом платить за квартиру, покупать продукты в очередях, смотря на пустые прилавки, не останется ничего на одежду, не говоря о развлечениях и поездках. А на Севере я за счет коэффициента и надбавок имею чистых три сотни на руки, как минимум. Мясо, рыба, картошка бесплатно. Молоко, яйца, сметана, творог стоят копейки, сколько хочешь. Икрой родителям помогаю, у них все есть, ни в чем не нуждаются. Работа интересная. Оплачивается проезд в Ижевск два раза в год и куда угодно по Союзу раз в три года. Охота, рыбалка, приключения. Тут мне делать абсолютно нечего.

Оля

Итак, надо позвонить два раза.

– Это ты! Заходи, раздевайся.

А глаза! Да за такие глаза можно мерзнуть в тундре и жариться на экваторе.

– Ты ужинал?

– Нет, как и было приказано.

– Ну и молодец! Я достала сосисок. С капустой пойдет?

– Вполне.

– Пусть варятся. Давай поговорим.

Кто бы мог поверить, что эта деловая и уверенная в себе женщина вчера вечером была такая маленькая и беззащитная? Впрочем, слабость женщину не портит, а уж загадочность и вовсе наоборот. Оля направляется в комнату и, проходя мимо, наталкивается на мою руку. Она ждала этого. Отводит свои руки назад, чтобы мне было удобнее ее обнять, и, быстро повернувшись ко мне, прижимается своим горячим телом, вызывая вспышку желания. Движения резкие и поцелуй жадный, словно она делает что-то запрещенное и сейчас появится кто-то, кто прервет наше удовольствие.

– Как хорошо, что есть женщина и мужчина, – шепчет она.

– Это чудесно.

Ужин пролетает быстро. Мы рады каждому движению друг друга и ждем друг от друга чего-то необыкновенного и сладкого.

Ну что ж, пора бы поставить все точки над *i*.

– Оля, насколько я понимаю, тебе нужен муж?

Она становится сразу серьезной и сжимается в крюк, словно я коснулся в ней чего-то незащищенного. Но разговор принимает и молча кивает головой.

– Давай не будем питать иллюзий – для этой цели я не подхожу.

– Я тебя не устраиваю?

– Нет, не в этом дело. Ты мне очень нравишься. Но я себе представил, что я живу здесь, в городе, в четырех стенах, езжу на работу на троллейбусах в какой-нибудь цех, и мне захотелось повеситься.

– И что же тебе нужно?

– То, что у меня есть. Север, простор, сопки, тундра. Город я выдерживаю только месяц и то ради родителей.

– И у тебя есть женщина?

– Кажется, есть.

– Почему кажется?

– Я ее открыл недавно, только по дороге сюда, и пока не знаю, что у нас получится. Она замужем, у них ребенок.

– Она тебе нравится больше, чем я?

– Она у меня и сейчас перед глазами стоит.

– Спасибо за правду, – прошептала Оля, – но бьешь ты больно.

– По-моему, так лучше.

Она сидит на табуретке, подогнув под себя ноги и уткнувшись подбородком в колени. В кухне царит тишина, мы взвешиваем свои слова и ощущаем навалившуюся на нас размолвку. Все дальнейшее зависит от нее, в данный момент она может показать несостоявшемуся ухажеру на дверь. Но она молча смотрит на меня, и прийти к такому решению у нее нет сил. В любом случае пора домой. Оля вышла в прихожую проводить и стоит, опять же не говоря ни слова, но в глазах хитринка, а не боль расставания.

Прежде чем шуба застегнута, она оказывается под ней.

– Ой, как под ней хорошо!

О боги. Две недели назад эту же фразу произнесла Алина!

– Наверное, шуба хорошая.

Голова от поцелуев опять начинает кружиться. Но уходить все-таки пора.

– Завтра повторение «Песни-75», приходи в это же время.

Почему с женщинами надо встречаться обязательно при одинаковых обстоятельствах? Может быть, Соловьев-Седой прав: песня в нашей стране «спазматически стоит на втором месте после хоккея с шайбой». Но должна стоять на первом. Не может никакая игра, не считая игры с женщиной, дать такое удовольствие, как песня.

Праздник песни закончился. Телевизор в углу комнаты чернеет экраном, в комнате темно, мы сидим рядом на диване. Оля смотрит на гостя внимательно, словно изучает.

– Ты не такой, как все. Я еще не видела, чтобы мужчины так восторгались песней.

– «Тот, кто песни петь и слушать не умеет...»

– Может быть, но ты выделяешься на общем фоне.

Слова уже особой роли не играют. Она ждет поцелуев и не только. Про мужика можно не говорить, всегда готов, как пионер.

– У тебя халатик удобный – быстро расстегивается.

– Я его буду надевать только для тебя!

Халатик расстегнут, под ним купальный костюм – это не помеха. Она податливо ложится и продолжает поцелуй. Лифчик на пуговичке, это выяснилось, когда Оля первый раз повернулась спиной ко мне. Левая рука ловит пуговичку, но ее локоть отводит мою руку настоль чивее, чем позволяют правила игры. Отбита она и с бедра довольно сильным ударом. Ольга прерывает поцелуй и сердито говорит:

– Давай сядем.

Человек может покорить космос, Землю и Вселенную, но только не может понять женщину. Организм подготовлен для женщины, остановиться практически невозможно. Надо было или не разрешать ничего, или позволить все до конца. Но прерывать на полпути – это же...

– Оля, зачем ты так?

Чокнуться можно. Жестокая шутка. Кровь пульсирует в висках, надбровья гудят болью. Про нижнюю половину туловища лучше не говорить, такое впечатление, что сейчас все лопнет. Попробовать выйти на балкон, чтобы успокоиться и прийти в норму. Все окна противоположного дома чернеют ровными прямоугольниками, только одно светится ярким светом, и на его фоне вырисовываются мужская и женская фигуры. Не мы одни в час ночи выясняем отношения.

Ну вот, вроде полегчало. Но зачем же она так поступила, с какой целью? Или без цели? Каков смысл разжигать мужика, а потом останавливать на полном скаку? Ей-то каково? Прежде чем оскорбиться или отреагировать, надо понять смысл ее поступка.

– Оля, зачем ты так сделала?

Она молчит и смотрит перед собой остановившимся взглядом. М-да, вразумительный ответ. Ну что ж, погуляли, пора и домой, желательно не опоздать на последний троллейбус, а то по шпалам, да по шпалам не интересно.

В прихожей стоят Олины сапожки. На вешалке ее зеленое пальто и песцовая шапка. Странно, почему же ее нет в комнате? В кухне ее быть не может. Отец сидит на своем месте, мама на своем, а стул, где должна сидеть гостья, пуст. Ясненько, спряталась, когда услышала, что дверь хлопнула, и решила преподнести сюрприз.

– Как в этом доме насчет пожевать?

– Прошу пана к столу.

– Сейчас, руки вымою и принесу стул.

– А стул зачем? Вот же стоит.

– А куда Оля сядет?

– Какая Оля?

– Которая стоит за шкафом.

– А как ты узнал, что я здесь?

– По шапке, пальто и сапожкам.

– Я об этом и не подумала!

– Не получится из тебя разведчика.

Мамин борщ хорош, да еще с таким гостем.

У нее в глазах опять заблестела хитринка.

– Так я не договорила, Вера Михайловна, у меня есть жалобы на вашего сына. Он плохо себя ведет.

– Выгоните, если плохо ведет.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что он мне нравится.

– Тогда скажите ему, чтобы он больше не приходил.

– Хорошо. Петр, чтобы больше ты ко мне не приходил. Кстати, на ужин сегодня будут голубцы, жду ровно в восемь.

На ней халатик с преобладанием желтого цвета, с темными крупными цветами. В нем она выглядит очень мило, как-то подомашнему. Его основная прелесть в том, что он сам по себе зеленый, цвета светофора.

– Голубцы на столе, мой руки. У меня есть вино, очень хорошее. Будешь?

– Нет, спасибо, желательно без него.

– Оно вкусное.

– Охотно верю, но не хочу даже вкусного.

– Ты странный человек.

– А странному человеку можно ложку?

– Голубцы положено есть вилкой.

– Тогда самое вкусное останется в тарелке.

Не будешь же спорить с хозяйкой. Но минут через пять она пересматривает свои позиции.

– Да, пожалуй, ты прав. – И достает две ложки из ящика стола.

– Что будет дальше?

– Чай с вишневым вареньем и фигурное катание.

– На чем мы остановимся после фигурного катания?

Она оседает, представив, что будет дальше.

– Не знаю, я не могу.

– По правде говоря, я ничего не понимаю в твоём поведении.

– Понимаешь, я не могу.

– Кажется, понял. Тормоза не дают?

– Мне даже с мужем было тяжело, а к тебе я еще не привыкла.

Вроде дошло. Когда в голову с детства вбито табу, от него трудно избавиться даже в тридцать. Ей надо помочь через это табу перешагнуть.

Идет показательное выступление фигуристов. Роднина и Пахомова – звезды семидесятых. Людмила замирает перед стартом, сосредоточенная, уверенная и сильная, ждет музыки. Вот она зазвучала, и прежде чем войти в танец-песню, она делает неуловимое движение плечами.

– Ты знаешь, я не столько жду ее танца, сколько этого движения. Оно меня всегда приводит в восторг.

– А я без ума от Овчинникова.

Развеиваются слова и их образы. Остаются в комнате двое – женщина и мужчина. Теперь известно, что купальный костюм – это очень серьезная проблема.

Целует она жадно и резко. В разгар поцелуя мои руки медленно идут по спине и, словно невзначай, прикасаются к застежке лифчика. На этот раз она пластмассовая с фигурным выступом. Оля вздрагивает и хмурится. Как же тяжело укрощать женщину в тридцать. И какой недо-тепа ее обкатывал?

– Лифчик ужасно мешает. Давай его снимем.

– Да ты что? Я не могу.

– Тебе и не надо, я сам. Ты только зажмурься.

– Я не могу.

– Тогда я зажмурюсь.

Она молчит, и это молчание колебания. Застежка расстегнута.

– Только закрой глаза.

Все равно темно. Сосок пойман губами, ну теперь тебе будет трудно устоять. Она вся затрепетала и обхватила мою голову руками. С каждой секундой теряет контроль над собой, все больше расслабляясь, но как только руки прикасаются к бедрам, она резко отталкивается и садится, откинувшись на спинку дивана и тяжело дыша.

– Давай выпьем что-нибудь успокаивающее.

– У меня ничего нет.

– Есть.

– Что?

– Пойдем, покажу.

Кефир – самое то для настоящего момента.

– Петр, ты ужасный человек.

– Ужасный и странный.

Напряжение снято, можно возобновить попытки.

От возбуждения она начинает покусывать кончики пальцев.

Когда страсти поулеглись, Оля вдруг становится серьезной.

– Скажи, ну почему Слава не может быть таким, как ты? Он выходил из себя, когда я о ком-то из мужчин отзывалась хорошо.

– Это и было причиной развода?

– Да, он чуть ли не с кулаками кидался на меня, когда я задерживалась на работе или любовалась кем-то из артистов.

– Ревность. Сколько вы прожили вместе?

– Восемь лет.

– И всегда так?

– В последнее время особенно. Он не ударил ни разу. – Она выпрямилась, и глаза ее заблестели гневом. – Пусть бы только попробовал. Но я поняла, что он может ударить. Как ты думаешь, я сделала правильно?

– Конечно, без доверия – не жизнь.

– Он недавно приходил, деньги приносил. Я его не пустила и деньги не взяла.

– Ну и зря.

– Нет, мы и без него проживем.

– Воспитывать и содержать дочь – это его обязанность и потребность, ты не должна его лишать своих прав, это жестоко.

– А он со мной обошелся не жестоко?

– Он посягнул на твою свободу чувств, за это ты его лишила себя, это справедливо. Но лишать его дочери ты не имеешь права.

– Так ты считаешь, что я должна была деньги взять?

– Разумеется. Он неплохой парень. Мастеровой, не курит, не пьет. Ушел, оставив все, значит, не мелочный. Принес деньги дочери, выполняя свой отцовский долг.

– Так что же, мне его брать обратно?

– Это по желанию. Но от дочери изолировать нельзя и надо постараться сохранить хотя бы уважение друг к другу. Все резать-то не надо.

– Нет, никогда! – Но прежней уверенности уже нет.

– Оля, я завтра улетаю в Москву доводить зубы до ума, здесь нет возможности поставить мосты, а там есть один адрес, дали ачайваямские знакомые.

Ее руки привычным движением поворачивают голову пациента к свету, хотя происходит все не в кабинете.

– Открой рот. Да, лунки зажили, мосты можно ставить.

За последние десять дней она сильно изменилась: осунулась, похудела, глаза ввалились. Расслабиться она так и не может, а без разгрузки попытки превратились в пытку. От прежней веселой Оли, которая лихо дергала зубы, не осталось и следа.

– Я уже пью сердечные капли, – показала она какую-то зеленую пакость.

– Поздравляю. Обмороков еще нет?

– Пока нет, но все знакомые от меня уже шарахаются.

– Не переживай, то ли еще будет. Но пока твой мучитель будет в командировке, ты восстановишься и, может быть, соберешься с духом.

– Нет, я, наверное, никогда не смогу. Когда ты уходишь, я еще час сижу около двери, а потом долго не могу заснуть. У меня все болит, но я ничего не могу с собой поделать.

– Но как же это у тебя получалось со Славой?

– Ему я не разрешала смотреть на себя, когда я раздетая, и прикасаться к груди, но у тебя это так хорошо получается. Я только начала понимать, как это все вкусно.

– Все, что было, только прелюдия.

– Я ему обязательно скажу: «Какой же ты мужчина?» Куда ему!

– Тем не менее он добился большего.

– А! – она махнула рукой. – Об этом и вспоминать страшно.

И вдруг она оживилась.

– Ведь ты летишь в Москву! Можно тебя попросить об одном одолжении.

– Неужели я отвечу отрицательно?

– У меня в Москве одна знакомая, она купила мне ковер. Ты мне привезешь его?

Она посмотрела почти испуганно, засомневавшись в этичности своей просьбы.

– Для этого мне нужно две вещи.

– Какие? – Она уже готова отказаться от нее.

– Первое – адрес твоей знакомой, желательно с телефоном, и второе – записку от тебя.

Оля вздохнула облегченно.

– А это удобно?

– Написать записку и адрес? Стоя, конечно, нет, а сидя удобно.

– Нет, ты ужасный человек! Только не говори ничего своим родителям.

– Хорошо. Но мне пора, пиши записку.

После прощальных поцелуев она резко открыла дверь и, прижавшись лбом к стене, простонала:

– Господи, какая же я дура!

Москва

Женщину в Москве зовут Лена. Постарше, у граций в отпуску, но де ловая. Рекомендация от наших почтарей и трехлитровая банка икры сра ботали мгновенно. На следующий день назначена встреча в институте имени Семашко.

Лена появляется после вызова и коротко кивает – жди. Это мы умеем. Еще через полчаса указывает на кресло.

– Да, зубки ты запустил.

– Лена, если что нужно... только сделай, есть же нечем.

– Нет, нет. Сделаем, сделаем. Придется немного заплатить.

– В пределах тысячи наскребу.

– Да ты что? Сотни много! Начнем с рентгена. Вот тебе карточка, запомни фамилию.

Будешь лечиться под этой фамилией. Понял?

Не подведи, а то, бывает, больного вызывают, а он молчит, сидит, ждет.

– На память не жалуясь, ждать не буду.

– Ну и молодец! Кабинет на втором этаже, кинешь бумажку в ящик. Потом придешь ко мне, направлю тебя дальше, главное – к студентам не попасть.

Посмотрев снимки, неопределенно протягивает «м-да-а-а».

– Ну ладно. Для начала поднимись наверх, там тебе луночку выскоблят.

Ассистент квадратный и рыжий, с толстыми пальцами-сардельками, хоть и в белом халате, но больше похож на пирата, чем на врача. – Садись в то кресло. – Указал к окну. – Тебе скоблить? Леночка, выскобли молодого человека, пусть потерпит, не только женщинам терпеть.

Леночка «скоблилку» держит первый раз в жизни. Долго крутит в руках карточку и облегченно произносит:

– У вас все в порядке.

– Чудесно. А в рот вы не заглянете?

Леночка вспыхивает майским цветом, но зуб увидела сразу. После пяти минут возни к ней подходит сокурсник азиатского происхождения, похоже, наш брат бурят.

– Леночка, что тебе попало?

– Да вот...

– Дай-ка я попробую.

У него рука потверже, и двух движений хватает, чтобы выдрать загнивший осколочек. Самое противное, что нельзя вставить пару замечаний – рот открыт и его нельзя закрыть.

– На сегодня хватит, – резюмирует Лена. – Приходи завтра в десять.

На станции «Беговой» вечером почти никого. Впереди на эскалаторе выплясывает подвыпивший алкаш, сзади вдалеке идут парень с девушкой. Неожиданно пьяный теряет равновесие и, переступив несколько шагов назад, набирает солидную скорость и летит затылком на окованную ступеньку эскалатора, пролетев метра три. Сразу отключился и закачался вверх с закинутыми за голову руками. Парень и девушка, не сговариваясь, повернули к противоположному выходу. Надо бы помочь бедолаге, а то так его и будет наверху мотать, ведь наверняка там никого нет. Никогда не было, а сейчас появился. Сержант милиции – откуда он взялся? Предстала ему картинка: мужик в полушубке и у его ног труп. Зеленый сержантик, глаза стали квадратные, и застыл как изваяние.

– Бери за руку!

Он подчиняется, как загипнотизированный, и через минуту алкаш прислонен к стенке.

– Вызови «скорую»!

Но он не несется к телефону. Толкнул дверь рядом с чучелом, и из нее вышла такая же зеленая девчушка в белом халатике, и они вдвоем уставились на алкаша. Самое время линять.

– Одну минуточку, – сержант догнал уже на выходе.

Вот черт, не хватило минуты, чтобы раствориться в темноте.

– Да, пожалуйста.

– Давайте спустимся, у него рука какая-то!

Приходится спускаться обратно. В самом деле, левая рука над головой и словно каменная, сам мягкий и дышит. Пружинит и вниз не идет. Не ломать же ее.

– «Скорую» вызвали?

– Да. А что с рукой?

– Спроси что-нибудь полегче.

Он провожает растерянным взглядом удаляющегося типа, но сформироваться мысли, остановить свидетеля или убийцу мешает подоспевшая «скорая». Подкуют, а потом докажи, что не верблюд, лучше вовремя исчезнуть.

Ночью снова пришла она, зубная боль, и мучила, пока наши на Олимпиаде не забили чехам четвертую шайбу. Да, в этой куче забросить ее было почти подвигом. Сразу стало полегче, и даже удалось до утра покемарить. В десять Лена посочувствовала.

– Он у тебя болит под пломбой. Кстати, кто тебе ее поставил?

– В Ижевске по благу.

– Ага, – она выковырнула ее одним движением, – видно, что бластная. Вот что, пойдешь в физиотерапевтический, они тебе все зубки проверят... Не забывай свою фамилию.

Симпатичная женщина настроила приборчик.

– Один электрод возьмите в руку, а второй я буду прикладывать к зубам. Когда почувствуете жжение, скажете.

Нет проблем. Вскоре Лена расшифровывала ее иероглифы.

– Этот совсем плохой. И рядом не лучше. Остальные пойдут.

– Только, пожалуйста, не к студентам!

– Нет, я договорюсь с одним асом. Наложу ему маленькую баночку икорки.

Ас есть ас. Заводит в огромный пустой кабинет и не спеша наматывает нервы на иголочку.

От боли воздух становится прозрачным.

– Все, больше не могу, сейчас в окно выпрыгну!

– Все, – улыбается врач, – на сегодня хватит. Завтра поставлю пломбы,

Он не обманул, эта боль была последней. Теперь жить приятней, можно и съездить к Олиной знакомой за ковром. Однако черти ее занесли. Даже телефона нет. Двадцаткой до конца, и еще минут пятьдесят блужданий. Наконец нужная дверь приоткрылась.

– А, вы от Оли!

И даже распахнулась.

– Заходите. Я вот ковер упаковала. Так пойдет?

– Вполне.

– Передавайте ей привет.

Он легче ковра.

Но обратно двадцатка завезла куда-то не в ту степь, и только тогда вырисовалась железка «в парк». И куда смотрел, когда садился? Там такие ножки были! Куда же идти?

– Одну минуточку!

Откуда черт принес этого старлея? Невысокого роста, стройный, ладный, складный, кобура под рукой, взгляд цепкий. Этот не замрет и глазами не заморгает. Видно, в переделках уже побывал. В общем, его понять можно – стоит мужик с ковром под мышкой и широко разинул варежку, да мужик-то в положении, не хуже, чем баба.

– Предъявите чек на покупку ковра.

– Да это не мой ковер, и я его не покупал.

– Ваши документы?

– С собой не ношу.

– Придется пройти в отделение.

Придется, куда ж деваться. Шагаем в тишине и темноте улочки.

– Где взяли ковер?

– У одной женщины.

– Знакомой?

– Первый раз видел.

– Как же она вам его дала?

– Прочитала записку и отдала.

– А от кого была записка?

– От знакомой.

– И сколько вы знаете эту знакомую?

– Сегодня ровно месяц.

– Вы сами понимаете, что это чушь!

– Нет, не понимаю, только констатирую факты и стараюсь отвечать на вопросы предельно точно.

– Разве можно так за месяц узнать человека, что согласишься ему такую вещь?

– За такое время можно доверить и жизнь, если согласишься.

– Ее адрес?

– Город Ижевск, – и далее адрес.

– А что вы делаете в Москве?

– Лечу зубы.

– Адрес той, у которой вы взяли ковер?

– Глаголева, – назвал цифры.

– Телефон?

– Нет у нее телефона.

– Где вы живете сейчас?

– 1-й Хорошевский.

– Тоже знакомая?

– Тетя.

– Значит, вы живете в Ижевске?

– Нет, на Камчатке.

– А как попали в Ижевск?

– Приехал к родителям. Там учусь заочно в институте.

– Вы понимаете, насколько все запутанно?

– Понимаю. Не понимаю, как распутать.

– Поможем.

– Дадите квартиру в Москве? Сам, наверное, в общежитии или у тещи на птичьих правах?

– Почему вы думаете, что я женат?

– Наглаженный и обстиранный, мужчины так не могут.

– Размеры ковра?

– Леший знает. Можно измерить. Так метра два, а в длину... размотать, что ли?

Вопросы задает не спеша, вдумчиво. Симпатяга парень. Неожиданно он переходит на «ты».

– А как ты оказался здесь, если твоя тетя на Хорошевском, а знакомая на Глаголева?

– Сел на двадцатку, а она, зараза, завезла меня сюда и выкинула.

– Ты не видел табличку «в парк»?

– Увидел, когда вылез.

– По инструкции я должен доставить тебя в отделение. Но ты там проторчишь часа два, и тебя отпустят. Ты не вор, это я давно понял. Вон за сквером метро «Сокол».

– Там сориентируюсь, просто эту станцию первый раз вижу с тыла.

Лихо козырнул и повернул обратно. Такие порядок наведут. Жаль, что их мало.

Наконец-то позади все кабинеты и примерки. Лена сама воткнула мосты на место.

Четыре моста по пятнадцать рублей. Всего шестьдесят.

– Вот сотня и тысяча благодарностей. Я теперь жующий человек.

– У меня сдачи нет.

– Перестань, какая сдача, я еще столько дам и буду в выигрыше.

– Нет, нет. Я сейчас иду домой, и по дороге мы деньги разменяем. Ты хотел еще лук купить и клюкву, я тебе покажу хорошие магазинчики.

Ну и память. Давно говорилось и вскользь. Деньги разменяны сразу же и скрупулезно подсчитаны.

– Вот сорок рублей, пересчитай.

– Не убивай меня без ножа, я и так себя чувствую скрягой.

– Вот универсам, там есть лук.

Зима на лук дефицитная, в Ижевске не найти днем с огнем.

А в «САМе» очередь в три изгиба, но идет быстро.

– Стой здесь, я займу очередь там.

Минут через десять она занимает очередь в хвосте и так несколько раз. Не прошло и часа, как вес в руках стал чувствительным.

– Пожалуй, хватит, пошли за клюквой.

– Это все мне?

– Конечно, у меня давно кладовка забита.

– Лена, как с тобой рассчитывать буду?

– А, пошли.

Она несется с такой скоростью, что запомнить, где что, невозможно. Нырнет в какой-то подвальчик, оказавшийся «Дарами природы».

– Вон клюква, видишь, в бочонках? Сколько будешь брать?

Бочата маленькие, аккуратненькие.

– Одного хватит, больше не увезти.

– Что один, килограмм?

– Нет, бочонок.

Лена перебрала штук пять, придирчиво оглядывая каждый, и наконец сделала свой выбор.

– Вот этот.

Непонятно, чем те хуже, но важно, что есть лук, клюква и зубы.

Можно лететь в Ижевск.

Ижевск

Раз, два звонка. Шаги за дверью торопливые.

– Это ты? Заходи скорей. И ковер привез!

– И лук.

– Раздевайся. Я тебя сегодня не ждала. Ты уже приехал?

– Нет еще.

– Нет, ты ужасный человек. У меня сегодня прибыльный день, смотри, что мне удалось достать по благу!

На балконе круг замороженной говядины.

– Сегодня счастливое число.

– Садись, я пока что-нибудь приготовлю.

На столе гора посуды, видно, пришлось побегать.

– Давай посуду помою.

– Как? – Этот вопрос у нее в голове не очень укладывается.

– Постараюсь чисто.

– Обычно мужчины не моют посуду.

– Ты давно уже утверждаешь, что я мужчина необычный.

– Ну хорошо, мой, только надень фартук.

– Терпеть их не могу.

– Ну как хочешь.

Вода – горячая, холодная – что ж не мыть, одно удовольствие, хозяйство кухонное у нее поставлено хорошо, все по своим местам, удобно и под рукой.

– Хозяйка ты хорошая, молодец.

От похвалы она вздрагивает и прижимается ко мне.

– У меня из-за тебя сгорят оладушки.

– Хороший плохо и плохой плохо – всегда бедный мужчина виноват.

– Будь хорошим, пусть горят.

После ужина брюки с нашлепкой «Ну, погоди!» и кофточка исчезают, и хозяйка появляется в тоненьком халатике для случая. Сама садится на мои колени и оплетает шею жаркими руками. На халатике спецназначения надо делать застежку сзади. Приходится отстраниться, чтобы расстегнуть пуговички. Она смотрит с томлением, но когда под лифчиком обнажаются полные притягивающие груди, в ее глазах снова вспыхивает страх.

– Не надо, пожалуйста, не надо.

– Я зажмурюсь, но надо обязательно.

Она снова в моей власти. Оля начинает трепетать, ее объятия становятся все жарче. Руки опускаются на бедра и медленно идут к заветной цели. Она застывает на мгновение и вдруг отдается волне ощущений ласкающих ладоней. Но снять ткань не разрешает. Когда плавочки поползли вниз, она резко отталкивается и падает на диван, закрыв лицо руками.

– Я не могу, не могу.

Ну все-таки прогресс есть. Верхняя половина уже освоена.

Да, в тридцать женщину переучивать тяжело.

Разговор с отцом

Папочка опять укушался. В таком состоянии он выговаривает все, что у него накипело, и даже немножко больше. Мы сидим на кухне, мама спит. Она никогда не встречается в наши разговоры и делает вид, что ничего не слышала, хотя все видит и слышит на любом расстоянии шестым чувством.

– Тебе не приходило в голову, что твое положение не соответствует твоим возможностям? Кто ты? Слесарь с высшим образованием? Это ли не парадокс? Ты собираешься всю жизнь крутить гайки? Тебе тридцать лет, но у тебя до сих пор нет семьи, хотя ты женат официально! Этот брак – не настоящий брак. Ученье не создал, учеников растерял, как говорил Остап Бендер. О чем ты думаешь и думаешь ли ты вообще? С твоими способностями ты должен быть лидером. Чего ты добился в жизни и чего ты добиваешься? Или просто плывешь по течению? По-моему, тебе надо крепко подумать.

Так много вопросов. Они заданы, и надо ответить по существу – с отцом нельзя паясничать.

– Давай по пунктам. Первое – мое положение. Дорога вверх мне закрыта. Я не могу и не хочу кривить душой. Для того чтобы занять кресло руководящего работника, надо вступить в партию – без партбилета дорога вверх закрыта. Это ты оспаривать не будешь. Но в партию я вступать не буду, хотя бы потому, что я в нее не верю, и на все вопросы, задаваемые при вступлении в партию, я отвечу то, что я думаю. А выслушав меня, партийцы не только не примут в партию, но и постараются вообще избавиться от меня. Партия сгнила, она ведет страну в тупик. Она даже не балласт, а страшный тормоз, который задерживает развитие общества.

– Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Ты хочешь очернить партию, которой я отдал чуть ли не всю жизнь? Ты хочешь перечеркнуть все ее заслуги?

– То, что партия сделала для страны, я не отрицаю. Заслуги ее огромны. Она сыграла роль стартера в запуске двигателя. Но, если не отсоединить стартер от двигателя, он начинает играть роль тормоза. Так и с партией. Почитай Ленина. Его определение партии: это аппарат принуждения, который со временем должен отмереть. Он никогда не говорил «всю власть – партии», он говорил «всю власть – советам».

– У нас власть советов.

– Над которыми стоит партия.

– Партия руководит.

– Так это и есть власть партии.

– И что ты предлагаешь?

– Лишить партию власти, передав всю власть советам депутатов трудящихся.

– Мы в дебри полезли. Я говорю о тебе, а ты – о партии.

– Человек в обществе неотделим от государства. Отсюда ограничения в моем движении по социальной лестнице вверх, мне остается только находиться в самом низу, в чем есть свои преимущества.

– В чем же твои преимущества состоят?

– Я могу говорить все, что я думаю, без опасения, что меня понизят. Наша конституция гарантирует в случае конфликта отдавать предпочтение человеку труда, и суды обязаны рассматривать его заявления и быть на его стороне, чего не скажешь о должностных лицах. Существует отдельный список должностей, которые суды не имеют права принимать к рассмотрению, что дает возможность вышестоящему руководству творить беззакония. А рабочий всегда под защитой закона, если он законов не нарушает. Ему достаточно вовремя приходиться на работу, не пьянствовать на рабочем месте, не прогуливать, и он – лицо неприкосновенное. Ни один вышестоящий начальник, будь то администратор или партийный деятель, вплоть до

генерального секретаря, ничего с ним не сможет сделать, что бы он ни сказал. Можно говорить все, что в голову взбредет, не думая о последствиях. А это дорогого стоит.

Кроме того, должность – это кабинет и ответственность перед другими. А отвечать за выходы дебилов, которые сами не знают, что могут натворить, у меня нет ни малейшего желания. А механизатор – это простор, поездки, приключения, тундра, природа, охота, а не четыре стены в табачном дыму, от которых только стрессы. Это – романтика Севера, она наливает жизнью, дает силы и желание жить. Даже в ремонтах машин есть своя прелесть, удовлетворение от того, что ты сделал что-то полезное для себя и окружающих, освоил технику, узнал что-то новое. Конечно, крутить гайки – это тяжелая работа, но лучше грыжа и радикулит, чем инфаркт или инсульт. Да и эти вещи можно свести до минимума, если подходить к здоровью творчески, в смысле не рваться выше своих возможностей.

Что касается лидерства, тут я думаю так: лидер – это человек, который считает себя выше окружающих, а окружающие с этим согласны. Я считаю, что нет людей выше или ниже, все люди равны. Кто считает иначе, те либо унижают себя, либо себя возвеличивают, что в равной мере противно. Быть лидером необязательно, обязательно уметь бить лидеров в случае необходимости, чтобы поставить их на место.

Что касается брака, то ты прекрасно знаешь, что это только штамп в паспорте для нее, чтобы не ныла, что деревня ей в лицо постоянно тычет, что она сожительница. Лучше жить с ней, чем в общежитии, а квартиру мне никто не даст. Да и видимся мы с ней не так уж часто, я в основном в разъездах. Рядом с ней не так уж плохо: сыт, в чистоте, в тепле и уюте. Когда найду ту, что будет моей, тогда уйду от нее. Я это право себе обговорил с самого первого дня.

- Тебя послушать, не так уж все плохо.
- Совершенно с тобой согласен.
- Умеешь ты убеждать.
- Я же твой сын.

Институт

Зачет по математике принимает мужик. Просмотрел все выполненные задания, задал пару вопросов. Потом, подумавши, спросил:

– Ты где взял эту формулу?

– В учебнике.

– Каком?

Услышав название и автора, вытащил его на свет божий.

– Покажи.

– Вот она. – Открыл почти сразу, потому что она была примерно посередине книги. – Да ее нетрудно вывести и самому.

Он посмотрел очень внимательно на необычного студента и, забыв о математике, стал расспрашивать, кто и откуда. Узнав, что с Камчатки, ударился в воспоминания о том, как он служил на флоте во Владивостоке, и неизвестно, когда бы он остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.